COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE
CU08687056

C. GLINGLER
ROMA-VIA DELLA MERCEDE 36-37

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

N307

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗВѢЗДА“.

Книги того же автора.

О нищемъ, безумномъ и боговдохновенномъ искусствѣ. Изслѣдованіе. Предисловіе проф. С. А. Котляревскаго. Москва. 1910. Цѣна 50 копѣекъ.

Отчій домъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Москва. 1911. Цѣна 75 копѣекъ.

Помѣщичья Россія. По запискамъ современниковъ. Сборникъ. Москва. 1911. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Озеро. Романъ въ двухъ частяхъ. Москва. 1912 г. Цѣна 1 руб.

КОРОНА.

СБОРНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Н. Русовъ. Мистикъ.—Андрей Бѣлый. Усталость.—Б. Садовской. Лаура.—А. Блокъ. Подруга Свѣтлая.—Ник. Поярковъ. Красный цвѣтокъ.—В. Стражевъ. Стихотворенія.—Дим. Крачковскій. Смерти.—Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія.

Цѣна одинъ рубль.

Н. Н. РУСОВЪ.

ОЗЕРО

РОМАНЪ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ЗВѢЗДА“
Н. Орфеновъ.

891.7К898
И1

27925

МОСКВА,
Типографія РЕКОРДЪ. Арбатъ, Б. Афанасьевскій, 32.

JUN 15 1955

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Я распахнулъ окно. Полный мѣсяцъ молчаливо стоялъ въ синемъ небѣ надъ безмолвными купами сада. И все на землѣ и на небѣ: облака, звѣзды, цвѣты и тополи, все застыло въ душномъ молчаніи. Только издали, изъ-за рощи, со стороны фабричной казармы, звонко доносилась развеселая пѣсня. Женскіе голоса долго тянули высокую ноту и оборвали сразу...

И опять эти звѣзды, облака, да цвѣты полусонные, да пахучіе тополи въ лунномъ сіяніи! Сердце мое,—уже увядающее сердце! Тихія надежды мои,—только память о тихихъ надеждахъ! Любовь и нѣжность моя,—придетъ-ли вашъ послѣдній, жестокій часъ?..

И въ домѣ у насъ тишина: отецъ уѣхалъ въ городъ до завтра, мать расхворалась и лежитъ второй день въ постели, почти не выходя изъ своей жаркой и тѣсной комнаты. Только вотъ брата все еще нѣтъ, какъ нѣтъ. По обыкновенію, запропастился по разнымъ трактирамъ. А теперь, безъ отца, тѣмъ болѣе. Приструнить некому. Да онъ, положимъ, отца пьяный не боится.

Охъ, какіе бываютъ скандалы! Петя въ одномъ бѣльѣ, босоногій, лохматый, страшный, выскакиваетъ за ворота и, прыгая передъ раскрытымъ окномъ от-

цовскаго кабинета, начнетъ отчитывать батюшку: такими словами,—уши заткнешь!

Ты мою жизнь загубилъ! Ты сестру въ гробъ вогналъ! И такой, и сякой! Душегубъ, кровопивецъ, разбойникъ!

Отецъ тоже не выдерживаетъ и высовываетъ изъ окна нахмуренное лицо.

— Замолчи, ты, фараонъ! вотъ я тебѣ глотку пьяную заткну!

И потомъ на весь дворъ, еще громче и грознѣе:

— Матвѣй! Ѳедоръ! Связать его, безстыдника!

А кучеръ Матвѣй уже крадется къ Петѣ и вдругъ обхватываетъ ему грудь и руки, насѣдая всѣмъ тѣломъ.

Петя уже усталъ и покорно смиряется. Обнимаетъ кучера за толстую шею. И говоритъ тономъ удовлетвореннаго человѣка:

— Ну, веди-и-и меня, веди, санкюлотъ! (Кучеръ при этомъ словѣ густо краснѣетъ отъ обиды). Оба вы съ родителемъ одна шайка: проходимцы, мерзавцы, сволочь!

Матвѣй опять расплывается въ улыбку.

— Ужъ и ругатель вы, Петръ Андреевичъ! Чище папаши будете!

Петя еле языкомъ ворочаетъ:

— Позови Ѳеклушу.

А Ѳеклуша, испуганная и дрожащая, маленькая, въ бѣломъ платочкѣ, уже суетится около Пети.

Мать, женщина сырая и полная, при всякомъ такомъ случаѣ ложится въ постель, какъ больная, и запирается въ своей клѣтушкѣ вмѣстѣ съ проживающей у насъ старушкой, какой-то родственницей. Тамъ онѣ шепчутся и молятся Богу.

Отецъ съ шумомъ пройдетъ по всѣмъ комнатамъ, хлопая дверьми, на ходу поворчитъ на кого-нибудь, кто первый на глаза попадется, и не скоро успокоится у себя въ кабинетѣ, разлегшись на широкомъ диванѣ, который долго еще подъ нимъ скрипитъ и стонетъ... Такія-то дѣла!

А на утро, съ похмѣлья, Петя уныло посвистываетъ у себя подъ окошкомъ и никому не показывается до сумерокъ.

И вотъ сейчасъ вижу: между деревьями замелькалъ бѣлый платочекъ Ѳеклуши (она у насъ горничной). Остановившись и вытянувъ шею, она зашептала снизу:

— Илья Андреевичъ! А, Илья Андреевичъ!

— Что тебѣ?

— Тамъ Петръ Андреевичъ вернулись. Привели ихъ Ахапкинъ и Васька Цуисъ. Очень они шумятъ сильно. Боюсь, мамашу обезпокоютъ.

— Такъ ты уложи его.

— Батюшка, Илья Андреевичъ, подѣлать ничего не могу. Силы-то у меня никакой нѣтъ. Да и сама все плачу.

Ѳеклуша всхлипнула и кончиками платка стала вытирать глаза.

Я спустился по витой лѣстницѣ и черезъ черное крыльцо вышелъ на дворъ, гдѣ воевалъ Петя. Картина, надо вамъ сказать!

Два мужика и Ѳеклуша ведутъ брата подъ руки. Грузный, высокій, онъ упирается, размахиваетъ руками, говоритъ безсвязно и голову свѣсилъ. Да и мужики-то не особенно трезвы и сами покачиваются довольно серьезно. А вокругъ бѣгаетъ и неистово лаетъ

хриплымъ басомъ, дергая мужиковъ за штаны, любимая Петина собака, ньюфаундлендъ «Гладіаторъ», которая не отстаетъ отъ него ни на шагъ и раздѣляетъ всѣ его похожденія.

При моемъ появленіи, шествіе остановилось и «Гладіаторъ» тоже замолкъ, подбѣжавъ ко мнѣ съ умильнымъ визгомъ. Спасай, дескать! Я не забылъ потрепать собаку по мордѣ. «Гладіаторъ» лизнулъ мою руку и, высунувъ языкъ, улегся на ступенькѣ крыльца.

Мужики сняли рваные картузы.

— Добраго здоровья, Илья Андреевичъ! Уморились очень: тяжелъ братецъ-то вашъ!

И Цуисъ неожиданно икнулъ, сильно мотнувъ головой. Сконфузился и сказалъ въ сторону:

— Погода очень стоитъ жаркая.

Я посмотрѣлъ на него косо:

— То-то, что погода! Идите-ка съ Богомъ!..

Мужики было помялись.

— Полверсты тащили, Илья Андреевичъ!

— Ска-жи-те спа-си-бо, что я отцу про васъ ничего не говорю. Небось, своего не упустишь.

Мужики нехотя надѣли картузы и пошли.

Петя поднялъ на меня мутные глаза.

— Илюшка! Чор-ртъ! Отецъ дома?

— Нѣту, нѣту. Что ты все безобразничаешь? Каждый разъ—цѣлая съ тобой исторія!

Петя замоталъ головой.

— Ну, молчи, молчи! У Коськи былъ, пиво пилъ...

— Ужъ я вижу, какое пиво.

Я взялъ Петю за руки выше локтей, уперся сзади колѣномъ и, въ два пріема, поставилъ его на крыльцо.

— Экой ты здоровый, Илюшка! Въ отца, чор-ртъ!

Я приподнялъ его еще разъ и втащилъ въ комнату Ѳеклуши, гдѣ онъ ночевалъ очень нерѣдко. Конечно, потихоньку отъ отца и матери.

Петя повалился на постель и черезъ минуту захрапѣлъ отрывистой фистулой. Ѳеклуша неслышно прокралась за нами въ комнату. И стала бережно, чтобы не разбудить, стаскивать съ Пети сапоги, разстегивать воротъ рубашки. Пальцы у ней торопились и не слушались.

Я сказалъ съ грустной, но доброй улыбкой:

— Экой онъ у тебя персидскій шахъ!

Ѳеклуша тоже улыбнулась сквозь ясныя слезы и тихо отвѣтила, не глядя:

— Люблю.

И чуть пожала плечами.

Я вышелъ. Вдругъ мое сердце стѣснилось, и давнишняя боль тонкими уколами разбудила въ немъ жалость и горечь о всемъ потерянномъ, о всемъ напрасномъ. Ахъ, Ѳеклуша, Ѳеклуша! А та, другая?..

Года четыре тому назадъ Ѳеклуша поступила къ намъ пятнадцатилѣтней дѣвочкой,—Петя былъ студентомъ техническаго училища,—и влюбилась въ него чуть не съ первыхъ же недѣль и, чортъ его знаетъ, какъ онъ сумѣлъ такъ быстро овладѣть ею. Мнѣ она тоже нравилась,—беззащитная, тонкая, маленькая, съ покатыми плечами, всегда въ бѣломъ платочкѣ, какъ монашенка.

Тогда же я случайно увидалъ ихъ вмѣстѣ, у рѣчки, вечеромъ: Ѳеклуша сидѣла на колѣняхъ у Пети и взасосъ цѣловала его шелковые усы. Помню, я долго страдалъ и бѣсился въ душѣ. Не находилъ себѣ мѣ-

ста, ходилъ пѣшкомъ по тридцати верстъ въ день, уставалъ и спалъ, какъ убитый, чтобы не видѣть ревнивыхъ сновъ, просыпался на зарѣ и опять отправлялся блуждать. Но пока я мечталъ о Ѳеклушѣ, Петя уже цѣловалъ ея бѣлыя покатыя плечи. Что-жъ? Молодецъ-мужчина! Не всѣмъ же быть страдальцами и мечтателями!

Я не знаю подробно и вѣрно, почему, но по не совсѣмъ благовидной причинѣ Петя былъ исключенъ изъ училища и пріѣхалъ домой какъ-то въ февралѣ, для всѣхъ неожиданно, и залпомъ объявилъ непріятную новость. Безъ меня это было, но, говорятъ, отецъ чуть не убилъ его. Кричалъ и гремѣлъ такъ, что мать на самомъ дѣлѣ заболѣла, Ѳеклуша съ тѣхъ поръ немного заикается, у старушки голова стала трястись, ибо отецъ нечаянно тронулъ ее за сѣдыя косы, и потомъ самъ не показывался изъ города недѣли двѣ.

Съ тѣхъ поръ, уже года три, отецъ какъ бы не замѣчаетъ Пети, какъ бы не признаетъ его существованія. Только рѣдко спроситъ меня, при особенно хорошемъ настроеніи, или послѣ долгаго отсутствія, да и то какъ-то мимоходомъ, между прочимъ:

— Ну, что тамъ Петръ?

— Попрежнему: все пьетъ.

А ужъ какъ онъ, дѣйствительно, пьетъ! Уму непостижимо!

Подъ нашей фабрикой, у воротъ и въ сосѣдней деревнѣ, среди вѣчной грязи и навоза, пріютились разныя пивныя: садики, канарейки, граммофоны и толстая баба за стойкой,—низкія, дымныя, шумныя—войдешь, голова закружится!—и всякіе трактиры, чайныя

лавки, неизбѣжная, какъ судьба, казенка, булочная, закусочная, иногда подъ очень громкими именами: «Прогрессъ» или даже «Новый Эрмитажъ», еще продавцы съ лотка: папиросъ, оладьевъ, лимоновъ и яблокъ. Тутъ же оврагъ большой идетъ къ озеру, ручеекъ, лозы и травка,—и здѣсь лѣтомъ цѣлые дни и ночи пьютъ, спятъ, поютъ пѣсни, играютъ на гармоникѣ, разуваются и раздѣваются, несутъ сапоги и пиджакъ въ мелочную лавочку. Оттуда возвращаются съ двумя-тремя двугривенными, бѣгутъ черезъ дорогу прямо въ казенку и затѣмъ опять въ оврагъ выпить и отоспаться.

Въ этихъ укромныхъ мѣстечкахъ съ вечера до поздней ночи пропадаетъ и Петя въ компаніи съ Васькой Цуисомъ, его сверстникомъ и товарищемъ дѣтства. Васька Цуисъ, парень лѣтъ двадцати-пяти, уже женатый, семьянинъ,—забубенная, отчаянная голова. Несуразный, рыжій, съ длиннымъ носомъ и безъ бровей, онъ ведетъ жизнь самую неспокойную. Но жена его, несмотря ни на что, крѣпко любитъ (странная вещь, въ сущности!). Былъ Цуисъ у насъ и складальщикомъ, и накидчикомъ, и подъ токмаками, и подъ барабанами, и даже слесаремъ, наконецъ, сторожемъ, и вездѣ хорошо работалъ. Никогда не пропускалъ часовъ, но былъ грубіянъ съ мастерами, любилъ дѣлать по-своему и ни съ кѣмъ долго не уживался.

Васька Цуисъ, Петя (и собака) устраиваются въ отдѣльной комнатѣ, заказываютъ дюжину пива, другую, третью, курятъ дешевыя папиросы, угощаютъ кого попало. Собака пожираетъ колбасу. Къ нимъ собирается всякій народъ,—Петю всѣ знаютъ, — гармонисты, гитаристы, пѣвцы, — кромѣ женщинъ: ихъ

Петя къ себѣ не подпускаетъ. «Онъ любитъ одну, а на другихъ и глядѣть не хочетъ». Такъ и говоритъ имъ, если онѣ черезчуръ пристанутъ.

Петя сначала сидитъ понуро, самъ беретъ мандолину и выигрываетъ какой-нибудь старый романсъ: «Среди долины ровныя», «Ахъ, ты, вѣтка бѣдная», «Не осенній мелкій дождичекъ»... Или затянетъ вполголоса свою любимую пѣсню:

То не вѣтеръ вѣтку клонитъ,
Не дубравушка шумитъ,
То мое сердечко стонетъ,
Какъ осенній листъ дрожитъ...

И дальше разольется полнымъ голосомъ:

Извела меня кручина,
Подколодная змѣя,
Догорай, моя лучина,
Догорю съ тобой и я.

Ему тихо подпѣваютъ и подыгрываютъ. Петя увлекается, и выводитъ ноты все чище и чище, голосъ дрожитъ на высотѣ...

Третья дюжина приходитъ къ концу. Петя встаетъ, встряхиваетъ могучими плечами.

— Разойдись, нар-родъ!.. Васька! Цуисъ! Пляши.

Столы съ громомъ отодвигаются, бутылки падаютъ и звенятъ, льется пиво. Канарейка трещитъ. Мандолина, гармоники, гитара, все въ разъ, съ боемъ зачинаетъ Камаринскаго. Васька срывается съ мѣста и вьюномъ ходитъ по комнатѣ, подперевъ бока, присѣдая, подпрыгивая, подхлопывая.

Старый басъ-пѣвчій реветъ не въ ладъ и заглушаетъ всѣ инструменты:

Ай, жги, говори, говори!
А хозяйскій-то сынокъ загулялъ!

Стекла начинаютъ дребезжать; песъ, въ испугѣ, лѣзетъ подъ столъ и забивается въ уголъ, уткнувъ морду въ лапы. Ну, молъ, васъ къ лѣшему!

Послѣдній ударъ струнъ, и Васька застылъ на мѣстѣ.

— Пива!

Два половыхъ тащатъ за ручки корзину съ пивомъ. Петя съ трудомъ садится.

— Эхъ, завью горе веревочкой!

Низко опускаетъ голову.

— Вася, другъ мой! Веди меня! Будетъ! Къ Ѳеклушѣ веди!

Въ комнатѣ притихаютъ, и Петю выводятъ изъ пивной въ сопровожденіи хозяина, всей публики и всѣхъ половыхъ. Очень торжественно.

А на утро, говорю, Петя посвистываетъ и тренькаетъ на гитарѣ. Ѳеклуша отъ него не отходитъ, слушаетъ, молчитъ. Петя броситъ гитару, привлечетъ ее къ себѣ и вздохнетъ.

— Какъ я тебя люблю, Ѳеклуша!

Она обниметъ его, прижмется и зацѣлуетъ.

— Ѳеклуша моя, Ѳеклуша! Нѣтъ мнѣ безъ тебя счастья! Голубка ты моя заботливая! Отца я не люблю и боюсь, матери не люблю, жизни нашей выносить не могу. Не лежитъ къ ней мое сердце...

— А братецъ?

— Я не могу понять его. Онъ—хорошій, но онъ похожъ на отца. Добра изъ него не выйдетъ.

Петя и мнѣ это говоритъ въ лицо.

— Отчего ты,—спрашиваетъ,—Илья, такой холодный, такой недоступный?

Я дѣлаю видъ, что не понимаю вопроса.

Холодный! Да, у меня сердце не мягкое. И вообще людей я... не люблю. Но вотъ я вернулся къ себѣ, къ раскрытому окну, къ лунному свѣту, къ вамъ, звѣзды, и къ вамъ, облака,—отчего же такъ больно, такъ утомительно моему сердцу? Годы проходятъ. Тѣ молодые, сумасшедшіе годы, когда я плакалъ и ползалъ на колѣняхъ, цѣловалъ края платья и униженно молилъ о любви, эти годы прошли. Неужели все еще мало и страданій, и слезъ, и счастья? Мало! Еще! Душа умираѣъ не хочетъ! Еще! Excelsior! Сіяніе ослѣпительнаго счастія, небывалаго, невозможнаго, чтобы духъ захватило, чтобы сердце изнемогало...

Съ открытой головой и безъ пальто я сошелъ въ садъ и, черезъ незапертую калитку, березовой рощей направился къ озеру. Хорошо бы искупаться! Прекрасно: вода, какъ парное молоко.

Съ той стороны мигалъ огонекъ рюминской усадьбы. Кто же это тамъ не спитъ?

II.

Жили мы раньше еще дальше,—верстъ на двадцать отъ города. У отца была при большомъ селѣ Глазовѣ красильная фабрика, стоявшая на скверной, мелкой и грязной, рѣченкѣ Синигѣ.

Фабрика старая, деревянная, съ однимъ каменнымъ помѣщеніемъ для котла, темная, тѣсная, съ допотопными машинами, съ этакими нескладными токмаками, которые долбили какъ-то грубо и невѣжливо; и тутъ же всякіе пристройки, сараи, избушки для приказчиковъ и для нашего семейства,—все это въ одной общей кучѣ, огороженное высокимъ заборомъ съ гвоздями.

Работало у насъ человѣкъ двѣсти, больше женщины и дѣвушки. Но пройтись по фабрикѣ было непріятно. Женщины полураздѣты, безъ кофточекъ, съ голыми руками и шеей, въ грязныхъ юбкахъ, потныя, красныя, съ прилипшими ко лбу жидкими волосами,—до нихъ былъ большой охотникъ нашъ старшій конторщикъ Цыгановъ, кривоногій и красноносый Донъ-Жуанъ,—но мнѣ было неловко смотрѣть на нихъ, особенно когда нѣкоторыя изъ работницъ застѣнчиво, но откровенно улыбались и обѣщали глазами готовность и покорность. Впрочемъ, одна изъ нихъ...

Сами жили мы тоже не казисто. Это теперь у

насъ барскія хоромы, въ два этажа, съ парадным подъѣздомъ, съ электричествомъ, съ коврами и зеркалами, лошади, пролетки, даже автомобиль думаетъ отецъ завести, т.-е пока грузовозъ, доставлять товаръ на станцію. (Это, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе и удобнѣе, чѣмъ содержать десятки лошадей, полковъ и возчиковъ).

Положимъ, у нашей фамиліи теперь и чинъ другой: раньше мы были купцами изъ крестьянъ, а теперь— самые крупные фабриканты въ уѣздѣ и потомственные почетные граждане (отецъ жертвовалъ на колокольню). По чину у насъ теперь и хоромы.

Ну, а въ тѣ-то времена жались мы всѣ впятеромъ чуть ли ни въ трехъ комнатахъ, да двѣ темныхъ, уже безъ всякихъ удобствъ и украшеній. Голыя стѣны, безъ обоевъ, щепелявый полъ, разнокалиберная мебель, лубочные портреты отца и матери въ залѣ (она же столовая), комната, похожая на чуланъ, для сестры и такая же для насъ съ Петей; тутъ же рядомъ контора, а молодые конторщики, получавшіе рублей пятнадцать на всѣмъ готовомъ, въ ней же и спали.

Что Бога гнѣвить, при всемъ томъ было тепло и сытно, а для насъ, дѣтей, беззаботно и весело. Отца мы боялись, какъ смерти, но вѣдь дома онъ только спитъ да обѣдаетъ, а на фабрикѣ вмѣстѣ съ рабочими съ шести часовъ утра, когда бы ни легъ и какой бы пьяный ни легъ. Про мать и говорить нечего. Она только охала да возилась на кухнѣ, дѣлая любимые отцовскіе квасы, да для насъ оладьи, ватрушки, пышки.

Это теперь у насъ бываютъ парадные обѣды на

пятьдесятъ персонъ, съ фруктами и заграничными винами, съ цвѣтами и музыкой. Мать въ шелковомъ платьѣ, отецъ въ длинномъ сюртукѣ, мягкихъ сапогахъ, борода расчесана на двѣ стороны. Всѣмъ улыбается, даже говоритъ спичи, особымъ такимъ жаргономъ, «по-простецкому», «по-народному»: «не обессудьте, каковъ есть,—такимъ и возьмите». Гости во фракахъ и мундирахъ, дамы въ декольте и даже съ лорнетами (жена уѣзднаго исправника, m-me Лысенко, полная, дебелая и съ черными глазами. Она ухаживаетъ за мной, называя постоянно: мсье Топорковъ,—такимъ протяжнымъ тономъ).

И я отвѣчаю ей въ тонъ, подавая мороженое:

— Вы, ma-adame, единственная для моего се-ердца!

Она это принимаетъ въ серьезъ. Опускаетъ лорнетъ и рѣсницы. Чиститъ для меня грушу. Не отпускаетъ отъ себя. Иногда вздыхаетъ (она затягивается въ корсетъ) очень серьезно. Но все какъ-то у насъ съ ней ничего не выходитъ.

— Мсье Топорковъ, сведите меня въ са-адъ. Въ комнатахъ становится ду-ушно.

Я съ готовностью вскакиваю и подаю ей руку. Она тяжело опирается и плыветъ на террасу.

Бравый мужъ ея, усатый исправникъ, провожаетъ насъ изъ-за зеленаго стола недоумѣвающимъ взглядомъ. Я нарочно смотрю на него въ упоръ. Онъ прищелкиваетъ языкомъ и улыбается въ карты, какъ ни въ чемъ не бывало. «Тебѣ, должно быть, какъ съ гуся вода, батюшка: только бы картишки да выпить».

Слышу, какъ директоръ, англичанинъ, говоритъ очень громко:

— Рюсскій рябочій—свистюнъ.

Это его любимая поговорка... Разъ Цуисъ разсердился и при всѣхъ, на фабрикѣ, ему отрѣзалъ:

— Самъ ты свистунъ, англичанъ безперый.

Подъ конецъ общество становится нѣсколько развязнымъ. Отовсюду шумятъ и спорятъ. Англичанинъ, въ уголку, среди мужчинъ, показываетъ свои мускулы и усиленно дымитъ сигарой. Исправникъ, закручивая свои лѣвый усъ, кричитъ на партнера, безобиднаго старичка, мирового судью:

— Вы—баба, баба, баба!

Но вниманія на странный возгласъ никто не обращаетъ. Отецъ порядочно захмелѣлъ и что-то доказываетъ, жестикулируя, городскому головѣ, тощему и молчаливому человѣку, съ такимъ выраженіемъ лица, будто его чѣмъ-то смертельно обидѣли. Онъ у насъ какой-то убитый Богомъ (за него, впрочемъ, шибко стоялъ мой отецъ), холостякъ и любитель полныхъ женщинъ. Вся женская прислуга у него (а мужской, кажется, совсѣмъ нѣтъ) здоровенная, какъ на подборъ: хоть въ гвардію! Городской голова и сейчасъ не сводитъ умильныхъ и завистливыхъ глазъ съ m-me Лысенко и, повидимому, плохо понимаетъ, что ему говоритъ отецъ, ибо послѣдній уже теребитъ его за лацканъ сюртука.

Вальсъ... все равно, какой!..

Капельмейстеръ, подкрѣпившись у буфета, подпѣваетъ оркестру, стучитъ и размахиваетъ палочкой не совсѣмъ твердо и красиво.

Смѣшно, а я не могу не соблазниться. Пусть хоть m-me Лысенко: она танцуетъ легко! Но сладко закружиться въ шумномъ вихрѣ; женскіе глаза, томные, забытные, кажутся прекрасными, далекими. Рука силь-

нѣе обнимаетъ талію m-me Лысенко, и она еще легче касается пола, скользитъ и дышитъ...

Ахъ, эти колдуньи-скрипки! Я знаю: ваши обѣщанія—ложны, ваши надежды—напрасны, и мечтамъ никакимъ не сбыться, ну, давайте кружиться и кружиться...

M-me Лысенко шепчетъ, наконецъ:

— Я уста-ала.

Но я безжалостенъ.

— Еще одинъ туръ, m-me.

Часовъ въ девять вечера m-me Лысенко млѣетъ рядомъ со мной на скамейкѣ, въ саду, и, кажется, готова повиснуть на моей шеѣ. Но я все еще держусь твердо и не сдаюсь.

Кто-то мимо насъ прошелъ, еле можаху, удержался за дерево, наклонился и его стало сильно подергивать. M-me Лысенко вскочила, какъ ужаленная, и убѣжала въ домъ... Съ озера поднимался туманъ.

Такіе «балы» и «обѣды» задаемъ мы теперь, а тогда садились за столъ всѣ вмѣстѣ, хлебая изъ общей миски жирныя щи, крутую лапшу или, постомъ, уху, грибной супъ, а на страстной недѣлѣ даже мурцовку: квасъ съ чернымъ хлѣбомъ да съ лукомъ. А потомъ баранина или телятина съ кашей, гусь,—все такое тяжелое, неудобоваримое, отчего распирало наши дѣтскіе животы, и мы предпочитали обходиться безъ второго, дожидаясь клюквеннаго или молочнаго киселя, драчоны на яйцахъ или, по праздникамъ, моченыхъ яблокъ, вишенъ и сливъ. По праздникамъ же съ утра пеклись пропитанные масломъ, слоеные пироги съ мясомъ, съ рыбой или съ капустой.

Отецъ за обѣдомъ всегда выпивалъ двѣ-три рюмки

водки, а мать и мы запивали густымъ, кислымъ квасомъ.

За столомъ было тихо, ибо отецъ всегда поучалъ насъ разсказами о томъ, какъ онъ „вышелъ въ люди“ изъ простыхъ подмастерьевъ, а теперь „самъ хозяинъ“.

— Дѣдъ вашъ дворовымъ былъ, на запяткахъ у барыни ѣздилъ, а я вотъ самъ себѣ господинъ.

Мы слушали невнимательно, поглядывая въ окна, за которыми рабочіе, подъ дождемъ, накрывшись рогожами, укладывали привезенныя дрова.

Отецъ вытиралъ ложку коркой хлѣба и принимался послѣ щей за кашу, посоливъ ее большой щепоткой.

— Учили меня не по-нонѣшнему: пинками да щипками. Иной разъ выдерутъ такъ, что на спину потомъ не ляжешь. А ни за что! Халуи драли, свои же! А тятенька не любилъ меня и за волосья таскалъ усердно.

Конторщики сидѣли ни живы, ни мертвы и боялись проглотить лишнюю ложку. Покойная сестра, четырнадцатилѣтняя дѣвочка, въ угряхъ и веснушкахъ, не любимая ни отцомъ, ни матерью, совсѣмъ съежилась на краю стола, ушла въ себя и старалась не пролить изъ ложки, за что ей всегда попадалъ звонкій щелчокъ въ затылокъ. У ней краснѣли носъ и уши, потому что она была влюблена въ одного изъ „молодцовъ“, который сидѣлъ напротивъ. Но сестра молча глотала слезы и переставала ѣсть.

— Зафасонилась! Вотъ я тебя въ институтъ отдамъ! Такая же, какъ мать, дура.

Дарья Вавиловна, дочь городского трактирщика, при-

несшая отцу тысячъ двадцать приданаго, говорила мало и какъ-то въ носъ.

— Чтой-то, отецъ, какъ выражаешься! Съ роду не была въ дурахъ.

Отецъ смѣялся.

— Калина—сама себя хвалила: я съ медомъ хороша! Учить надо. Оттого и выражаюсь. Распустишь на свою шею. Вѣдь съ тебя, съ умной, спросить нечего.

Мать отмахивалась рукой.

— А, ну тебя! Съ тобой не сговоришь! Му-дровщикъ!

Отецъ съ шумомъ отодвигалъ стулъ, и мы всѣ вставали.

— Молитесь Богу.

И самъ, обратившись лицомъ къ иконѣ, отдуваясь и скороговоркой читалъ молитву: Благодаримъ Тебѣ, Создателю, яко насытилъ еси насъ земныхъ твоихъ благъ...

Отецъ шелъ вздремнуть съ полчаса на мягкой и жаркой перинѣ, приданомъ матери, которая всегда была взбита горой подъ ситцевымъ краснымъ пологомъ, мать укладывалась рядомъ съ нимъ, сестра не находила себѣ мѣста, Петя улепетывалъ къ своимъ друзьямъ, я читалъ, дѣлалъ задачи, уходилъ на фабрику въ паровую или смотрѣлъ, какъ буравили у насъ артезіанскій колодезь.

Петя учился тогда въ старшихъ классахъ реальнаго училища, я—въ среднихъ, ему было лѣтъ семнадцать, мнѣ—пятнадцать. Петя выросъ полнымъ и пухлымъ юношей и въ тѣ еще годы глоталъ пиво, какъ настоящій нѣмецъ. Его такъ и прозвали пріятели: нѣмецъ. Повадился онъ украдкою вылѣзать изъ окна,

когда всѣ заснутъ, и вмѣстѣ съ Васькой Цуисомъ, который мальчишкой головорѣзничалъ еще больше, полуношничать и бражничать по разнымъ злачнымъ мѣстамъ. Займетъ онъ у кого-нибудь, стащитъ или выпроситъ у матери рублей пять, Васька уже поджидаетъ его у воротъ, беретъ Петю и деньги въ полное свое распоряженіе, напаиваетъ его, себя и другихъ. Кромѣ того, пивникъ имъ отпускаетъ въ долгъ, а потомъ, разъ въ мѣсяцъ, представляетъ счетъ матери. Дарья Вавиловна ужасается, всплескиваетъ руками, плачетъ, но, во избѣжаніе скандала съ отцомъ, расплачивается сполна. Петю она вообще балуетъ и покрываетъ многіе его грѣхи. И чаще угощаетъ варенъемъ, даетъ потихоньку денегъ, прячетъ пьянаго отъ отца. Ко мнѣ она скорѣй равнодушна, сестры же прямо не любитъ. Скажетъ:

— И въ кого она, безталанная, уродилась? Чей грѣхъ развязала?

Безмѣсячной іюльской ночью въ воздухѣ томительно и тяжко, поблескиваютъ по небеснымъ краямъ зарницы, млечный путь уходитъ къ Іерусалиму, за моря и горы. И снится воздушный корабль, застывшія волны и одинокая сѣверная звѣзда...

Петя и Цуисъ спасаются въ дубкахъ (небольшая рощица на пригоркѣ за селомъ) «дуются въ три листика», а потомъ «ударяютъ по дѣвкамъ», которыя ходили по вечерамъ вдоль большой столбовой дороги, на которой стояло Глазово, грызли сѣмечки и распѣвали пѣсни: Чудный мѣсяцъ, Потеряла я колечко, Ахъ, зачѣмъ эта ночь... Подкрадутся къ нимъ сзади ребята и Петя, обхватятъ, напугаютъ: возня, хохотъ и визги. Пойдутъ гулять вмѣстѣ, туда, за село, ко ржа-

нымъ полямъ, на цвѣточныя, душистыя межи. Вернутся домой, утомленные и сонные, на зарѣ, когда уже третьи пѣтухи запоютъ...

Я не завидовалъ. У своей постели, на табуреткѣ, ставилъ жестяную лампочку, прикрывалъ ее самодѣльнымъ абажуромъ (изъ картона) и раскрывалъ толстую книгу по астрономіи съ раскрашенными картинками. Съ меня было довольно. Я чувствовалъ себя властелиномъ міровъ иныхъ, далекихъ и чудесныхъ...

А сестра умерла. Какъ я разбираюсь теперь, она отравилась. Весь день была не въ себѣ, за обѣдомъ совсѣмъ ничего не ѣла, отцу что-то сгрубила, и это было до того поразительно, что даже отецъ ничего не отвѣтилъ и только сердито рыкнулъ, замахнувшись ложкой. Но она встала изъ-за стола и убѣжала. А къ вечеру съ ней началась рвота, спазмы въ желудкѣ. Ее поили молокомъ и клали горячіе компрессы на животъ. Ничто не помогало. Она мучилась долго и умерла въ два часа ночи, никому не сказавъ прощальнаго слова. Мать очень плакала. А всѣхъ больше жалѣлъ ее Петя.

III.

Я дожидался отца на фабрикѣ, въ директорскомъ кабинетѣ, и разбиралъ только что присланные изъ Англіи каталоги новыхъ машинъ. Я свѣрялъ ихнія вычисленія.

Но дѣло подвигалось плохо. Меня заботили два обстоятельства.

Во-первыхъ, ткачи желаютъ устроить себѣ подрядъ три праздника, пропустивъ одинъ будній день, съ тѣмъ, чтобы отработать его потомъ, въ слѣдующее воскресенье. Отецъ почему-то упрямится, но я постараюсь всю эту исторію уладить.

Долженъ сказать, что я вообще административной частью фабричнаго дѣла не интересуюсь. Все это я предоставилъ отцу, весь внутренній распорядокъ: и переговоры съ рабочими, выдачу имъ всякихъ пособій, и распредѣленіе смѣнъ, и расцѣнку заработка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы переѣхали изъ Глазова, купивши и пустивъ въ ходъ большую ткацкую фабрику, отцу только и осталось, что взять на себя это, по-истинѣ, тяжелое бремя.

Мнѣ только было бы все покойно, безъ инцидентовъ, безъ рѣзкихъ столкновеній. Я этого страхъ не люблю. Мое главное увлеченіе—машины... Математика—моя жизнь. Мнѣ нравится ея точность, ея строй-

ность, ея небесная простота, ея беззаботность, ея мысленная смѣлость, ея чудеса... для избранныхъ. Профессоръ говорилъ, что я «красиво рѣшаю задачи».

Въ техническомъ училищѣ я кончилъ механическое отдѣленіе (Петя былъ на химическомъ), и теперь кромѣ чертежей, моделей, плановъ ничего не хочу знать...

Вспоминаю, лѣтъ двадцать тому назадъ, — я, кажется, только что поступилъ въ реальное и первый разъ пріѣхалъ на зимніе каникулы, въ домашніе тепло, уютъ и свободу,—у насъ, въ Глазовѣ, рабочіе забунтовали.

Сколько я тогда натерпѣлся страху!

Занавѣсивъ окна, я носу не показывалъ изъ комнатки, гдѣ мы всѣ сбились въ кучу,— я, Петя и шестилѣтняя сестра.

Начали бабы, — изъ-за чего, ужъ я сейчасъ точно не могу сказать, а въ то время не понималъ совсѣмъ.

Въ обычные шесть часовъ,—мы, дѣти, уже проснулись, по деревенскому, рано, но еще лежали въ кроватяхъ, мать едва успѣла еще затопить печку,—бабы сошлись на фабрику, паровую пустили, но вмѣсто того, чтобы стать по своимъ мѣстамъ, онѣ собрались на дворѣ и запѣли пѣсни.

Это было сигналомъ. За ними высыпали мужики, съ деревни понабѣжали ребята, — шумъ, гвалтъ, смятеніе.

Мы вскочили съ постелей и босикомъ подбѣжали къ окнамъ. Мать бросила свою стряпню, выронила изъ рукъ ухватъ съ чугуномъ и начала метаться по

комнатамъ, запирая двери, задвигая ихъ стульями, столами...

Отецъ наканунѣ уѣхалъ въ городъ.

Мать живо оттащила насъ отъ оконъ, опустила занавѣски, — сама плачетъ, растрепалась. Мы всѣ притихли въ дальнемъ углу и слушали.

Сестра испуганными глазенками глядѣла на мать и кривила лицо, не смѣя заплакать. Она дрожала, не успѣвши одѣться.

На дворѣ кричали:

— Давай намъ Цыганова! Жулика! Анаѳему!

Мать повторяла, какъ сумасшедшая, прижимая насъ къ себѣ:

— Сейчасъ къ намъ придутъ... Сейчасъ къ намъ придутъ...

Слышно, двинулись къ цыгановской квартирѣ. Зазвенѣли стекла, затрещали рамы и двери.

— Удралъ, чортъ окаянный!

— Скрылся, дери те горой!

Цыгановъ, какъ потомъ оказалось, спасался въ дровахъ, куда пролѣзъ незамѣтно, и просидѣлъ тамъ неподвижно, въ морозъ, цѣлыхъ два дня, пока не пришли солдаты.

Его нашли и вытащили наполовину окоченѣвшимъ.

Особенно добивались Цыганова нѣкоторыя бабы, которымъ онъ, должно быть, досадилъ по горло. Тетка Матрена, — смирная молодуха, которая у насъ часто стирала, — визгливо ругала его, на чемъ свѣтъ стоитъ, — такими грубыми, мужицкими словами.

Ухо мое насторожилось, и я съ удивленіемъ узналъ ея голосъ. Отчего она стала такой злой, такой страшной? Я потомъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, —

нѣтъ, все такая же, тихая, скромная. Что за диво? Но разспросить ее никакъ не рѣшался.

Насъ съ матерью не тронули, но грозили намъ очень громко. И сдѣлай мы что-нибудь вызывающее, намъ бы не сдобровать, какъ это случилось съ крахмальнымъ мастеромъ, старикомъ нѣмцемъ Шустеромъ.

Его даже любили и подошли къ нему съ шуточками, поймавъ на фабрикѣ и вытащивъ оттуда въ толпу на дворъ.

Тащили не особенно деликатно,—за шиворотъ,—и съ обидными прибаутками.

Нѣмецъ разсердился, раскричался, разматершинился.

— Не нравится! Чортъ толстопузый! Еще мать поминаешь!

Ему завернули руки.

— Вваливай, ребята.

Слышно какъ подъ окномъ тузятъ нѣмца во что попало,—кулаками, ногами, полѣньями. Ревутъ, стонутъ, кряхтятъ, сопятъ. Бабы поднимаютъ надъ нимъ подолы и с...ъ.

Намъ все это видно въ краешекъ изъ-подъ занавѣски. Вотъ сейчасъ понапрутъ, навалятся, и прямо къ намъ!

А мы не шелохнемся, молчимъ, какъ мертвые. Только по спинѣ пробѣгаютъ мурашки, да сгибаются колѣни, да стучатъ зубы.

Фабричныя стекла летятъ вдребезги. На деревнѣ грабятъ трактиръ. Толпа гудитъ,—теперь ей не попадайся на глаза.

Бабы совсѣмъ бѣшеныя: дико визжатъ, орутъ,—ужъ не пѣсни, а Богъ знаетъ что.

— Щенки топорковскіе! Притулились!

Ночью не зажигаемъ огня. Дарья Вавиловна собрала насъ къ себѣ на колѣни, плачетъ, охаетъ, молится.

Я, зажмурившись, уткнувшись въ материнскую грудь, слушаю, какъ по деревнѣ крики растутъ и растутъ...

На дворѣ опустѣло...

Петя храбрится.

— Я пойду на крыльцо. Посмотрю.

Мать обхватываетъ его всѣми силами.

— Не пущу. Не пущу. Убьютъ.

Шепчетъ, и трясется, и раскачиваетъ головой, какъ поврежденная, какъ нѣмая бабка Акулина, которую мы видѣли въ монастырѣ.

— Охъ, матушки мои! Охъ, родимые мои!

На другое утро на дворѣ у насъ ни души. Ворота раскрыты, сторожа нѣтъ. Разбитыя стекла причудливо изломались.

На снѣгу валяются тряпки, бутылки, куски матерій, разлиты краски. И подъ окномъ окровавленный, грязный, съ примерзлыми волосами, распухшимъ бѣлымъ лицомъ, съ подогнутыми ногами, скорченный, убитый нѣмецъ.

Мать причитала со слезами:

— О-охо! О-охо!

И кланялась, и раскачивалась. Съ утра такъ ходила:

— О-охо! О-охо!

Въ деревнѣ пѣли пѣсни...

Вдругъ, къ вечеру, прискакалъ верхомъ урядникъ, прямо на дворъ, осадилъ, лошадь шарахнулась и перескочила трупъ. Урядникъ слетѣлъ.

За нимъ ворвалась толпа, ревущая, какъ буря, какъ

ураганъ... На мигъ страшная тишина, и за ней какой-то неопредѣленный тревожный шумъ...

Топотъ и лязганье по обмерзлому снѣгу лошадиныхъ копытъ, ближе, быстрѣе. Потомъ пронзительные крики, удары, вой, суетня, бѣготня. Стучатся къ намъ въ стѣны.

Я падаю на полъ и, пальцами заткнувъ глаза и уши, ожидаю смерти... Долго. Кажется, часъ, два...

Хлопаютъ двери. Въ комнатахъ гремятъ сапогами и шпорами. Кто-то басомъ оретъ на весь домъ.

— Гдѣ же здѣсь хозяева?..

Въ кабинетъ входитъ англичанинъ-директоръ и съ сердцемъ размахиваетъ красными руками.

— Илья Андрейшъ! Что мнѣ дѣлайтъ? Рабочіе не шалайтъ. Я буду ругайтъ ихъ.

Я очнулся.

— Оставьте, Филиппъ Эдуардовичъ! Подождите, долженъ вернуться съ минуты на минуту папаша. Я съ нимъ уговорюсь,

Но директоръ все кипятился.

— Но имъ нельзя потакайтъ. Они лѣнтяй. Все водоч-чка!

Я, не стѣсняясь, махнулъ рукой, ничего не говоря. Англичанинъ вышелъ.

У меня въ головѣ другая забота, серьезная, непріятная. Но мнѣ опять помѣшали думать.

Дверь распахивается, и отецъ весело со мной здоровается.

— Ну, Илья, что пріунылъ? Я тебѣ невѣсту нашелъ.

И Андрей Петровичъ насмѣшливо подмигнулъ глазомъ и поднялъ густую сѣдѣющую бровь.

Я поморщился. У отца, разбогатѣвшаго, завоевавшаго почетъ и власть, окончательно порвавшаго съ мужиками и деревенской родней,—у него сокровенная мечта женить меня на захудалой, но хорошей, настоящей дворянкѣ.

— Мнѣ деньги не нужны, хватитъ своихъ. Мнѣ чтобы положеніе было, чтобы генералъ приходился сватомъ. А бѣдная,—она меньше гордиться будетъ. Такъ, Дарья Вавиловна?

Подвыпившій отецъ хлопаетъ ее по спинѣ, отчего та багровѣетъ отъ боли.

Андрей Петровичъ улыбается во весь ротъ.

— Хоть бы ты у меня, старуха, танцовать выучилась. Хоть кадрель. Все бы съ тобой генералъ прошелся.

Дарья Вавиловна, сложивъ руки на груди, поводитъ плечами.

— Ну, те!

Беретъ одну ягодку варенья, облизываетъ ложку и прихлебываетъ чай.

— Надсмѣшникъ лысый! На кой онъ тебѣ, генералъ-то? Форсить будетъ! Изъ купцовъ-то нонче порядочнѣе люди выходятъ.

Отецъ ее останавливаетъ.

— Мать! Не толкуй! Не твово ума дѣло! Довольно съ меня навозу-то вашего!..

Въ просторномъ кабинетѣ, на стѣнахъ котораго развѣшаны разныя правила и распоряженія, два портрета отца (увеличенныя фотографіи), до пояса и во весь ростъ, — а на дубовомъ столѣ, заваленномъ бумагами и конторскими книгами, тикаютъ старинные графскіе часы, купленные за дорого съ аукціона, —

отецъ всегда чувствуетъ себя довольнымъ и веселымъ Здѣсь, молъ, я господинъ и свой собственный министръ.

Онъ часто, подъ пьяную руку, хвалится:

— А чѣмъ я былъ бы плохой министръ?

И пріосанится въ зеркало.

— Третьеводни ужиналъ я въ клубѣ, Илюша. Съ сосѣдомъ нашимъ познакомился.

— Съ какимъ?

— А вотъ, черезъ озеро живутъ. Рюмины, помѣщики здѣшніе.

У меня не выходили изъ головы разныя свои непріятности, и я слушалъ нехотя, мимо ушей.

— Генералъ, Дмитрій Ивановъ,—его я еще не видывалъ. Говорятъ, сурьезный старикъ. Къ нему сразу не подойдешь. Ну, у этого генерала сынокъ... Т.-е. такой сынокъ: ему годовъ сорокъ будетъ. Поди, съ лишнимъ. Вдовый... Такъ, больше по бабьему дѣлу, да выпить любитъ. Мы съ нимъ и сошлися. Ну, а главное-то, главное-то, Илюша!..

Отецъ всталъ, прошелся къ двери, повернулъ ключъ. Опять сѣлъ ближе ко мнѣ.

— Внучка у генерала есть,—Анна Васильевна Рюмина... Ну, Илюшечка, увидалъ я ее, за отцомъ заѣзжала... Красавица! Чернобровая! Тонкая да великатная!

Я невольно засмѣялся и всталъ, потягиваясь.

— Вы ее, папаша, расписываете, какъ царевну въ сказкѣ... Тутъ все ткачи съ Филиппомъ Эдуардовичемъ ссорятся изъ-за этой субботы...

— Ахъ, они, рогали, черти!

Отецъ призадумался.

— Ну, будь по-ихнему.

Онъ позвонилъ. Вошелъ посыльный.

— Сбѣгай, Митрофанъ, за Филиппомъ Эдуардовичемъ.

IV.

Вечеромъ я ходилъ, раздумывая, по садовымъ дорожкамъ. Марѳа опять позвала къ себѣ...

Неужели я опять не смогу не пойти? Что мнѣ она въ концѣ-концовъ? И что я ей?

Ахъ, какая, какая... тоска! Хотѣлъ сказать: гадость!

Это было въ лѣто нашего переѣзда изъ Глазова. Мнѣ уже стукнуло двадцать пять лѣтъ, ученическіе годы остались позади, меня ожидала самостоятельная работа на ткацкой фабрикѣ, которую тогда обзаводили и куда я часто ѣздилъ.

Въ Глазовѣ проводилъ послѣдніе мѣсяцы. О Ѳеклушѣ давно пересталъ мечтать и уже спокойно смотрѣлъ на ея кроткое лицо, такое заманчивое прежде, и не смущался, не страдалъ ея любовью къ Петѣ.

Проходя какъ-то вечеромъ черезъ ворота, я услышалъ дѣвичій голосъ:

— Здравствуйте, Илья Андреевичъ!

Я обернулся.

У воротъ сидѣла шестнадцатилѣтняя Марѳуша, дочь сторожа Игната, и застѣнчиво мнѣ кивала.

Что съ ней? Я раньше почти не замѣчалъ ее. Проходилъ мимо, видѣлъ ее, цвѣтущую, подростающую,

живую, въ короткой юбкѣ, съ русыми косами,—чему-то смѣется, бѣгаетъ, распѣваетъ.

Но она никогда со мной не здоровалась, и я съ ней не разговаривалъ, просто даже и не думалъ, не останавливалъ ни разу на ней вниманія.

Сейчасъ вглядѣлся.

Да, она стала прехорошенькой! И съ какой лукавостью смотритъ! Какъ нѣженъ ея румянецъ!

— Здравствуй, Марѳуша! Гдѣ же твой отецъ?

— По грибы пошелъ. Въ Марьинъ лѣсъ.

— А ты все дома сидишь?

— Я, Илья Андреевичъ, работаю. Рубаху себѣ строчу.

Она помолчала и сдвинула брови.

— Ску-учно! Все за машинкой, да за машинкой! Стучишь-стучишь!

— А самой погулять хочется?

Она улыбнулась и зардѣлась, какъ заря.

— Гулять-то негдѣ. Съ парнями водиться я не охоча.

Я замѣшкался передъ ней. Она неловко теребила свои косы.

— Ну, прощай!

— До свиданія, Илья Андреевичъ!.. Я хотѣла васъ попросить...

Я пріостановился еще разъ.

— Что? что ты хочешь попросить?.. Скажи-ка!

Я ободряюще смотрѣлъ на нее.

— Возьмите меня на фабрику въ сновальщицы.

Но я уже замечталъ о другомъ и отвѣтилъ машинально:

— Хорошо.

Она запрыгала и захлопала въ ладони. Убѣжала.

Я остался стоять одинъ. Расхотѣлось итти домой и я повернулъ обратно въ луга.

Перешелъ желѣзнодорожные рельсы, которые стремились прямою стрѣлой въ какую-то волнующую даль-за холмы и перелѣски, въ невиданныя страны, въ новыя мѣста... Туда! туда! за ними, въ далекій путь! Тамъ, за курганомъ, открываются вольные и чистые просторы.

Мнѣ двадцать пять лѣтъ, а любовь къ Феклушѣ была слишкомъ мечтательна, слишкомъ мучительна, безплодна и скоро исчезла.

Когда я жилъ съ Петей въ столицѣ, его веселые товарищи пріучили меня ко всему. И я съ молоду не отставалъ отъ нихъ.

До утра танцовали мы венгерки и мазурки въ веселыхъ домахъ, напиваясь съ дѣвицами за-мертво. Ловили молоденькихъ модистокъ на улицахъ, провожали ихъ въ свои квартиры, соблазняли, угощали коньякомъ и даже водкой. Уговаривали тоненькихъ изящныхъ барышень въ кондитерскихъ и кофейняхъ, передавая имъ наскоро страстныя записочки. Даже какъ-то забрались къ монашенкамъ. Впрочемъ, оттуда насъ вытолкали съ большимъ скандаломъ... подъ утро.

Иногда складывались деньгами, — намъ отецъ присылалъ маловато, на двоихъ полтораста рублей въ мѣсяцъ,—шли въ оперетку или въ какой-нибудь зимній садъ, кормили ужиномъ съ шампанскими винами дорогую пѣвицу, француженку или венгерку, и потомъ ѣхали къ ней въ гостиницу.

Частенько, изъ первокласснаго ресторана заѣзжали въ ночную чайную, гдѣ-нибудь на окраинѣ, въ под-

валѣ, полную извозчиковъ, воровъ и грязныхъ проститутокъ, пили красный и крѣпкій чай, посылали за водкой и закусывали яичницей съ колбасой.

Лѣчились, обманывали, занимали, закладывали вещи. Зимнія шубы шли въ ломбардъ уже въ февралѣ мѣсяцѣ, при первой оттепели. Мы тогда вѣрили въ будущее, чортъ возьми!

Но вѣдь такая жизнь на годъ, на два! Чувство возьметъ свое, душа устанетъ, сердце очистится, иныя надежды позовутъ къ себѣ...

И мнѣ все это прискучило до омерзѣнія. Я бросилъ товарищей, переселился отъ Пети на другую квартиру, прилежно занялся наукой и скоро кончилъ съ отличіемъ.

Кажется, тихо было, благодатно, всѣ предчувствія хоронились гдѣ-то, — до поры, до времени. Отчего вдругъ все такъ вспомнилось, всколыхнулось, распустилось, какъ цвѣты на могилѣ?

Я пошелъ тропинкой черезъ лугъ къ рѣчкѣ. Сорвалъ ромашку, другую, потомъ прельстился крупной гвоздикой, лютики желтѣли такъ ярко, незабудки еще голубѣли, алѣла кашка,—собралъ цѣлый букетъ.

Вотъ еще сухіе безсмертники, лиловые колокольчики, блѣдныя астры. Давно я не собиралъ цвѣтовъ!

Отчего такъ неожиданны, такъ безпричинны твои сны и твои пробужденія? Чего же ты хочешь, сердце? Что ты предчувствуешь? О чемъ тебѣ напророчили эти полевые цвѣты?

Въ столицѣ у насъ не было никакихъ знакомствъ, кромѣ такихъ же пріѣзжихъ бездомныхъ товарищей. Такъ проходишь иногда глухимъ переулкомъ, въ поздній вечеръ ранней осени, окно на второмъ этажѣ

раскрыто, оттуда гремитъ рояль и женскій голосъ поетъ цыганскую пѣсню:

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету;
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

Повидимому, ее никто не слушаетъ. Поетъ для себя: такъ, чтобы отвести душу.

Можетъ быть, ее разлюбили, ибо отчаянная удаль звенитъ на послѣднихъ нотахъ, можетъ быть, любовь ея безотвѣтна, можетъ быть, она только проситъ любви у неба, у вѣтра, у ночи.

Откликнись! Мы будемъ одни. Насъ ночью никто, никто не встрѣтитъ. Но призывы ея, но мольбы ея гаснутъ безплодными на лету, какъ искры.

Отойдешь на противоположный тротуаръ. Ничего не видно. За легкой занавѣской колышется женская тѣнь, склоненная, съ пышной прической. Смотришь долго.

Пѣсня стихнетъ, лампа погаснетъ, бѣлыя руки закроютъ окно.

И поплетешься уныло въ свою высокую комнату. Эхъ, братъ! Славны бубны за горами!..

Цвѣты смѣялись мнѣ въ лицо и дразнили неуловимымъ ароматомъ, какъ дѣвичьей пѣсней, когда-то слышанной...

Я вдыхалъ эти слабые звуки, смотрѣлъ въ голубые, зеленые и синіе глаза. Они отвѣтно цѣловали меня мягкими лепестками... Не нужно! Это сумасшествіе!

Я бросилъ букетъ въ рѣчку. Плывите, колдовскіе цвѣты! Я не хочу васъ, ни вашихъ улыбокъ, ни вашихъ пѣсенъ...

Небесныя края потемнѣли сизыми тучами. Будетъ дождь.

Я поспѣшилъ домой. Рельсовый путь былъ загороженъ товарнымъ поѣздомъ, пришлось подлѣзать подъ вагоны... До Глазова оставалось недалеко.

Переднее облачко быстро передвинулось на середину неба и висѣло надъ самой головой. Сейчасъ хлынетъ!

Уже упало нѣсколько тяжелыхъ капель.

Я припустился бѣжать и только пріостановился у воротъ, какъ ливень ударилъ гремучими потоками.

Я спрятался въ сторожкѣ.

Черезъ минуту хлопнула дверь и вбѣжала Марѳуша, запыхавшись.

— Ахъ!

Увидала меня и сконфузилась.

Текло съ нея ручьями, босыя ноги оставляли мокрые слѣды, волосы распустились. Платье прилипло и не давало ходу.

А юное лицо румянилось, глаза блестѣли черною влагой, губы раскрылись.

— Ничего, Марѳуша, я тоже отъ дождя спасаюсь.

Въ сторожкѣ было тѣсно отъ печи, большой кровати изъ простыхъ досокъ на козлахъ со всякой рванью вмѣсто перины и одѣяла...

Мнѣ пришлось уходить. Надо же ей дать переодѣться, что-ли!

До дому не было и ста шаговъ, а я все-таки промокъ до костей.

V.

Игнатъ —- мужикъ хозяйственный, вдовый, мало пьющій. На фабрикѣ ему работа неподходящая.

«Начальства много, да и ступить некуда».

Въ сторожкѣ онъ — самъ себѣ голова. Хожалый провѣритъ раза два ночью, не спитъ-ли, да выбьетъ Игнатъ часы о чугунную доску, да какъ бы не задремать въ теплой шубѣ и въ валенкахъ въ долгую осеннюю ночь, — вотъ и всѣ его страхи и обязанности.

За то онъ свободенъ полсутокъ, получаетъ жалованьишка рублей пятнадцать, завелъ себѣ куръ, разбилъ небольшой огородъ вокругъ сторожки и занимается еще починкой сапогъ, башмаковъ, заливаетъ калоши,—копитъ денежку: его мечта—купить домишко подъ городомъ, открыть сапожную мастерскую или мелочную торговлю, жениться на городской и приписаться въ мѣщане.

Тогда придетъ онъ въ праздникъ, съ женой и съ пріятелемъ, попить чайку въ шумный трактиръ, машину послушать, потолковать, «почемъ нонѣшнимъ годомъ огурцы и капуста пройдутъ», да жестокая-ли зима будетъ, а пьяный молодой чиновникъ, одиноко глотающій пиво за сосѣднимъ столомъ, будетъ втихо-

молку дразнить ихъ, теребя свою фуражку съ кокардой:

— Мѣщане, мѣщане, идите къ намъ за кислыми щами!

Игнатъ долго не ведетъ ухомъ, а потомъ вдругъ обернется къ чиновнику и прошипитъ:

— Молчи, проплеванная душа!

А пріятель его добавитъ:

— Опричникъ!

И затѣмъ все попрежнему, мирно: Игнатъ стучитъ крышкой чайника, чиновникъ спрашиваетъ еще бутылку. И какъ будто никакого разговора.

А черезъ нѣкоторое время опять, наполовину шопотомъ:

— Мѣщане, мѣщане...

Игнатъ встаетъ, спокойный, подходитъ къ стойкѣ и говоритъ хозяину:

— Обратите вниманіе, тамъ господинъ неприлично ведутъ себѣ...

— Что такое-съ, Игнатъ Елисѣичъ?

— Пристаютъ съ разными оскорбленіями...

Хозяинъ дѣлаетъ на бородатомъ лицѣ улыбку, суживаетъ глаза и подходитъ къ чиновнику, играя пальцами.

— Ваше благородіе, такъ что здѣсь выражаться не дозволено.

Чиновникъ вспыхиваетъ.

— Что я говорю? Я, кажется, молчу и никому не мѣшаю.

Хозяинъ указываетъ на Игната.

— Вотъ они обижаются...

Чиновникъ, не глядя, встаетъ, вынимаетъ кошелекъ,

долго ищетъ и бросаетъ со звономъ двѣ серебряныхъ монеты.

— Чортъ съ вами! Хамье! Мѣщане!

И, пошатываясь, икая, уходитъ, низко надвинувъ фуражку.

Все это мнѣ живо представилось, а утромъ я поговорилъ съ Игнатомъ.

Онъ сидѣлъ въ будкѣ и, надѣвъ кривые очки, прибивалъ каблукъ къ огромному сапогу, — вѣроятно, землекопа или плотника. У нихъ всегда такія разъѣхавшіяся ступни и низенькія рыжія голенища.

— Здравствуй, Игнатъ.

Онъ быстро всталъ и скинулъ фартукъ.

— Здравія желаю, Илья Андреичъ.

— Все сапожничаешь?

Игнатъ былъ въ солдатахъ и потому вытянулся во фрунтъ, по-военному.

— Сколачиваю копѣечку, Илья Андреичъ. Про черный день. У меня сыновьевъ нѣту. Одна дѣвка, да и та на выданьѣ.

— Марѳуша?

— Она-съ. Да работать дома не хочетъ, чего по хозяйству. Все на фабрику: отдай, да отдай, тятенька.

— Что же она у тебя? баловница?

— Быдто бы незамѣтно, промежду прочимъ. Ведетъ себя правильно, хорошо... А тяжело. Думатъ: на фабрикѣ легша...

— Что же, Игнатъ, отдай: вотъ, въ катушницы..

— Ежели взяли бы, Илья Андреевичъ! Будьте милосливы.

— Присылай въ контору наниматься. Съ осени фабрику пустимъ.

Игнатъ снялъ шапку и сталъ кланяться.

— Благодаримъ васъ, Илья Андреевичъ. Все лишняя деньга въ карманѣ. Рублей двадцать заработаетъ, а то, глядишь, и поболѣ.

На крыльцо сторожки вышла сама Марѳуша, принарядилась, обулась, заплела въ косы красную ленту.

Она слышала въ окно весь разговоръ.

Игнатъ заморгалъ ей глазами: уходи, молъ, что тебѣ нужно?

Я къ ней обратился.

— Что, Марѳуша, высохла послѣ вчерашняго?

— Высохла, Илья Андреевичъ. Сегодня утромъ ужъ опять подъ дождемъ была.

— Куда жъ ты ходила?

— А на Скрылья тятенька посылалъ, кожи ему закупить.

— Такъ.

Я не могъ на нее насмотрѣться. Она измѣнилась. Казалась серьезной, задумчивой, нѣсколько блѣдной.

Игнатъ многозначительно кашлянулъ. Я опомнился и зашагалъ изъ воротъ по дорогѣ.

Сзади меня Игнатъ прикрикнулъ на дочь.

— Пошла въ избу!..

Дарья Вавиловна и Петя давно уже переселились на новое пепелище. Отецъ заказываетъ обстановку, закупаетъ то, се — все новое и дорогое, выписываетъ зеркала, цвѣты, диваны по желѣзной дорогѣ.

Я не выношу всякой такой кутерьмы и проживаю одинъ въ Глазовѣ, пока они тамъ разберутся и приведутъ все въ порядокъ.

На фабрикѣ остался только сторожъ да стряпуха Марья.

Каждое утро я уѣзжалъ туда, къ своимъ, вечеромъ возвращался. Дѣлать въ Глазовѣ было нечего.

Часовъ въ десять ужинаю чернымъ хлѣбомъ съ масломъ и сыромъ, двумя стаканами парного молока.

Луна освѣщаетъ заброшенный дворъ, мрачные корпуса съ пустыми окнами, буйно разросшихся крапиву и бузину, кучи развaленныхъ дровъ.

Я тушу огонь, вытягиваюсь на эластичномъ матрацѣ, дремлю, мечтаю. Окно полуоткрыто и ночная свѣжесть проникаетъ въ комнату, пріятно холодя голову.

Будитъ меня пѣсня вполголоса.

Надѣну черно платье,
Въ монашки я пойду.
И дамъ я Богу клятву,
Что замужъ не пойду.
Любила я, страдала я.
А онъ, злодѣй, забылъ меня...

Это поетъ Марѳуша, сидя у воротъ на скамеечкѣ. Милая дѣвушка!

Я думаю о Марѳушѣ.

Прелесть, прелесть, какая она дѣвушка! Скромница, тихая! И очень недурна собой! Вотъ, живетъ у тебя подъ бокомъ такое сокровище, — и душа, и красота, и молодость, — а ты и не подозрѣваешь, проходишь мимо, ждешь чего-то небывалаго, засматриваешься въ даль, въ будущее, въ прошлое, а счастье, можетъ быть, рядомъ...

Пропусти, дай ему ускользнуть, не разбуди во-время чувства, — и красота отцвѣтетъ, молодость минетъ, душа завянетъ...

Была бы чудная любовь,—а Марѳуша такая граціозная, пѣвунья, какія у ней тяжелыя русыя косы!

Какъ она хорошо, просто поетъ:

И дамъ я Богу клятву,
Что замужъ не пойду.

Врядъ-ли она уже любила кого-нибудь.

Я осторожно и быстро одѣваюсь въ темнотѣ, подхожу къ окну, отворяю его совсѣмъ, высовываюсь, облокотившись о подоконникъ.

Марѳуша, укрывшись съ головой черной шалью, сжавшись въ комочекъ, сидитъ противъ луны. Бѣлѣетъ одно милое личико, какъ, на самомъ дѣлѣ, у монашенки.

Я позвалъ негромко.

— Марѳуша!

Не шелохнулась. Не слышитъ.

Я скрипнулъ рамой. Она вздрогнула и обернулась въ мою сторону.

— Марѳуша, что же ты перестала пѣть?.. Подойди-ка сюда!

Она послушно встала и, скинувши шаль на плечи, приблизилась къ моему окну.

— Это я васъ, Илья Андреевичъ, разбудила? Я видѣла, вы свѣчу загасили...

Марѳуша была безъ кофточки, въ одной юбкѣ поверхъ ситцевой рубашки. Голыя руки ея и плечи сверкали, когда она развертывала платокъ, чтобы лучше въ него запахнуться. Лицо ея все еще было задумчивымъ.

— Ничего, я заслушался тебя, Марѳуша. Присядь, потолкуемъ. Ты еще спать не собиралась?

Марѳуша въ той же позѣ, какъ давеча на скамейкѣ, усѣлась на сложенныхъ подъ окномъ доскахъ.

— Я, Илья Андреевичъ, спать ложусь поздно. Люблю по ночамъ сидѣть. Пѣсни пою про себя.

— Научи меня хорошимъ пѣснямъ!

— Что вы, Илья Андреевичъ? Вы, небось, лучше моихъ знаете...

И сама затянула потихоньку:

Ахъ, зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша?
Не болѣла бы грудь,
Не страдала бъ душа...

— Вамъ нравится эта пѣсня, Илья Андреевичъ?

— Хорошая!

Я къ ней нагнулся.

— А, правда, плохо, когда болитъ душа? и не знаешь, по комъ?.. Ты это испытала?

— Оттого и поется! Я разъ такъ истосковалась, Илья Андреевичъ... Очень какъ-то ску-учно и не въ моготу...

Меня это поразило. И жалко стало.

Ея волосы, расчесанные по срединѣ ровнымъ проборомъ, были близко отъ моего лица.

Хотѣлось къ нимъ прикоснуться, погладить.

Въ сторожкѣ открылась форточка, и оттуда закричалъ Игнатъ:

— Марѳутка, ты гдѣ тамъ? Чего спать нейдешь?

Она вскочила и заговорила шопотомъ:

— Прощайте, Илья Андреевичъ! Тятенька кличетъ! Заругается!

Она ночною тѣнью добѣжала до избы и скрылась за дверью. Тамъ Игнатъ ее что-то бранилъ.

Марѳуша ушла, и съ ней все исчезло... Было тепло и красиво, луна убѣгала за облака.

А теперь какая-то птица шарахнулась изъ-подъ крыши сарая и взмыла, какъ привидѣніе, въ небо. Должно-быть, сова. Летучія мыши одна за другой вылетали изъ лозинаго дупла и кружили надъ моимъ окномъ, какъ мелкіе черные духи. Что имъ надо?

Я захлопнулъ окно, занавѣсился отъ луннаго блеска и старался поскорѣе заснуть...

Ничего не выходитъ. Кисея просвѣчиваетъ и на полу какія-то мутныя пятна среди кромѣшной тьмы потолка и стѣнъ.

Обои шуршатъ, подъ гнилыми половицами скребутъ и пищатъ голодныя крысы. Вотъ они выходятъ и, стуча, бѣгаютъ по комнатѣ.

Что это ихъ выгнало? Никогда раньше онѣ такъ не наглѣли.

Слышно, прыгаютъ со стола, рыщутъ,—что-то грохнется вдругъ...

Я шугнулъ ихъ, бросивъ тросточкой. Притаились. Тихо.

Только успокоишься, забудешься,—опять у самой кровати мышь или крыса начинаетъ грызть дерево, затрещатъ обои...

Зажечь лампу? Но спать при огнѣ я совершенно не могу. Это для меня хуже всякихъ крысъ.

Но если онѣ махнутъ ко мнѣ на одѣяло? Я достаю рукой до кресла и сильно имъ двигаю, чтобы напугать ихъ. Не тутъ-то было! Онѣ расшумѣлись еще больше. Я чиркаю спичкой и успѣваю замѣтить, какъ черные клубки прячутся и шевелятся по угламъ. Сколько ихъ! Цѣлое войско!

Мнѣ стало немножко жутко. А вѣдь не заснешь никакими силами!

Одѣнусь и буду гулять до зари. Вотъ-вотъ сброшу одѣяло, поднимусь... Но сонъ и лѣнь одолѣваютъ. Я воображаю разныя движенія, выхожу изъ дому, изъ воротъ, въ поле, вижу станцію и телеграфиста въ окнѣ,—а самъ лежу неподвижно, засыпаю, слушая сквозь сонъ крысиную толчею и возню...

Ну, авось, на кровать прыгнуть не осмѣлятся! Богъ съ ними!

Сновидѣнія прервались и на зарѣ, ранымъ-рано, совсѣмъ отлетѣли...

Отъ безсонницы разболѣлась голова, на дворѣ гадко, мокро, грязно. Откуда-то наползла и нависла сѣрая туча.

Но отчего я все-таки... счастливъ? И мнѣ нипочемъ и безсонница, и непогода? Что такое мнѣ нужно вспомнить?

Ахъ, да! Вотъ оно, что: Марѳуша!

VI.

Какъ молодой король въ золотисто-зеленыхъ ризахъ, съ ясной улыбкой проходилъ полями и лѣсами мѣсяцъ Августъ.

За нимъ собирались въ дорогу птицы, его воздушная свита, и на разставаньи играли и хороводились шумными стаями.

Близилось время и мнѣ покидать Глазово. Игнатъ оставался сторожить пустую фабрику и всю старую рухлядь, чтобы не растащили окончательно, пока ее не продадутъ или не сломаютъ. Марѳуша поступила въ сновальщицы и переселялась къ родной теткѣ, сестрѣ Игната, въ казарму, которую отецъ выстроилъ для рабочихъ,—новую; тамъ, гдѣ онъ купилъ фабрику, сохранилось еще нѣсколько старыхъ зданій, наполовину деревянныхъ; всѣхъ рабочихъ, и семейныхъ и холостыхъ, едва удалось размѣстить, да и то по двѣ, по три семьи въ одну каморку.

Въ Глазовѣ меня задерживала Марѳуша. Откровенно-то говоря.

Передъ самымъ почти отъѣздомъ, когда мои вещи были упакованы и частью уже отвезены, выдался день, который мы съ утра провели вмѣстѣ.

Случилось такъ: часовъ въ семь, хорошо выспав-

шись, катилъ я на велосипедѣ лѣсной тропинкой на новую фабрику.

Въ воздухѣ было тепло и тихо.

На велосипедѣ я люблю ѣздить. Мчишься проселкомъ по мягкой пыли, согнешься, вѣтеръ свиститъ въ уши, а потомъ разогнешь спину, выпрямишься, сложишь на груди руки,—и несешься, шурша и шумя шинами.

Дзинь! дзинь! дзинь!

Мужикъ, тащившій за спиною набитый картофлемъ мѣшокъ, сворачиваетъ второпяхъ въ овесъ, взглянувъ оторопѣлыми глазами.

А я мимо пролетаю вихремъ...

Но теперь я сдержалъ ходъ и медленно, покачиваясь на колеяхъ, объѣзжая частыя кочки и корни, подвигался между темнозелеными елями, вперемежку съ кудрявыми березами, еще свѣжими и густыми.

Въ рукахъ—твердость, въ ногахъ—легкость и увѣренность, во всемъ тѣлѣ—упругость. Въ мысляхъ—все что-то веселое: работа, любовь, осень. Птицы, птицы!

Ну, какія стоятъ молчаливыя листья! Ну, какъ я тебя зацѣлую! такъ сильно! такъ сильно!.. Ты улыбаешься? ты довольна?

Поворачиваю налѣво, къ лугу: глядь-поглядь, а на пенькѣ сидитъ она сама. Въ ногахъ у нея корзинка. Знать, по грибы ходила. Отецъ посылалъ.

Меня не видитъ. Занята дѣломъ. Обрѣзаетъ и чиститъ корешки. Сосредоточенно, серьезно, поджавъ губы...

Я подкрался сбоку и соскочилъ съ велосипеда. Она

оглянулась, быстро встала, отряхивая подолъ, смѣшалась. Молчитъ...

Такъ бы вотъ взялъ ее, сжалъ покрѣпче,—хоть полюби поневолѣ!

— Что? испугалась, Марѳуша?

Она пришла въ себя, поправила платокъ на головѣ и весело отвѣчала:

— Очень вы тихо подъѣхали, Илья Андреевичъ. Вправду, испужали...

У меня сейчасъ же мелькнула мысль, что сегодня праздникъ и работы никакой нѣтъ, значитъ, время у меня свободное, и что, въ крайнемъ случаѣ, я могу вернуться до завтра въ Глазово. Только ни за что не разставаться съ Марѳушей!

Я прислонилъ велосипедъ къ дереву, присѣлъ рядомъ съ ней на траву и сразу почувствовалъ себя ослабѣвшимъ, потерявшимся, не своимъ.

Вотъ, гони она меня, издѣвайся надо мной или брани, а я не въ силахъ двинуться съ мѣста, не скажу ни слова, только буду безстыдно смѣяться счастливымъ смѣхомъ и смотрѣть на нее и не сводить глазъ...

Но Марѳуша сѣла опять на пенекъ и снова взялась за ножикъ.

— Я, Илья Андреевичъ, сегодня съ солнышкомъ поднялась.

И она прищурила на меня глаза.

— Вы, небось, рано вставать не любите? Изнѣжились?

— Да, Марѳуша... Какъ бы тебѣ сказать?

И вдругъ подумалъ: эхъ, объяснюсь въ любви! Чорта-ли?

Но языкъ не слушался, нужныя слова не приходили, и я глупо молчалъ, перебирая въ рукахъ крупные, красные рыжики.

Марѳуша вопросительно дожидалась, мнѣ показалось, съ усмѣшкой.

Нѣтъ, нѣтъ! Развѣ съ усмѣшкой?

Замурлыкавъ что-то, она отвела отъ меня лукавые глаза, нехотя привстала.

— Мнѣ пора домой, Илья Андреевичъ.

Я тоже всталъ. Ахъ, какъ-то все скверно выходитъ! И что же? Она отъ меня избавиться хочетъ? Я испугался.

— Мнѣ по дорогѣ, Марѳуша. Я съ тобой.

— Да вѣдь вы на маши-инѣ...

Она протянула это особеннымъ, капризнымъ женскимъ тономъ.

— Зачѣмъ? Я пойду пѣшкомъ.

Опасливо смотрю на нее: она просіяла несмѣлой улыбкой. Ну, слава Богу! Отлегло отъ сердца!

Я поднялъ велосипедъ, и мы тронулись той же тропинкой.

Я нѣсколько отставалъ и сбоку оглядывалъ Марѳушу.

Она шла нерѣшительной походкой, въ темномъ платьицѣ, въ клѣтчатомъ платкѣ, изъ-подъ котораго выбивались на лобъ пышные завитки,—шла, какъ пойманная, покорная, молчаливая... Руки опущены, голову наклонила, въ лицѣ ни кровинки... точно ведутъ на казнь.

Я спрашивалъ себя: жалко тебѣ или не жалко? Останови ее, скажи самое задушевное, самое страст-

ное! Что она, какъ мертвая, какъ жертва какая-нибудь? Пусть ее запоетъ, разыграется, закипитъ!

Но что же я самъ-то? Сплю? Вѣрно, ей просто скучно... Мнѣ стало стыдно самого себя: нѣтъ въ тебѣ никакой удалости!

Глухимъ голосомъ я позвалъ ее:

— Марѳуша!

Она, дѣйствительно, остановилась. Какъ-будто только и дожидалась, чтобы я остановилъ ее.

— Вамъ скучно со мной, Илья Андреевичъ?

И опять просіяла беззащитной, трогательной улыбкой.

— Я разговаривать не умѣю. Я только пѣсни знаю.

И смотритъ на меня исподлобья: помилуешь или нѣтъ?

— Знаешь...

Этотъ проклятый велосипедъ! Какъ онъ мѣшаетъ! Связалъ все дѣло!

— Ты знаешь, Марѳуша: я хочу тебѣ сказать, что я... люблю тебя!

Я запнулся, она покраснѣла до ушей, до слезъ. Пальцы у ней разжались, и корзинка съ разсыпанными грибами покатилась на дорогу.

— Ахъ!

Хохотъ вдругъ овладѣлъ нами. Я бросилъ велосипедъ. Мы нагнулись и принялись торопливо собирать грибы. Руки наши скользили и касались, колѣни сталкивались. Смѣхъ душилъ невозможно. Мелькомъ мы взглядывали другъ на друга, прыскали и сейчасъ же потупляли глаза...

Долго собирали эти грибы.

Когда корзина опять наполнилась, Марѳуша обвя-

зала ее сверху платочкомъ, который сняла съ головы, крѣпко затянула узлы.

Волосы ея растрепались, она быстро-быстро перебирая, какъ бы стѣсняясь, стала заплетать косу, набравъ въ ротъ шпилекъ... Тѣни бѣгали по ея лицу и рукамъ.

Она вздохнула.

— Идемте.

Но велосипедъ выводилъ меня изъ себя. Я его ненавидѣлъ: вотъ навязался на мою шею! Тащи его, когда рядомъ идетъ Марѳуша, когда хочется ближе къ ней, хочется съ ней побѣжать, догнать ее...

Марѳуша, срывая низкія березовыя листья, запѣла про себя:

Надѣну черно платье,
Въ монашки...

— Что ты все эту пѣсню поешь?

— Моя любимая...

— Спой повеселѣе... Да ужъ самую веселую.

— Радости мало, Илья Андреевичъ... духу нѣту...

— Какъ?.. а что за печаль такая?

Марѳуша строго окинула меня мимолетнымъ взоромъ, сильно рванула невиноватую вѣтку, бросила ее...

— Вы—мужчина, богатые; вамъ не иначе, какъ пошутить надъ нами... надо мной. Отъ слова не станется: скажу ей, глупой...

Я такъ и опѣшилъ.

— Но откуда ты взяла, что я шутилъ? Скажи-ка? Я только не смѣлъ... не зналъ. А ты...

Изо всей силы я толкнулъ велосипедъ впередъ. Онъ

покатился немного и безпомощно растянулся передъ нашими ногами. Такъ тебѣ и надо!

Марѳуша съ удивленной радостью на меня глядѣла.

— Илья Андреевичъ, вы меня не слушайте, дурочку... я, правда, глупая... я понимаю...

— А, да что ты понимаешь, на самомъ дѣлѣ!

Я сгоряча вырвалъ у ней корзинку, куда-то забросилъ ее. Взялъ покорныя руки, притянулъ къ себѣ...

У Марѳуши глаза расширились и остановились.

— А ты?.. Марѳуша, ты?

Она процѣдила сквозь зубы.

— Я давно люблю васъ... давн-о-о!

Марѳуша опустила рѣсницы, и губы ея потянулись къ моимъ.

Все смолкло. Вѣтеръ затаилъ дыханіе. Тѣни замерли. Такъ, такъ и такъ!

— Пустите меня!.. пустите меня!.. пустите меня!

Марѳуша вырвалась, тяжело дыша, вся облитая румянцемъ.

— Поспѣшимте домой, Илья Андреевичъ. Тятенька меня заждался, поди.

Я хотѣлъ поймать ее снова. Она однимъ движеніемъ увернулась.

— Не нужно.

Затѣмъ она бережно подняла велосипедъ.

— Садитесь, Илья Андреевичъ, и поѣзжайте скорѣе домой... Я приду одна.

Когда я держался за руль, чтобы дать ходу, Марѳуша подбѣжала ко мнѣ, звонко чмокнула въ щеку и прошептала;

— Никому не говорите... Никому, никому!

Она меня торопила.

— До свиданія! до свиданія!

— Вечеромъ увидимся, Марѳуша?

Она закивала:

— Да, да!

У-ухъ, какимъ молодцомъ понесся я въ Глазово! Здравствуйте, деревья, и прощайте! Нѣкогда мнѣ отдавать вамъ поклоны! Не до васъ мнѣ! Тутъ любовь, осень и пѣсни... и вечернее ожиданіе, и теплыя руки, и сахарныя уста... Скорѣе, скорѣе!

Бѣшено разогналъ я своего стального коня и на всемъ лету ворвался въ ворота. Игнатъ еле отпрыгнулъ и даже перекрестился.

Черезъ нѣкоторое время я видѣлъ въ окно, какъ пришла домой Марѳуша. Отецъ что-то громко и сердито сказалъ ей. Она молча, скромно, неслышно, проскользнула мимо Игната въ избу.

Да, теперь задача: убить до вечера время. Я беру недоконченный чертежъ, линейки, циркуль, усаживаюсь за работу. Сосредоточиваюсь... Н-нѣтъ, что-то не получается!.. Никогда я не былъ художникомъ, и никогда мнѣ не хотѣлось рисовать, а сейчасъ перо само выводило какія-то деревья, женскій профиль, неизвѣстно чей, пышные волосы, или одно только имя: Клара, Клара, Клара... Почему Клара?

Ахъ, ну не все ли равно! Я могу называть ее и Кларой!...

Жара спала. Тоскливый день прошелъ. Тѣни перекинулись черезъ весь дворъ. Въ прохладѣ кузнечики забили еще стремительнѣй. Старый песъ, проспавшій весь день, отправился къ рѣчкѣ, опустивъ голову и помахивая облѣзлымъ хвостомъ,—на охоту иль на прогулку. Большая лягушка шлепнулась изъ травы ко

мнѣ на окно и въ недоумѣніи застыла, выпучивъ глаза. Что ты, милая? Въ своемъ ли умѣ? Убирайся-ка, убирайся! Я деликатно подтолкнулъ ее линейкой къ краю, и она, въ одинъ прыжокъ, очутилась на дорогѣ.

Скоро тѣни померкли, перебѣжали, и лунный серпъ выглянулъ изъ-за деревьевъ.. Что надвигается на мою жизнь? Такая же легкая, небрежная тѣнь или неодолимое, властительное сіяніе? Исчезнуть ли мнѣ въ его блескѣ или въ моемъ сердцѣ ему суждено потухнуть?

И тоже. Никогда я особенно не любилъ стиховъ. Тѣмъ болѣе не писалъ ихъ. А тутъ пристали и упорно засѣли въ памяти чьи-то стихи:

Зеркала и свѣтильни вокругъ.
Я не жду ни друзей, ни подругъ,
Не зову ни дѣтей, ни жены—
Для кого же огни зажжены?

Въ зеркала я пытливо гляжу,
За игрой отраженій слѣжу
И, вникая въ огнистый ихъ рядъ,
Я свершаю гаданья обрядъ.

Мы—рабы, мы у тайны въ плѣну,
Но обманомъ ее закляну,
Чтобы мнѣ, хитроумцу-рабу,
Зеркала разсказали судьбу.

Да, да, да! Разскажите-ка мнѣ судьбу! Я бы васъ поблагодарилъ!..

Однако, я что-то настроился... того, на мистическое. Остается только раскинуть карты, да и погадать на самомъ дѣлѣ.

Что же это Марѳуша? И не видать, и не видать! Игнатъ здѣсь, у воротъ, а она все въ сторожкѣ. Можетъ, онъ ее не пускаетъ? прогнѣвался? наказалъ

за то, что она опоздала? Возможная вещь: онъ мужикъ строптивый.

Луна уже высоко блеститъ; оттуда, съ луговъ, кричитъ ночная птица. Какой непріятный крикъ! Точно стонетъ или зоветъ на помощь...

Я отошелъ отъ окна, за которымъ просидѣлъ почти все время, и опустился въ глубокое кресло у постели въ какой-то странной усталости. Закрылъ глаза...

Охъ, что это? стучатъ?

Въ полуснѣ я всталъ, приблизился къ окну, приникъ. За нимъ стояла Марѳуша въ своей черной шали.

Я распахнулъ окно.

— Илья Андреевичъ! Тятенька ушелъ на деревню, въ трактиръ. Меня дома оставилъ...

Я не пришелъ въ себя. Я не владѣлъ ни своимъ голосомъ, ни словами. Было что-то во мнѣ посторонее, возбужденное, тяжелое.

— Марѳуша, иди ко мнѣ. На дворѣ холодно и... сыро.

Я протягивалъ руки.

— Ну, скорѣе! Ко мнѣ!

Марѳуша колебалась.

— Ни-ку-ды не велѣлъ ходить. А то косу вырветъ...

— Марѳуша, недолго!.. Держись за мои руки. Влѣзай.

Марѳуша встала на заваленку, просунулась головой въ комнату, я ее притянулъ на грудь, какъ родимую ношу, донесъ до кресла и посадилъ, тихо цѣлуя волосы.

Марѳуша зябла и куталась.

— Я боюсь, Илья Андреевичъ.

— Чего?

— У васъ очень темно.

Я зажегъ двѣ стеариновыхъ свѣчи въ зеленыхъ абажурахъ.

— Такъ хорошо?

Марѳуша съежилась, подобравъ ноги, и слѣдила, какъ я суетился, неизвѣстно чего, по комнатѣ. Она, видимо, безпокоилась. Прислушивалась, не заскрипятъ-ли ворота, и посматривала безперечь въ окно.

— Илья Андреевичъ, а вернется тятенька? Онъ скоро хотѣлъ. Я лучше уйду. Посижу подъ окошкомъ.

И она вытянула ноги, чтобы подняться.

— Не пущу тебя, Марѳушенька! Ни за что не пущу!

Я легко взялъ ее на руки и сталъ носить по комнатѣ. Голова ея свѣсилась на мое плечо.

— Какъ же я отпущу тебя? Столько ждалъ, столько томился...

Она, сильно дыша, шептала мнѣ въ самое ухо:

— А я плакала по васъ. Да тятенька никуды не пускалъ. Осерчалъ, что поздно воротилась...

Марѳуша теплыми руками обняла мою шею. Я прижималъ ее къ себѣ, кружился.

— Устанете, Илья Андреевичъ. Небось, я не перышко.

— Перышко ты мое лебединое.

Я вмѣстѣ съ нею усѣлся въ кресло.

— Да, Марѳушенька, все-таки ты не легонькая.

Она размѣстилась поудобнѣе на моихъ колѣняхъ,— съ милой безцеремонностью, какъ у себя дома...

— Уморились? Ну, ничего!

Ея лицо ближе тянулось къ моему.

— Ничего! Вы—мужчина, у васъ сила есть.

Ея сухія губы уже касались моихъ, и слѣпились, и не могли оторваться...

— Разскажу я вамъ, Илья Андреевичъ...

— Послушаемъ, разскажи...

— Только не смѣйтесь...

Она понизила голосъ:

— Дѣвичью любовь свою разскажу.

Марѳуша откинулась немного, чтобы разглядѣть хорошенько мое лицо.

— Не смѣетесь?

— Что же мнѣ смѣяться... раньше времени?

Марѳуша серьезно помолчала.

— Вы — красавецъ, Илья Андреевичъ. Вы похожъ на кабардинца.

Вотъ ужъ я расхохотался! Громко и долго, какъ сумасшедшій...

Марѳуша обидѣлась.

— Чего вы? Правда. Я въ книжкѣ видала...

Я выговорилъ сквозь слезы:

— Ну, разодолжила, Марѳуша! Ха-ха-ха! Какой, подумаешь, кабардинецъ! И что это тебѣ показалось!

Марѳуша сняла руки съ моихъ плечъ, отвернулась и хотѣла ужъ спрыгнуть.

— Ну, я вамъ словечка не вымолвлю! Вамъ однѣ шутки, я вижу...

Я насильно удержалъ ее на колѣняхъ.

— Успокойся, Марѳуша, сиди.

Она осталась. Однако, насупилась.

Я началъ осторожно привлекать ее, наклоняться. Нарочно медлилъ... Она опустила вѣки и полуоткрыла губы. Ага! Смиловалась, голубушка!

Но тихому поцѣлую моему не отвѣтила. И жутки были насильной сладостью эти мягкія, безсильныя губы...

— Марѳуша!

Она чуть произнесла, не шевелясь, не поднимая вѣкъ:

— Что вамъ угодно?

— Экая ты какая! На что же ты разсердилась?

Тѣмъ же тономъ, сквозь зубы:

— А что вы надо мной насмѣшничаете.

— Богъ съ тобой, Марѳуша! Ты это напрасно вообразила... Улыбнись же мнѣ! Глазки открой! Ненаглядные мои глазки!

Лукавыя ямочки появляются на ея щекахъ. Но молчитъ, крѣпится.

Что съ ней дѣлать? И какія у ней строгія черты! Какія соблазнительныя тонкія губы!

— И пѣсенки мнѣ не споешь? И не поцѣлуешь больше? И любить меня перестала?

Она также молча открываетъ глаза.

— А вы... обѣщаетесь... я глупая... я знаю...

Не договоривъ, она обнимаетъ меня и шепчетъ въ ухо:

— Жизни рѣшусь, а не разлюблю васъ.

И моментально соскакиваетъ и бѣжитъ къ двери.

— Куда же ты?

— Прощайте, Илья Андреевичъ. Тятенька вернулся. Я слышала.

Она быстро юркнула въ дверь и уже была подъ окномъ. Засматривала оттуда.

— Спѣть что-ли вамъ? самую душевную?

— А Игнатъ?

— Я обманулась. Ослышалась. Нѣтъ его.

Я передвинулъ кресло къ окну. Марѳуша сѣла ко мнѣ въ профиль.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы...

— Нѣтъ, эта—грустная...

Она встала и перегнулась ко мнѣ.

— Илья Андреевичъ, а зачѣмъ вы давеча велсипедъ бросили?

— Какая ты! а? сама насмѣшница!

Вдругъ Марѳуша насторожилась.

— Идетъ!

За калиткой ясно стучали по деревяннымъ настилкамъ мужскіе шаги. Марѳуша, крадучись, перебралась къ избѣ и расположилась, въ ожиданіи, на крылечкѣ Я потушилъ огни.

Игнатъ вошелъ, пошатываясь. Сказалъ будто ласково:

— Все полуношничаешь, дѣвка.

VII.

На слѣдующій день я протрезвился. Чувствовалъ какую-то удовлетворенность. Къ чорту всѣ эти дѣвичьи и мои собственныя бредни! Да ну ихъ, говоритъ! Да ну ихъ, говоритъ! Такъ и въ опереткѣ поется...

Надо взять себя въ руки. Не мальчикъ. И надо жить покойно. Мечты мечтами, а вѣдь «житейская проза», всякая грязь и прочее такое неизбѣжны. Любовь прекрасна, да неприглядна ея изнанка.

Марѳуша! Очаровательный дичокъ и... только! Куда мнѣ ее? Нѣтъ, избави Богъ всякаго отъ такихъ юныхъ любвей!

Я постарался уѣхать изъ Глазова, не простившись съ нею, пока она куда-то отлучалась.

На новой фабрикѣ разной работы было пропасть: ни отдыху, ни сроку. Отецъ и я совсѣмъ сбились съ ногъ.

Здѣсь еще не все достроено: подвозятъ кирпичъ, доски, желѣзо. Гремятъ, галдятъ, орутъ «дубинушку». Всюду грязь, глина и толчея непроходимая. Осень къ тому же пришла дождливая, холодная... Отецъ ругается и кричитъ съ подрядчиками.

— Нельзя же такъ, Сидоръ Абрамычъ! Ты, чудакъ-человѣкъ, совѣсти не знаешь...

Подрядчикъ, въ мятомъ картузѣ, большихъ сапо-

гахъ и поддевкѣ, заложивъ руки за спину, равнодушно смотритъ на отца.

— Андрей Петровичъ, какъ по условію-съ: вы — намъ, а мы — вамъ. Денежки вы давеча задержали...

— Дуболомъ! чортъ! Тебѣ что-ли одному платить надо? Васъ тутъ много, не разорваться... Успѣлъ-бы!

— Это дѣло не наше: по условію-съ...

Внутри обширнаго одноэтажнаго корпуса со стеклянным потолкомъ блестѣли только что установленныя машины, суетились рабочіе, таскали основы...

Черезъ недѣлю-двѣ затрещатъ станки, заснуютъ ремни, по вечерамъ и ночамъ засіяетъ электричество и задымитъ высокая красная труба, выложенная въ формѣ бутылки съ узкимъ горлышкомъ.

Дѣло не скоро наладилось. То тамъ, то сямъ что-нибудь сдавало.

На первыхъ порахъ частенько шалило электричество. Уже стемнѣетъ порядкомъ, глаза колетъ, а лампочки и фонари вспыхиваютъ, вспыхиваютъ, а разгорѣться никакъ не могутъ.

Отецъ бомбой вылетаетъ изъ кабинета и на всю контору гаркнетъ:

— Дайте мнѣ господина Кротова!

Электро-техникъ, скромный, дѣльный и рыжій молодой человѣкъ прибѣжитъ блѣдный, растерянный.

Отецъ бросается на него чуть не съ кулаками.

— Что же вы тамъ съ вашими ан-перами? Не справитесь?

— Тамъ-съ, Андрей Петровичъ, динамо...

— Къ чорту-съ!.. Илья, пойди, посмотри самъ.

Или еще исторія. Хлопокъ спервоначалу попался не особенно хорошій и сновальщицы жаловались, что

нитки то и дѣло рвутся. Говорили мастеру... Наконецъ, всей гурьбой направились къ отцу, въ кабинетъ. Визжатъ, тараторятъ: ничего не разберешь. Андрей Петровичъ долбилъ имъ, долбилъ... И ругалъ, и просилъ, и обѣщалъ все на свѣтѣ... Смирились бабы и ушли въ свое отдѣленіе.

— Фу, ехидны, вспотѣлъ съ ними!

Къ тому же фабричный инспекторъ наѣзжалъ и надоѣдалъ, какъ только могъ: и то ему покажи, и то растолкуй, да еще соблюдай всю возможную вѣжливость! Отцу это послѣднее было особенно невтерпежъ. За глаза онъ бранилъ инспектора на всѣ корки. Къ тому же, время дорого, а съ этимъ начальствомъ проболтаешься иной разъ цѣлый день...

Правда, всякія недоразумѣнія и потомъ не прекращались никогда, бывали даже посерьезнѣе и покрупнѣе, но тогда, вначалѣ, они гораздо сильнѣй раздражали.

Отецъ дома ходилъ звѣремъ. Къ счастью, опять-таки, бывалъ очень рѣдко.

Я занимался и работалъ, какъ волъ, и, собственно, уставалъ такъ же. Возвращался съ фабрики часовъ въ десять,—клонило ко сну, какъ въ могилу,—а въ шесть часовъ опять на ногахъ и опять гдѣ-нибудь въ паровой или въ котельной. Въ праздники, по совѣсти говорю, отсыпался...

Гдѣ же тутъ думать о чемъ-нибудь другомъ? предаваться возвышенной тоскѣ? мечтать о любви? о женщинѣ? о разлукѣ? о заунывныхъ, трогательныхъ пѣсняхъ?

Изрѣдка, мимолетно, что-то мутило голову, снилась дѣвушка съ русыми косами, въ черной шали, съ ли-

цомъ бѣлымъ, какъ у монашенки, слышались призывающія слова, такія простыя, такія несмѣлыя. Вспомни, пожалѣй, приди! И дни, и ночи я все жду тебя, думаю и гадаю,—за что разлюбилъ меня, милый?..

Марѳуша почти со мной не встрѣчалась. Иногда, когда проходишь по фабрикѣ, гдѣ-нибудь мелькнетъ ея лицо и странные, какіе-то испуганные глаза, которые остановятся на мнѣ, но я спѣшу миновать ихъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Такъ незамѣно прокатился годъ съ лишнимъ. Наступила вторая зима, какъ мы жили на новомъ мѣстѣ. Все, болѣе или менѣе, вошло въ колею.

Андрей Петровичъ нашелъ директора-англичанина, сдалъ ему свои обязанности управляющаго, и собой распоряжался много свободнѣе. Иные дни заходилъ въ контору на часокъ-другой, а то скрывался въ городѣ или уѣзжалъ въ губернію и дѣлалъ какія-то дѣла на сторонѣ.

Дарья Вавиловна въ большихъ богатыхъ комнатахъ стѣснялась и чувствовала себя чужой, лишней, выбрала себѣ внизу какую-то клѣтушку, устроила въ ней по-своему, пригласила себѣ въ компаньонки нѣкую родственницу, старую старушонку, распиваетъ чаи, полнѣетъ, румянѣетъ.

Петя пьетъ и скандалитъ, какъ встарь, и по-прежнему крутитъ любовь съ Ѳеклушей.

Я проводилъ время на фабрикѣ аккуратно съ восьми часовъ утра до шести вечера, съ двухчасовымъ отдыхомъ для обѣда. У меня былъ отдѣльный ключъ отъ особенной двери въ кабинетѣ, черезъ которую ходилъ я одинъ. Такъ что, случалось, когда заявишься незамѣтно и неожиданно раньше обычнаго, застанешь

въ конторѣ и въ отдѣленіяхъ кое-какой непорядокъ. И тутъ же проберешь, кого слѣдуетъ.

Такъ, однажды, услышалъ я нечаянно интересный разговоръ.

Недавно поступившій конторщикъ Ивановъ, котораго я узналъ по голосу, малый лѣтъ восемнадцати, бесѣдуетъ съ разсыльнымъ Митрофаномъ, который всегда стоитъ за дверьми моего кабинета.

На этотъ разъ они не подозрѣвали, что я уже сижу за столомъ и только собирался позвонить, и разговаривали непринужденно громко.

Ивановъ спрашиваетъ:

— Ну, а какъ у васъ тутъ насчетъ дѣвочекъ? Можно?

Митрофанъ, кажется, спеціалистъ по этой части, что-то отвѣчаетъ шопотомъ. Хихикаютъ.

«Эхъ, думаю, канальи»!

Митрофанъ продолжаетъ. Онъ говоритъ, захлебываясь:

— Да! Вотъ хорошенькая! Молоденькая! Поднеси ты ей полбутылочки, ступай къ ней въ гости... И дѣлай, что хочешь: вся твоя. Отчаянная дѣвка.

— Какая жъ такая?

— А сходи ты въ сновальную, да посмотри. Сама въ глаза бросится... Такіе, братъ, шуры-муры,—я те дамъ!

У меня подкатило подъ сердце; я какъ закричу:

— Митрофа-нъ!

Разсыльный влетѣлъ, какъ полоумный.

— Шшш... што изволите?

Въ конторѣ кто-то поскользнулся и уронилъ стулъ.

— Ты про кого разсказывалъ?

У Митрофана совсѣмъ отнялся языкъ.

— Нни... ни... ни ни про кого.

Я стучалъ по столу.

— Про кого?

Разсыльный дрожалъ, какъ листъ, и молчалъ.

— Ты скажешь, или нѣтъ?.. Пошелъ вонъ!

Митрофанъ испарился, какъ духъ.

Я стихъ и взялъ себя за голову. Я внутренно не сомнѣвался, что онъ разумѣлъ Марѳушу. Ее, ее!..

У меня заломило въ вискахъ. Ахъ, Господи!..

Въ кабинетъ входитъ Филиппъ Эдуардовичъ.

— Здравствуйте, Илья Андрейшъ!

Онъ трясетъ мою руку.

— Вы нездоровъ?

— Я? Нездоровъ? Что вы, Филиппъ Эдуардовичъ! Только я сегодня заниматься не буду! Сейчасъ ухожу! Позвоните папашѣ въ городъ, чтобы онъ пріѣхалъ на фабрику. Онъ, вѣрно, у Казакова. Со вчерашняго дня.

— У какой Казаковъ?

Я сердито отрѣзалъ:

— Въ трактирѣ.

Собрался и вышелъ.

Какой былъ бѣлый день! Только что за ночь выпалъ снѣгъ и теперь, чистый, пушистый, не тронутый, лежалъ вездѣ,—и на крышахъ, и на столбахъ, и на деревьяхъ, и на дорогѣ. Телефонныя проволоки въ пышномъ инеѣ. Зимнее солнце играетъ и переливается краснымъ и желтымъ. Полозья скрипятъ. Лошади фыркаютъ отъ мороза, паръ вьется изъ ноздрей клубами. Люди въ башлыкахъ, бороды и усы серебрятся.

Я раздумывалъ на подъѣздѣ, поднявъ воротникъ

шубы и нахлобучивъ шапку. Куда же теперь? Куда глаза глядятъ?

Ахъ, Боже мой, забылъ папиросы! Ну, ладно! Не хочется возвращаться! Обойдусь...

Побрелъ домой. Тамъ всѣ удивились: Ѳеклуша первая. Снимаетъ съ меня шубу и глазамъ своимъ не вѣритъ.

— Что это вы, Илья Андреевичъ?

Движенія у меня вялыя, я нехотя отзываюсь:

— Прихворнулъ.

— Ай, батюшки!

Ѳеклуша кое-какъ повѣсила шубу и побѣжала внизъ, къ Дарьѣ Вавиловнѣ. Я прошелъ къ себѣ и прилегъ.

По лѣстницѣ грузно поднимается въ мою комнату мать, встревоженная, растрепанная.

— Илюшечка, къ доктору послать?

Прикладываетъ ладонь къ моему лбу.

— Ишь, ты блѣдный какой! И жаръ у тебя... Я тебѣ сейчасъ чайку закажу, съ кисленькимъ вареньемъ,— выпьешь!.. А гдѣ же отецъ-то? Въ фабрикѣ?

Я морщусь и ною:

— Оставьте, мамаша! Ничего! Пустяки! Вотъ полежу и все пройдетъ.

— Ну, лежи, ну, лежи! Богъ съ тобой! Я тебѣ чаю сюды пришлю.

Дверь затворилась. Никого.

Да развѣ я когда-нибудь не любилъ тебя?.. Я хрустѣлъ пальцами, скрипѣлъ зубами, какъ отъ зубной боли. Въ душѣ накипала угроза. Я трясъ головой и повторялъ про себя: развѣ я не любилъ тебя?

Ѳеклуша принесла чай,—я размахивалъ самъ съ со-

бой руками,—дико посмотрѣла на меня и скрылась, не проронивъ ни слова.

Тупо все... тупо. И снѣгъ... и чай... и Ѳеклуша. Навѣщу-ка я Петю! Я сталъ раздѣваться. Непремѣнно! непремѣнно! давно не видались! Но зачѣмъ же я раздѣваюсь? Что у меня? временное помѣшательство? Я натянулъ на себя скинутый было пиджакъ, завязалъ галстукъ.

И тихо, стараясь не шумѣть, цѣпляясь руками за мебель и стѣны,—у меня что-то кружилась голова,—поплелся, едва волоча ноги, къ Петѣ.

Совсѣмъ расклеился молодчикъ!

Петя еще не вставалъ съ постели, хотя было далеко за полдень, и въ одномъ бѣльѣ, лохматый, заспанный, сбросивъ одѣяло и задравъ ногу за ногу, перелистывалъ иллюстрированный журналъ, кажется, старую-престарую „Ниву“.

При моемъ входѣ оцѣпенѣлъ и опустилъ руки съ книжкой.

— Илья, почему ты дома? И что у тебя за видъ?

— А что?

Петя спрыгнулъ съ кровати, отчего матрацъ жалобно и тяжко охнулъ, подошелъ ко мнѣ и внимательно посмотрѣлъ въ глаза.

— Съ родителемъ что-нибудь вышло?

Я улыбнулся.

— Пришелъ къ тебѣ, Петя, посидѣть. Отдохнуть.

Онъ подставилъ мнѣ удобное низкое кресло.

— Усаживайся. Мнѣ пріятно, что ты меня вспомнилъ.

Я повалился въ кресло и съ отчаяніемъ произнесъ:

— Да развѣ я не любилъ тебя?.. Всегда, всегда!

И вдругъ спохватился:

—Что подѣлываешь, Петя?

— Ничего не дѣлаю. Почитываю, такъ спрохвала.

Петя что-то затормошился. Двери полуоткрылись, и оттуда Ѳеклуша поманила брата.

— Извини меня, Илья. Я тебѣ откровенно: Ѳеклуша водочки мнѣ достала... опохмелиться.

— Ну, что жъ? Я ничего не имѣю.

Петя взялъ у Ѳеклуши сотку, захлопнулъ дверь и заперъ на ключъ.

— Понимаешь, со вчерашняго голова трещитъ, словно тамъ черти ужинали.

Онъ благовоспитанно повернулся ко мнѣ спиной и вытянулъ всю водку прямо изъ горлышка. Крякнулъ и закусилъ языкомъ.

— Знаменитая штука: мерзавчика ошарашить.

— Сыграй мнѣ, Петя, на гитарѣ.

— Изволь, братецъ, изволь. Отчего же братцу не доставить удовольствіе?

Петя беретъ со стѣны гитару на малиновой лентѣ, настраиваетъ, перебираетъ струны.

— Я ужъ заодно и спою тебѣ.

Онъ откашливается и, глядя въ окно, запѣваетъ. Я наблюдаю за нимъ, будто первый разъ вижу.

Я не понималъ, о чемъ заливался вполголоса и тренькалъ на гитарѣ Петя. Не вслушивался. Что-то про осенній листъ, про сердце, которое стонетъ, какъ шумитъ дубравушка, про молодецкую кручину, про змѣю подколодную. «Мать-земля сырая!»

Должно-быть, это—пѣсня «Лучинушка». Или я путаю? Ахъ, все равно, чортъ ее побери! Нѣту утѣшенія, нѣту!

Я сразу всталъ. Петя оборвалъ пѣсню, струны прозвенѣли... За окномъ смеркалось, и сизое небо чернѣло по краямъ зловѣщимъ очеркомъ.

— Спасибо, Петя.

Я протянулъ ему руку. Братъ пожалъ, сочувственно прибавивъ:

— Ты—странный, Илья! Заходи, буду радъ отъ души.

— Спасибо, спасибо!

Я направился обратно наверхъ. На витой лѣстницѣ, опять поддавшись головокруженію, я какъ-то встряхнулся, скрутилъ себя и, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ отца, который дожидался въ моей комнатѣ.

Онъ былъ въ безпокойствѣ.

— Ты меня напугалъ. Мнѣ сказали, ты свернулся, какъ слѣдовать...

— Да. Мнѣ, папаша, на фабрикѣ послѣ обѣда приключилось дурно. А теперь, какъ видите, герой.

Я еще пріободрился.

— А къ завтраму высплюсь, и совсѣмъ будетъ отлично.

— Ужъ ты, Илюша, лучше, свѣтъ, повремени. Денекъ, другой останься у матери, дома. Дѣло—не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. А здоровье дороже всего. Тамъ Филиппъ Эдуардовъ справится, по крайности...

Андрей Петровичъ засвѣтилъ стѣнныя лампочки, сдвинулъ шторы, позвонилъ.

Постукивая каблуками, въ бѣломъ фартукѣ, затянутая, завитая, но грустная и тихая, показалась въ растворенныхъ дверяхъ Ѳеклуша.

— Что прикажете, баринъ?

— Принеси сюды ужинъ намъ двоимъ, да бутылку вина,—знаешь?—бѣлаго. .

— Слушаю. Сію минуту.

Ѳеклуша чутьемъ пріобрѣла всѣ манеры хорошей горничной: ни лишнихъ разговоровъ, ни какихъ-нибудь жестовъ, всегда исполнительна, быстра, неслышна, опрятна... Отецъ въ добрыя минуты называлъ ее «золотомъ».

— Ты, золото, вычисти мнѣ цилиндръ. Завтра на парадъ ѣду.

Отецъ, углубившись въ кресло, разставилъ ноги, оперся объ нихъ ладонями, — его обычная поза, — я сѣлъ, вытянувшись и низко съѣхавъ головой.

Скоро между нами, на кругломъ столѣ, на шитой скатерти, расположились тарелки съ холоднымъ и горячимъ мясомъ, съ соусами и салатами, и посреди̇нѣ добрая бутылка вина и графинъ воды.

— Приступимъ, Илюша. Тебѣ подкрѣпиться необходимо. Вина выпей обязательно.

Я, чтобы не подавать виду, принялся за какую-то дичину и глотнулъ изъ фужера.

Отецъ кушалъ съ завиднымъ аппетитомъ и, не задерживаясь, расправлялся съ виномъ, угощая и подливая мнѣ.

— Не отставай, Илюша, не бабничай.

Вина оставалось на донышкѣ. Отецъ позвонилъ снова. Застучали Ѳеклушины каблучки.

— Что, баринъ?

Андрей Петровичъ указалъ на бутылку.

— Перемѣни, золотая... Разскажу я тебѣ, Илья, что вчерась у Казакова происходило. Дымъ коромысломъ!

Андрей Петровичъ покончилъ съ ѣдой, разгладилъ бороду и, пощелкивая по стакану, ухмыльнулся.

— Хромой чортъ все набѣдокурилъ! Ужъ и знатокъ по эдакой части! Рыжій дьяволъ!

— Кто это?

— Да вотъ,—самый помѣщикъ, Рюминъ. Говорилъ тебѣ...

— Ну, да. Знаю.

— Сошлись мы въ клубѣ: градскій голова, исправникъ, я и вотъ Василій Дмитріевъ. Все — любители и не дураки по всѣмъ статьямъ. Отправились всей гуртой къ Казакову. Часу въ первомъ. Ты слышь?..

Я пробурчалъ:

— Слушаю, слушаю.

— Само собой, въ отдѣльный кабинетишко. Свѣчи зажгли, чтобы не такъ свѣтло было. Соорудили выпивку... Ну, конечное дѣло, дѣвицы-пѣвицы.

Отецъ долго передавалъ, какъ они буянили, сквернословили и сквернодѣлали. Какъ отъ нихъ дѣвицы, наконецъ, убѣжали. Ужъ очень замытарили ихъ...

Отъ выпитаго вина у меня голова налилась свинцомъ. Не помню, какъ ушелъ отецъ, убрали ужинъ, какъ я затѣмъ очутился въ постели...

Только черные туманы разстилались, ныли далекія струны и кто-то прощался, наклоняясь къ моему лицу и опуская рѣсницы: никогда! никогда! прощай!..

VIII.

Когда я на утро, веселый и свѣжій, проходилъ въ свой фабричный кабинетъ черезъ контору, всѣ встали съ еле замѣтнымъ смущеніемъ, а Митрофанъ покосился на меня и опасливо посторонился.

Я, дѣйствительно, раскричался наканунѣ первый разъ въ жизни.

Отецъ, забравшійся на фабрику спозаранку, распекалъ пожилого подмастера, Якова Чебурышкина.

— Дурья твоя голова! Возьми ты въ башку свою несуразную одно то, что вѣдь ты голосинникъ не выдаешь, карманъ мой жалѣючи, погонялку тамъ, али что, а вѣдь станокъ-то гуляетъ. Безъ правки его не пустишь. А мнѣ болѣе того убытокъ... Фараонъ ты, стервецъ! Оштрафовать тебя мало... Почему ты задерживаешь?

Подмастеръ усиленно мигалъ хитрыми глазами.

— Я потому болѣе, что, говорю, лишнее берутъ; веревочки, и той не напасешься на ихъ...

Отецъ погрозилъ ему:

— Яковъ, слышь? Слѣдить, слѣди, а чтобы этого зря не было! Взбучку получишь... Ступай!

Андрей Петровичъ швырнулъ на столъ карандашъ, которымъ вертѣлъ въ рукахъ.

— Народъ пошелъ аховый! Безъ нагоняя каждый

разъ не обойдешься! Ироды, сукины дѣти!.. Какъ, Илюша? Цвѣтешь? Слава Богу?

Подаетъ мнѣ руку.

— Здравствуйте, папаша... Да, поправился.

Я остался одинъ.

Марѳуша, ребенокъ, красота, Божья клятва и, — и этотъ поклепъ на нее!.. Какая нескладица! Какъ я могъ вообразить? Откуда? что? почему?

И прояснилось давнишнее сновидѣніе, полузабытое, небреженое. И райскіе цвѣты расцвѣли въ сердцѣ и наполнили его щемящимъ благоуханіемъ. Будто вчера было. Будто вчера увидалъ я Марѳушу, и любилъ образъ ея, и хранилъ, какъ неземное сокровище, въ душевной обители своей. Годъ пролетѣлъ, какъ мигъ,— что отъ него уцѣлѣло? Только ты, только ты вернулась!

Поклоняюсь твоимъ невиннымъ поцѣлуямъ, твоимъ полуоткрытымъ устамъ, теплымъ объятіямъ твоимъ...

И что-то кольнуло. Смотри, не распѣвай соловьемъ! Не поздно-ли? Не погибла-ли красота ея? И ребяческая клятва не проклята-ли? Тогда пеняй на себя, голубчикъ!..

Да неужели? Да не можетъ быть?

Я почти бѣгомъ пустился во второй этажъ, въ сновальное отдѣленіе. Марѳуши, оказывается, нѣтъ: она въ другой смѣнѣ, отъ десяти до четырехъ.

И, вотъ, что значитъ: повезетъ человѣку. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ шаговъ обратно, слышу за собой чей-то восхищенный возгласъ:

— Ужъ и пьяна вчера была Марѳушка Игнатьева!

Я чуть кубаремъ не скатился по ступенькамъ.

И такая засосала тоска, злобная, противная, — все

мнѣ омерзѣло вдругъ, и фабрика, и отецъ, и англичанинъ, который подходилъ ко мнѣ,—нѣтъ, ну васъ къ лысому бѣсу! Уѣду! Брошу все! Какъ хотите!

— Распорядитесь, чтобы мнѣ запрягли лошадь!

Подали.

— Гони, Матвѣй, что есть мочи!

— Куда изволите?

— Валяй къ Казакову!

Матвѣй неожиданно обернулся.

— Куда-съ, Илья Андреевичъ?

— Къ Казакову! Оглохъ?

Матвѣй привсталъ, шевельнулъ вожжами, гикнулъ и, вздымая снѣжную пыль, полетѣлъ быстроногій бѣлый конь. Духомъ домчались въ городъ.

У Казакова, въ трактирѣ, въ большихъ залахъ безлюдно и тихо, уныло и скучно. Половые пьютъ утренній чай. Свѣтитъ зимнее солнце. Трещитъ канарейка.

Къ чему я сюда попалъ? Но ничего не подѣлаешь, надо пить и напиться... до положенія ризъ. Была, не была!

Проходя коридоромъ, за одной дверью я слышалъ веселые разговоры, пѣніе, звонъ и женскій голосъ.

— Кто тамъ у васъ?

Половой загадочно и снисходительно улыбнулся:

— Не приказано говорить.

Дверь эта самая отворилась и оттуда высунулась знакомая голова. Я встрепенулся. Мы замѣтили другъ друга.

Тогда выступила на видъ вся тощая фигура нашего «лордъ-мэра» и, оглянувшись, нѣтъ-ли кого такого, направилась ко мнѣ, протягивая обѣ руки.

— Вотъ такъ сюрпризъ: проводили папашу, теперь

сынокъ попался... Къ намъ! къ намъ! безъ отговорокъ!

Я всталъ къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, Василій Васильевичъ... Вы что же? Второй день здѣсь прохлаждаетесь? Безъ отдыху?

Василій Васильевичъ жалъ мою руку очень долго и крѣпко.

— Кутимъ, кутимъ... А вы, дорогой, какими судьбами?

— Въ карты выигралъ. Хочу спрыснуть.

— Ай, какъ превосходно!

Василій Васильевичъ повелъ меня къ своей компаніи.

— А кто тамъ у васъ еще?

— Васька Рюминъ,—вы его знаете?

— Наслышанъ, а такъ не знаю.

— Рекомендую: парень на всѣ руки. Да съ нимъ замѣчательная женщина! Какъ поетъ! Изъ-за нея больше и сидимъ... А потомъ никого! Вы будете четвертый.

Мы вошли въ кабинетъ. Голова протолкалъ меня впередъ.

— Вотъ вамъ и молодой Топорковъ, Илья Андреевичъ! Прошу,—особенно васъ, сударыня,—любить его и жаловать.

Изъ-за стола, уставленнаго разной снѣдью, и множествомъ бутылокъ, поднялся очень пріятный господинъ съ аккуратной рыжей бородкой и выхоленными руками.

Былъ онъ, очевидно, пьянъ зѣло, потому что усиленно держался за столъ для соблюденія равновѣсія, но глаза его насмѣшливо и умно сверкали изъ-подъ

черныхъ бровей, какъ будто они были ни въ одномъ глазѣ.

Онъ сказалъ мнѣ кратко:

— Привѣтствую.

И равнодушно плюхнулся на диванъ рядомъ съ женщиной, которая мнѣ, дѣйствительно, показалась странной. Она кинула на меня подозрительный взглядъ и молча поклонилась.

Василій Васильевичъ усаживалъ меня напротивъ.

— Чѣмъ же намъ потчивать дорогого гостя?

Рюминъ отозвался:

— Начните, благословясь, съ коньяку.

— Дѣльно. Ты, Вася, завсегда совѣтуешь дѣльно.

Я приглядывался къ женщинѣ. Она развалилась подъ руку съ Василіемъ Дмитріевичемъ такой важной барыней въ черномъ шелковомъ платьѣ съ открытой шеей и прозрачными рукавами. Въ ушахъ—алмазныя серьги, на пальцахъ— перстни и обручальное кольцо. Сама— полная, бѣлая, волосы взбиты, глаза съ поволокой. Видимо, тоже изрядно выпила, ибо какъ-то сама себѣ улыбается и пышитъ румянцемъ.

Коньякъ мнѣ сразу ударилъ въ голову.

— Что же, господа, разсказывайте анекдоты.

Василій Васильевичъ обратился къ Рюмину, который небрежно тянулъ вино, умильно упрашивая:

— Выручай, Вася. Сдѣлай одолженіе. Распотѣшь. Какой-нибудь позаковыристѣй.

— Неприличный разскажу, но если позволитъ Нина Сергѣевна...

Нина Сергѣевна заколыхалась отъ смѣха и протянула:

— Пожалуйста, я васъ не слушаю.

Рюминъ сначала заставилъ меня выпить подъ-рядъ двѣ рюмки коньяку, чтобы хоть въ сотую долю съ ними сравняться.

Я обжогъ себѣ горло и съ удовольствіемъ глоталъ одинъ кислый лимонъ.

— Гдѣ вы такого коньяку раздобыли?

Василій Дмитріевичъ усмѣхнулся:

— Національный. Не заграничный. Нашему россійскому желудку сойдетъ: луженый.

И, послѣ паузы, бабьимъ прерывающимся шепотомъ произнесъ фразу, которую я слышалъ еще студентомъ:

— Иванъ... Ванчъ... сни-мите пен-снэ... вы мнѣ... оцарапаете.

Городской голова даже заикалъ отъ наслажденія и захохоталъ, сохраняя однако всю унылость своей физіономіи.

Нина Сергѣевна конфузливо зардѣлась еще ярче.

— Какой ты, Вася, безобразникъ.

Успокоившись, Василій Васильевичъ захлопалъ въ ладони.

— Ну, теперь второй номеръ! Нина Сергѣевна, пѣть!.. Просимъ, просимъ!

Я присоединилъ свои мольбы. Нина Сергѣевна внимательно смотрѣла на Василія Дмитріевича.

Онъ разрѣшилъ, пожавъ плечами:

— Спой...

И удержалъ ее:

— Подожди. Сперва надо выпить.

Рюминъ изящнымъ жестомъ разлилъ вино, вынувъ бутылку изъ холодильника.

— Вотъ ужъ это, Илья Андреевичъ, сухое, насто-

ящее, спеціальной выписки для почтеннаго и высокоуважаемаго Василья Васильевича, здѣшняго городского головы...

Голова икнулъ и прыснулъ:

— Вася! не шути!

Мы чокнулись. Рюминъ продолжалъ:

— Очаровательная Нина Сергѣевна! Теперь наши желанія несутся къ тебѣ! Услади наши души...

Нина Сергѣевна, волоча трэнъ, павой переплыла отъ стола къ роялю. Закинула голову. Нахмурилась. Рванула громкій аккордъ.

Я потихоньку спросилъ Василія Васильевича:

— Что это за Нина Сергѣевна?

Онъ нѣсколько замялся и чуть шевельнулъ губами:

— Ляпунова.

Я внутренно оторопѣлъ. Ляпунова, Нина Сергѣевна,—жена солиднѣйшаго въ городѣ купца, благотворительница и, вообще, дама съ большимъ положеніемъ...

Она запѣла,—низко, почти по-мужски, какъ я слыхивалъ у Вари Паниной.

Не кори меня въ развра-атѣ,
Но цѣлуй меня звончѣ-ѣй!
Поздно думать о возвратѣ,
Свѣтлыхъ отроческихъ дней...

Я подумалъ: ну, и выбрала ты романсъ!

Любо жить мнѣ нараспашку,
Нынче—счету нѣтъ пирамъ,
Но послѣднюю рубашку,
Можетъ, завтра я отдамъ.

Я невольно застылъ во вниманіи: какой разгулъ! какое богатство звуковъ! И страсти! И мощи!

Голосъ дрожалъ и гудѣлъ въ четырехъ тѣсныхъ

стѣнахъ... Нина Сергѣевна вдругъ оторвалась отъ рояля.

— Нѣтъ, не могу. Не поется.

Мы хоромъ запротестовали. Василій Васильевичъ умоляюще прижималъ руки къ сердцу.

Madame Ляпунова задорно оглянулась на Рюмина, который усердно дымилъ сигарой, и быстро проиграла бравурный маршъ.

— Инъ быть по вашему! Для васъ, Василій Васильевичъ!

Голова вскинулся.

— Нина Сергѣевна! Мать родная! Чудо чудное! Душу мою возьми!

Но она уже пѣла:

Не дивись на эти вазы,
Ожерелья и цвѣты,—
И червонцы, и алмазы
Не спасутъ отъ нищеты.
Отдала себя безъ торга,
Подъ соблазнъ чужихъ рѣчей,
Для кипучаго восторга,
Для губительныхъ ночей...

Вино разбудило фантазію. И подъ выразительное пѣніе мечта меня унесла.

Все къ ней. Въ лазоревыя небеса. Въ изумрудныя поля...

Нѣтъ. Не ищи. Пусты лазоревыя небеса и поля изумрудныя осенними дождями измяты...

Ты слышишь, какъ она свою жизнь погубила?

Василій Васильевичъ склонилъ голову и, казалось, дремалъ. Рюминъ, не отрываясь, палилъ сигару, уставясь глазами въ потолокъ.

Нина Сергѣевна, только что входила въ настроеніе и теперь, въ безшабашномъ порывѣ, еще выше закинувъ голову, отчеканивала каждое слово мѣднымъ звономъ.

Я въ развратѣ закоснѣломъ
Лучезарная звѣзда,—
Но за то и грѣшнымъ тѣломъ
Не скуплюсь я никогда.

— Браво!—прокричалъ Рюминъ.

Нина Сергѣевна, не переставая пѣть, ему улыбнулась.

Разъ, въ когтяхъ судьбы-злодѣйки,
Стукнулъ нищій въ дверь мою,
Но сама я безъ копѣйки,
Голодна, а все жъ пою.

— Я—нищій, я—нищій, подайте нищему. Ручку. Приложиться.

Василій Васильевичъ упалъ со стула къ ногамъ пѣвицы и сталъ ловить ея руки. Мы къ нему бросились.

— Мѣшаете, Василій Васильевичъ. Послѣ...

Насилу оттащили его на мѣсто... Нина Сергѣевна пѣла:

Былъ онъ молодъ. былъ онъ статенъ,
Цвѣтъ цыгана легъ на немъ,
Красный плащъ потускъ отъ пятенъ,
Самъ съ гитарой за плечомъ.
Ужъ не разъ я замѣчала,
Какъ и днемъ, и въ поздній часъ,
За окномъ меня встрѣчала
Пара чьихъ-то страстныхъ глазъ.

Стихла. Рояль гремѣлъ. Тра-ра-ра-рамъ-рамъ...

Сердце изболѣлось, изсушилось лютой любовью.

— Нина Сергѣевна, пойте!

Я вымолвилъ это съ такой настойчивой мольбою, что madame Ляпунова метнула на меня любопытнымъ взоромъ.

Запѣла:

Проситъ хлѣба ради неба,
Говорю ему я: братъ,
Нѣтъ ни денегъ, нѣтъ ни хлѣба,
Въ этой роскоши палатъ.

Но взамѣнъ грошей и пищи
Есть лобзанье безъ ума,
Прелесть тѣла,—хочешь, нищій,
Вмѣсто хлѣба, я сама?

Какъ она это выговорила! Василія Дмитріевича опять прорвало:

— Браво!

Рояль гремѣлъ.

И въ кипучее лобзанье
Я всю страсть свою влила,
И бѣднягѣ подаянье
Грѣшнымъ тѣломъ подала.

Не кори жъ меня въ развратѣ,
Но цѣлуй, цѣлуй звончѣй,
Поздно думать о возвратѣ
Свѣтлыхъ отроческихъ дней.

Пусть позоръ,—моя дорога
Въ замогильные края,
Мнѣ за то простится много,
Что любила много я.

Рояль прогремѣлъ послѣдній разъ. Тра-ра-ра-рамъ-рамъ...

Нина Сергѣевна встала, захлопнувъ крышку.

Пока madame Ляпунова услаждала наши души, мы все-таки далеко не пренебрегали спиртными напит-

ками. И теперь, задвигавъ стульями, чтобы встать и благодарить Нину Сергѣевну, мы едва продержались на ногахъ. Она ужъ сама раздавала намъ свои руки, которыя мы благоговѣйно цѣловали.

Василій Васильевичъ прикладывался и приговаривалъ:

— Божество мое! Несравненная! Чудо чудное!

Отъ вина, отъ пѣнія, отъ этой Нины Сергѣевны, которая дышала и смѣялась и пила, сверкая румянцемъ и драгоцѣнностями, я разжалобился надъ самимъ собой, надъ своей неудачливой долей, — слова просились наружу. И madame Ляпунова пойметъ меня!

— Нина Сергѣевна! Господа!

Рюминъ на самомъ интересномъ мѣстѣ оборвалъ двусмысленный анекдотъ, которые опять пошли въ ходъ по настоянію Василія Васильевича. У меня, должно быть, лицо было очень смѣшнымъ, пьянымъ и грустнымъ, потому что Нина Сергѣевна подняла брови въ ироническомъ удивленіи. Но я уже разошелся.

— Признаться вамъ, — извините, что я нарушаю ваше веселье, я знаю, что признаніе мое неумѣстно, — но я хочу вамъ признаться...

Всѣ на меня глядѣли въ недоумѣніи съ застывшими жестами.

— Собственно, почему я очутился среди васъ? Напился, какъ послѣдняя личность?

Василій Васильевичъ тронулъ меня за плечо.

— Илья Андреевичъ, вы это, дорогой, къ чему? Бросьте!

Рюминъ процѣдилъ язвительно:

— Купецкая натура! Не можетъ безъ покаянія!

Нина Сергѣевна, кажется, хохотала.

Я бормоталъ, плохо различая, что происходитъ. Мнѣ показалось, что madame Ляпунова сѣла къ Рюмину на колѣни.

— Вы, друзья, смѣяться не смѣете. Я не позволю. Вамъ, Нина Сергѣевна, какъ женщинѣ, стыдно. Вы— нарочно, притворно смѣетесь,—душа у васъ прекрасна. Лучезарная звѣзда!.. Если оскорблено мое чувство, если женщина...

Я не договорилъ, всхлипнулъ и бросилъ недопитый бокалъ на полъ...

Подъ общій, громкій хохотъ и непристойныя замѣчанія меня съ половыми осторожно вывели изъ трактира, уложили въ санки. Матвѣй укрылъ меня съ головой медвѣжьей полостью и такъ благополучно привезъ домой.

IX.

Что ни говорите, а вотъ эдакъ изрѣдка провѣтрить себя серьезнымъ пьянствомъ бываетъ полезно.

Всю неизбывную печаль мою какъ рукой сняло. Я разсуждалъ здраво: хорошо, — т.-е., положимъ, нѣтъ ничего хорошаго, — но Марѳуша сбилась съ толку. (Какъ это Игнатъ не доглядѣлъ? И что же ея тетка?). Но вѣдь это понятно: съ отчаянія, отъ любви безнадежной. Ты заманилъ ее, обольстилъ разными нѣжностями, цѣловалъ и миловалъ ее, а потомъ какъ-то сразу бросилъ. «Сгубилъ ты дѣвчонку, сгубилъ навсегда»...

Ты войди въ ея положеніе. Ты вотъ самъ не выдержалъ и поѣхалъ съ горя къ Казакову. А ей,—что оставалось дѣлать? А нельзя, что она закружила со злости, изъ ревности, или какъ буйный вызовъ? Всяко бываетъ...

Да и моя любовь къ ней, къ Марѳушѣ? Можетъ быть, не болѣе, какъ воздушный призракъ? игра никчемнаго воображенія? Что она мнѣ, въ сущности?..

По крайней мѣрѣ, сейчасъ на сердцѣ у меня пусто и холодно, и ничего я къ Марѳушѣ не чувствую. И спокоенъ, и вѣренъ себѣ...

Спокоенъ? И ни капли не совѣстно? Ну, это... дѣло другого рода. Сюда не относится. А все-таки будто

избавился я отъ тяжелой обязанности, будто гора съ плечъ свалилась... Легко, весело и свободно.

На дворѣ, въ утренней темнотѣ, бушевала вьюга. За ночь намело сугробы. Снѣжные вихри слѣпили глаза, свистѣли въ уши. И кругомъ ни воздуха, ни далей, ни неба, — одна бѣлая мутная мгла. Закутанныя людскія фигуры движутся въ ней, какъ фантомы.

Разыгралась метелица на какой-то радости...

Въ конторѣ Василій Васильевичъ справлялся по телефону, какъ я добрался до дому.

— Превосходно. Подробностей не помню. А вы какъ? долго еще упивались?

— Не долго. Безъ васъ не сидѣли и часу. Барыня у насъ вдругъ раскисла. Вася и увезъ ее... гм... куда, не знаю.

— Что она съ этимъ господиномъ? какъ?

— Да вотъ: врѣзалась, бѣдная. Баба она съ темпераментомъ, не старая, мужъ давно прискучилъ, ну, а Вася—онъ малый способный, своего не упуститъ.

— Да?

— Да... Только вы, дорогой, молчокъ, языкъ за зубами. Она съ нами вчера секретно...

— Ну, разумѣется. Я понимаю... Такъ до пріятнаго увиданія.

Я прекрасно прозанимался весь день и вечеромъ рѣшилъ пойти къ Марѳушѣ.

Послѣ вьюги настала оттепель. Снѣгъ размякъ и приставалъ къ подошвамъ лепешками. Сырой воздухъ былъ непріятенъ. Деревья оголились отъ бѣлаго пуха и уныло топорщили черные мокрые сучья. По небу носились низкія лохматыя тучи.

Въ рабочей «спальнѣ», на лѣстницахъ и въ «про-

ходѣ» было свѣтло и шумно. Ребятишки, почти всѣ босикомъ и въ однѣхъ цвѣтныхъ рубашонкахъ, играли и бѣгали, дрались и ревѣли. У своихъ дверей на скамеечкахъ вечеровали бабы, порхали дѣвицы и за ними увивались парни. Взрослыхъ мужиковъ было мало.

Мое появленіе произвело переполохъ. Дѣти замолкли или скрылись, остальные смотрѣли на меня, какъ на пугало.

Выскочилъ смотритель.

— Укажите мнѣ номеръ Арины Зайцевой.

— Тридцать седьмой, Илья Андреевичъ. Въ концѣ налѣво.

— Хорошо. Вы мнѣ больше не нужны.

Кругомъ зашушукали: къ Аринѣ, къ Аринѣ...

Я нашелъ нужный номеръ и отворилъ туда дверь. Каморка была односемейной, маленькой...

По стѣнамъ—двѣ постели на сундукахъ, столъ подъ скатертью, два-три разнокалиберныхъ стула, стѣнной шкафикъ съ посудой, на окнѣ занавѣска, цвѣты,—герань, отростокъ фикуса, мелкій розановый кустъ,—сбоку зеркальце, подъ нимъ цѣлый вѣеръ открытокъ,—все больше красавицы, въ блесткахъ и бисерѣ. Въ правомъ углу, въ кіотѣ—образъ Богородицы и Николая Чудотворца, одѣтыхъ въ ризы.

Надъ кроватями висѣли ничѣмъ не прикрытыя шубы, юбки и кофты... Горѣла жестяная лампочка. Но все было прибрано и чисто.

На столѣ кипѣлъ самоваръ, прямо на скатерти лежали баранки и въ блюдечкѣ кусочки сахару.

Пожилая женщина, въ платкѣ, распивала чай въ одиночку...

— Кто тамотка?

И взглянула въ мою сторону.

— Ай, батюшки!

Встала и засуетилась.

— Здравствуй, Арина. Марѳуши нѣту?

— На работѣ, сударь, сейчасъ придё.

— Мнѣ ее нужно. Я подожду.

— Подожди, батюшка, подожди. Сядь, раздѣнься.

Старуха была хитрая... Я снялъ шубу и подсѣлъ къ столу. За дверью таились и тихо разговаривали.

— Что, батюшка, Илья Андреевичъ? Посмотрѣть пришелъ, какъ мы живемъ, работнички твои? Посмотри, хозяину слѣдъ посмотрѣть. Свое око, оно понадежистѣй...

— Да, какъ живете?

— Терпитъ Богъ прегрѣшеніямъ нашимъ, Илья Андреевичъ... Можетъ, сударь, чайкомъ не побрезгуешь?

— Спасибо. Выпью.

Старуха достала изъ сундука шитое полотенце, вымыла для меня стаканъ съ красными обводами, и налила густого-прегустого чаю.

— Кушай, Илья Андреевичъ... Гдѣ-то у Марѳутки конфеты были.

Она выдвинула изъ стола ящикъ и выложила оттуда коробку съ монпансье.

— Игнатъ часто къ вамъ пріѣзжаетъ?

— Давненько, сударь, не былъ. Все дѣла да случаи.

— А Марѳуша... какъ?

Арина потупилась.

— Марѳуша—ничего себѣ...

Меня вдругъ взорвало. Эта старуха ее, очевидно, покрываетъ,—и передъ Игнатомъ.

— Ты сама пьешь?

— И-и-и, сударь! Развѣ что въ праздникъ...

Я вглядѣлся, и мнѣ показалось, что она и сейчасъ порядочно навеселѣ, да и душокъ отъ нея предательскій. Къ тому же на столѣ явные слѣды закуски и выпивки: огурецъ, кожа отъ колбасы, солонка и раскрошенный сургучъ отъ пробки...

Дверь скрипнула, и въ комнату осторожно вошла Марѳуша.

Господи Боже! Что куда дѣлось? Вмѣсто ребенка въ короткомъ платьѣ, съ веселымъ и невиннымъ взоромъ сѣрыхъ глазъ, съ длинными косами, переплетенными алой лентой, стояла въ дверяхъ вполнѣ развитая дѣвица, съ пышной грудью, въ прическѣ и завитая; глаза ея—смущенные, подозрительные, и губы расцѣлованныя какія-то, лѣнивыя движенія,—какъ ее на фабрикѣ измѣнило!

Я внимательно слѣдилъ за Марѳушей и молчалъ. Она поклонилась и, тоже молча, скинула шубу и сѣла на кровать, далеко отъ насъ,

Арина заегозила.

— Вотъ, Марѳуша, сударь Илья Андреевичъ тебя дожидается...

— Меня?

Она раскачивала ногой и разсматривала свой башмакъ на пуговицахъ и съ высокимъ каблукомъ.

Я сказалъ Аринѣ:

— Выйдите, тетушка, покамѣстъ.

— Выйду, батюшка, выйду. Поговори, что тебѣ нужно.

Арина исчезла.

— Вы, Илья Андреевичъ, зачѣмъ ко мнѣ пришли?

— Повидать.

Марѳуша вспыхнула.

— Повидать?.. Х-мъ!.. Не вѣрю... Можетъ, вамъ что еще нужно?.. Говорите прямо: я не боюсь.

— Я не знаю, Марѳуша...

Я всталъ и остановился передъ ней.

— Я не знаю, въ чемъ дѣло, и что съ тобой приключилось такое...

— Не знаете?

Она вскинула на меня женскіе большіе глаза. Щеки ея краснѣли пятнами.

— И не знайте. Все врутъ, будто я запиваю и парней къ себѣ вожу и сама къ нимъ хожу. Пустое болтаютъ... А вы думали: правда? Эхъ, вы! Стыдобушка вы моя!

Она вдругъ окружила меня руками и повалила на себя, на кровать. Прижималась, боролась и въ какой-то досадѣ твердила:

— Сколько времени я ждала васъ!.. Не отпущу теперь, не отдамъ. Не отобьетесь, не вырветесь... Нѣтъ, не вырветесь!..

Я подчинился...

Поднявшись, Марѳуша закружилась по комнатѣ, сѣла къ столу и задорно засмѣялась.

Теперь я чувствовалъ себя смущеннымъ.

— Хороши вы, Илья Андреевичъ! Дать вамъ зеркало посмотрѣться?

— Оставь Марѳуша.

Она покачала головой.

— А люди-то говорятъ правду.

— Что такое?

— Да про меня... Развеселая жизнь, Илья Андреевичъ! Пѣсни да пѣсни!

Я самъ къ ней рванулся и вцѣпился ей въ плечи.

— Что ты смѣешься?

И оттолкнулъ. Отошелъ.

Краска мигомъ покрыла ея лицо, смѣхъ застылъ и глаза закатились... Она закричала:

— Ничего вы мнѣ не сдѣлаете! Не имѣете права Какъ хочу такъ и живу! Кого хочу, того и люблю! Не закажете!

Я взялъ ея руку,—она ничего,—погладилъ. Усмирилась.

— А ты забыла, Марѳуша, какъ мы гуляли въ лѣсу? Какъ ты ночью приходила ко мнѣ въ окно?

Она ничего не отвѣчала.

Я ласкалъ ея руку, цѣловалъ...

— Не трогайте меня, Илья Андреевичъ. Пустите.

Она выдернула пальцы и забылась, закрывъ глаза.

Я смотрѣлъ на нее. И готовъ былъ заплакать, опуститься на колѣни, обнять ея ноги и прижаться къ нимъ пылающими ланитами... Люблю тебя грѣшную, безумную, несчастную...

Я поднялся и заходилъ по комнатѣ.

Марѳуша потянулась, заломивъ руки, зѣвнула.

— Илья Андреевичъ, когда же вы придете еще? Только вы напередъ скажите...

Я опомнился.

— Да, скоро приду. Прощай, Марѳуша.

— До свиданія.

Она подала руку. Я пожалъ ее, накинулъ шубу,, не надѣвая въ рукава, и вышелъ.

На дворѣ стоялъ морозъ при ясномъ звѣздномъ

небѣ. Снѣгъ хрустѣлъ. Свѣжіе слѣды, — птичьи или собачьи,—путались въ придорожныхъ сугробахъ.

Что-то не вышло! Что-то не такъ сказалось! И не то думалъ я встрѣтить... И она не та. Той уже дѣвочки нѣтъ. И все въ прошломъ.

X.

Потекли обычные труды и дни.

На фабрикѣ кипѣла работа, ярмарка сошла недурно, товаръ обернулся, цѣны окрѣпли. Отецъ ходилъ гоголемъ, шутилъ, потиралъ руки, давалъ рабочимъ впередъ, служащимъ къ Пасхѣ посулилъ наградныя въ размѣрѣ годовыхъ окладовъ.

Филиппъ Эдуардовичъ научился-таки ругаться по русски безъ ошибокъ...

Въ одинъ прекрасный день вижу я входящими въ мой кабинетъ Андрея Петровича подъ руку съ господиномъ Рюминымъ.

Оба черезчуръ оживленны.

Василій Дмитріевичъ, увидавъ меня, захохоталъ.

— Почетъ и уваженіе Топоркову-Младшему. Я вотъ сообщалъ Андрею Петровичу, какъ мы васъ домой снаряжали отъ Казакова. Какъ сущаго младенца. Въ полость завернули, какъ въ пеленки.

Отецъ довольно бурлилъ въ бороду.

— Онъ у меня молодчина. Онъ еще себя покажетъ... Илюша?

Я поздоровался съ Рюминымъ не особенно привѣтливо. И на шутку его не отвѣтилъ.

Онъ понялъ и пересталъ смѣяться.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой, Илья Андреевичъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

Я предложилъ имъ садиться, уступивъ отцу свое мѣсто.

— Видите ли, у меня большое желаніе осмотрѣть фабрику и со всѣмъ болѣе или менѣе ознакомиться.

Онъ добавилъ съ усмѣшкой:

— Старъ, а все учусь. Ума-разума набираюсь. Пригодится и то и другое.

Андрей Петровичъ подмигнулъ.

— Ну, ужъ вы, батенька, кажись, учены достаточно...

Я не люблю сопровождать кого-нибудь по фабрикѣ въ качествѣ чичероне. Нѣтъ ничего скучнѣе. Путнаго ничего не объяснишь,—въ двухъ словахъ невозможно,—а публика обыкновенно не знаетъ самыхъ простыхъ вещей... Злишься, а тутъ надо церемониться, отвѣчать на разные глупые вопросы, повторять одно и то же десятки разъ... Ахъ, чтобъ васъ!..

Но я выразилъ Рюмину полную свою готовность, ибо время у меня будто бы какъ разъ свободное.

— Буду очень радъ. Идемте.

Я водилъ его изъ отдѣленія въ отдѣленіе, показывалъ, какимъ товаръ принимаютъ, какъ его наматываютъ на катушки, какъ потомъ снуютъ... Рюминъ оказался любопытнымъ и толковымъ.

Въ ткацкой мы пробыли очень долго. Пожарились немного въ котельной, заглянули въ паровую, къ электротехнику, въ кладовыя, наконецъ, повертѣли книги въ конторѣ.

Василій Дмитріевичъ горячо меня благодарилъ.

Я мимоходомъ спросилъ отца:

— Это онъ къ чему?

— Сей господинъ?

— Да.

— Что-то поговариваетъ насчетъ подходящаго мѣстечка.

— А-а!.. Такъ, такъ...

Андрей Петровичъ пригласилъ Рюмина обѣдать.

Дарья Вавиловна, предупрежденная съ утра по телефону, не ударила лицомъ въ грязь, сервировала богатый столъ, даже цвѣтовъ наставила, и сама разодѣлась и приняла важный тонъ, т.-е. торжественно молчала, отвѣчая Рюмину возможно короче. Василій Дмитріевичъ, въ концѣ концовъ, отъ нея отступился.

Послѣ обѣда, за ликеромъ и кофе, у меня въ комнатѣ, начались фривольные анекдоты, отчасти грубоватые по вкусу Андрея Петровича, который одобрительно, единственно отъ восторга, пускалъ Рюмина отборными словцами—въ видѣ похвалы. Тотъ, конечно, не обижался...

Дѣло близилось къ веснѣ. Проходилъ февраль. Погода мѣнялась. Иногда закручивалъ сильный морозъ, наваливалъ снѣгъ, но скоро опять блестѣли лужи, капала капель, дороги чернѣли, по ночамъ шумѣлъ таинственный дождь, мелкій-мелкій.

Шуба уже давила плечи, шапка стала невыносимо жаркой...

Въ одинъ изъ вечеровъ отецъ соблазнилъ меня поѣхать въ городъ, въ клубъ, на желѣзку. Т.-е. соблазнили меня не карты, я не понимаю тѣхъ людей, для

которыхъ священныя слова: „жиръ“ и „дамбле“, но мнѣ самому захотѣлось опять... провѣтриться.

Я надѣлъ драповое пальто, поярковую шляпу, захватилъ тросточку, которой не бралъ въ руки за всю зиму, и, выйдя на крыльцо, окунулся въ возбуждающую весеннюю свѣжесть. Закурилъ.

Матвѣй подалъ пролетку. На саняхъ уже кое-гдѣ не проѣдешь, а въ городѣ и подавно.

Отецъ все еще въ шубѣ: онъ любитъ парить старыя косточки.

Потихоньку тронулись по какому-то мѣсиву вмѣсто дороги. Лошадь брызгала навозомъ и швырялась ледышками изъ-подъ копытъ.

Въ клубѣ собраніе въ самомъ разгарѣ. Шелъ благотворительный концертъ. У входа франтихи-барышни продаютъ надушенныя программы и цвѣты. Пришлось имъ пожертвовать золотую монету: сдачи не даютъ. Съ отца взяли больше,—ничего не подѣлаешь, ужъ очень мило улыбаются.

Все городское общество налицо: и усатый исправникъ со своею супругой, которая издали мнѣ благосклонно киваетъ, и городской голова, и неизмѣнный (и незамѣнимый) Рюминъ, и еще, и еще, съ нашей фабрики: Филиппъ Эдуардовичъ, мастера. Въ первомъ ряду блистала madame Ляпунова рядомъ съ тщедушнымъ мужчиной, мужемъ.

Она меня остановила.

— Ахъ, старый знакомый!.. Мой мужъ, Козьма Терентьичъ; Илья Андреевичъ Топорковъ...

Нина Сергѣевна, когда я нагнулся къ ея перчаткѣ, поцѣловала меня въ високъ.

Мужъ былъ сердитъ и хмуръ. Онъ внушительно переспросилъ:

— Гдѣ же вы познакомились?

Нина Сергѣевна невинно и просто отвѣтила:

— Недавно въ циркѣ насъ Василій Васильевичъ познакомилъ.

А я даже не слыхалъ, что къ намъ пожаловалъ циркъ!..

Я прошелъ дальше, въ третій рядъ, гдѣ были наши мѣста, еле протискавшись среди дамскихъ колѣнъ, наступая мужчинамъ на ноги, извиняясь...

Люстры пламенѣли, народъ двигался, оркестръ игралъ свое, въ небольшой залѣ было ярко, тѣсно и душно.

Андрей Петровичъ, умѣщаясь, вытиралъ потъ съ лица и промолвилъ:

— Терпи, казакъ, атаманомъ будешь.

И обратился ко мнѣ:

— А я, Илюша, болѣе десяти минутъ въ эдакой духотѣ не высижу... Покорно благодарю за удовольствіе.

На сценѣ появлялись мужчины во фракахъ и дамы въ бальныхъ платьяхъ и пѣли: кто басомъ, кто теноромъ, кто «дишкантомъ». Одинъ студентъ, толстый, переворачивалъ ноты, другой, тонкій, терзалъ рояль... Публика хлопала, артисты кланялись, дамы дѣлали реверансы...

Такъ пришелъ и конецъ концерту!

Стулья раздвигаются по стѣнамъ, оркестръ перебирается на эстраду,—открываются танцы.

Вальсъ... все равно, какой!

Нина Сергѣевна, вѣроятно, танцуетъ?

Я подошелъ къ ней. Она согласилась и оперлась о мое плечо.

Понеслись, скользимъ... Замелькали въ круговращеніи пара за парой.

— Вы обо мнѣ дурно подумали? Тогда?

Нина Сергѣевна слегка пожала мои пальцы.

— Я не думалъ, я васъ слушалъ... Вы пѣли, какъ царица. Въ вашемъ голосѣ власть.

Madame Ляпунова показала свои крупные зубы.

— Будто? И вы теперь... мой подданный?

— На всю мою жизнь, madame.

— Ну, не забудьте, что вы сказали.

— Вы меня обижаете. Я человѣкъ не легкомысленный.

Мы устали. Нина Сергѣевна чувствительно налегала на мою руку.

— Ведите меня внизъ, Илья Андреевичъ. Надо что-нибудь выпить.

— А гдѣ же вашъ мужъ, Козьма Терентьичъ?

Madame Ляпунова брезгливо поморщилась.

— Мужъ? Вѣроятно за зеленымъ столомъ. Его теперь не оторвешь.

Внизу, въ столовой, живо составилась компанія. Къ намъ присоединились: отецъ, Рюминъ, Василій Васильевичъ. Должна была быть на балу и дочь Василія Дмитріевича, но она почему-то запоздала.

Особенно нетерпѣливо поджидалъ ее Андрей Петровичъ.

Нина Сергѣевна явно предпочитала меня Рюмину. Но послѣдній нисколько не смущался этимъ. Былъ такъ же остеръ и веселъ, какъ и всегда.

Поужинали мы, выпили. Часа въ четыре стали разъ-

ѣзжаться. Дочь Василія Дмитріевича такъ и не прибыла. Прислала съ кучеромъ записку, что расхворалась.

На возвратномъ пути отецъ очень жалѣлъ объ этомъ.

— Хотѣлъ тебя показать ей, Илюша. И вотъ не пришлось. Досадно! Право, досадно! Экая она хворая! Ба-рыш-ня!

XI.

Недѣли полторы я не вспоминалъ о Марѳушѣ.

Но выпалъ день, когда именно «пахло» весной. Почки на молодыхъ тополяхъ назрѣвали и бухли. Снѣгъ таялъ. Озеро синѣло и сверху наливалось водой.

Теплый вѣтеръ, изъ южныхъ далекихъ странъ, шепталъ въ уши ласковыя новости: скоро озеро вскроется, и птицы прилетятъ, грачи, скворцы запоютъ, и съ ними придетъ любовь, не такая, а счастливая, радостная,—ты слышалъ романсъ?—«безъ тоски, безъ думы роковой»... Что тутъ думать?

Откуда придетъ? Да ужъ не безпокойся, придетъ. Я знаю. Только сумѣй ее отгадать и встрѣтить.

И я пошелъ къ Марѳушѣ.

Въ коридорѣ на меня уже меньше обращали вниманія: знали, куда и зачѣмъ.

За дверью тридцать седьмого номера шумѣли. Я разслышалъ Марѳушинъ голосъ и чьи-то мужскіе.

Пиликала гармоника.

Ходи баба, ходи печь!
Хозяину негдѣ лечь.

Я невольно замедлилъ, взявшись за желѣзную скобку. Но рука сама отворила.

За шумомъ я вышелъ незамѣтно и оглядѣлъ комнату.

За тѣмъ же единственнымъ столомъ происходило пьянство. Конторщикъ Ивановъ и разсыльный Митрофанъ, съ гармоникой, потные, полураздѣтые, куражились и орали пѣсню.

Марѳуша, съ водкой въ рукѣ,—она приготовилась разливать,—раскачивалась на колѣняхъ Иванова, обнявъ его голой рукой. Она была въ одной рубашкѣ, въ туфляхъ на босу ногу, съ прической, съѣхавшей на бокъ. Арина толклась въ углу, будто ничего не слышала и не видѣла.

Обѣ постели—измяты.

Ивановъ потрепалъ Марѳушу по спинѣ.

— Поцѣлуй, козыриха!

Митрофанъ пиликалъ другую:

Истом-ми-и-лась, из-зом-млѣ-ѣла,
Ужъ такое бабье...

Арина вскрикнула, увидавъ меня, и всплеснула руками.

— Ай, батюшки! Илья Андрейчъ!

Конторщикъ и Митрофанъ отрезвѣли моментально, кое-какъ захватили пиджаки и — на утекъ. Арина шмыгнула за ними.

Марѳуша, положивъ ногу на ногу, осталась сидѣть на стулѣ и, какъ-будто ничего не случилось, медленно выпила рюмку водки и поправила прическу.

Я все-таки снялъ пальто и сказалъ неопредѣленно:

— Здравствуй.

Она мотнула головой.

— Здра-асте...

Глаза ея наглы, щеки—красны, и эта свисшая съ полныхъ плечъ рубашка! Я хотѣлъ подойти къ ней и ударить ее по физіономіи.

— Получай за все, про все!

До крови! Чтобы она заревѣла или покатилась на полъ!

Но вмѣсто этого я только тронулъ ее за руку.

— Одѣнься!

— Сойдетъ и такъ...

Она упрямо повела плечомъ. Не приставай, молъ. Потомъ замурлыкала:

Десять я люби-и-ила,
Девять позабы-ы-ыла...

И потянулась за водкой,—равнодушно: чтобы уколоть меня!

Я схватилъ бутылку и трахнулъ ее объ стѣну.

— Вотъ тебѣ любила! Вотъ тебѣ забыла!

Разъ! два!—я билъ ее по щекамъ.

— Вотъ тебѣ любила! Вотъ тебѣ забыла!

Она сначала согнулась, зажмурилась, а потомъ вскочила и забѣгала по комнатѣ.

Я дрожалъ и опустился на стулъ. Она подлетѣла ко мнѣ и стала, вытанцовывая, щелкать передъ моимъ лицомъ.

— Что, взялъ? Что, взялъ?.. Ай не больно! Ай не больно! Ударь! ударь!

— Отстань!.. Дѣвка!.. Поганая!..

Она подняла рубашку и завертѣлась.

— Ай-люли! Ай-люли! Ай-лешеньки-лели!

Не удержалась и упала возлѣ моего стула. Я началъ поднимать ее.

— Ахъ, ты... тварь!

Она цѣплялась за рукава, за шею... Я посадилъ ее на кровать, она меня не отпускала.

— Илюша! Милый! Дай мнѣ сказать тебѣ!

Она наклоняла мою голову и искала губами уха.

— Илюша!

Мнѣ было неловко ломать шею.

— Ну?

— Илюша! Милый!

— Говори!.. Что же молчишь?

— Илюша! Ты—мой милый! Ми-илый! ми-илый!

— Все?

Она отстранилась.

— Я пьяна...

— Самъ вижу.

Марѳуша, дѣйствительно, опьянѣла: съ трудомъ взбиралась ко мнѣ на колѣни, поднимала рубашку...

Мнѣ она надоѣла и опротивѣла. Я высвободился отъ ея объятій, она опрокинулась навзничь...

. . . . . .

Какъ я вздохнулъ, выйдя на вечерній воздухъ!

Весенняя ночь, тихая, теплая, свѣтлая, дышала, какъ усталая женщина. Луна играла и пряталась въ облака и улыбалась на влюбленную землю. Вертись и кружись, голубушка, въ плѣну у краснаго солнца! Не избыть тебѣ его жгучихъ лобзаній, его нестерпимыхъ ласкъ.

А я, недоступна и холодна, ношусь по лазури, никому не нужная, какъ старая дѣва. И мнѣ никого не нужно! Такъ-то! Я не хочу быть какъ ты, взнузданной кобылицей...

И Марѳуша—сумасшедшая, и я—сумасшедшій. Конецъ... Конецъ! Конецъ! Ни за что! И грязь и пошлость какъ-то липнутъ къ душѣ...

Подъ праздникъ не всѣ рабочіе разошлись по деревнямъ, а всѣ пьющіе изъ оставшихся, включая малыхъ дѣтей, по обычаю, перепились.

Недавно одинъ рабочій просилъ у отца на похороны. Умерла пятилѣтняя дѣвочка, которая дня не могла прожить безъ спиртного. Пріучили родители въ шутку: очень смѣшна была пьяная.

И въ больницѣ дѣвочка все плакала у докторовъ:

— Купите мнѣ водочки, хоть на копѣечку.

А перепившись, рабочіе ссорились и дрались,—благопогода хорошая,—тутъ же на дворѣ, возлѣ казармы.

Въ воздухѣ стояла брань, и крики, и пѣсни...

А завтра смотрителю хлопотъ—полонъ ротъ. Разбирай, кто кого изъ коморки выгналъ, кто кого билъ, а кто кого обѣщалъ побить.

А визгливый теноръ, наперекоръ всему, во все горло выводилъ духовное:

Сла-а-ава въ вышнихъ Бо-о-огу,
И на землѣ-ѣ-ѣ-ѣ миръ,
Въ человѣ-ѣ-ѣ-ѣцѣхъ бла-а-го-во-леніе...

Это повторялось еще не разъ.

Я опять заходилъ къ Марѳушѣ, или даже она сама звала къ себѣ записочкой, черезъ Арину...

И каждый разъ, въ томные весенніе вечера, когда закаты умирали въ толпѣ наползающихъ черныхъ тучъ, мнѣ было стыдно и больно.

То ли мнѣ предвѣщала любовь? И такая ли женщина мнѣ снилась и тревожила мои сны?

Ты, весеній вѣтеръ! Лукавый обманщикъ! Гдѣ же твои увѣренія?

Я оставался у раскрытаго окна. Луна зашла за облачко. Въ саду стемнѣло. Тополи сильнѣе запахли...

Сердце мое, уже увядающее сердце!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Мнѣ нравится мое имя: Анна Рюмина. Въ немъ есть что-то героическое. Единственное, за что я благодарна отцу, это за мое имя. И я хорошо сознаю, къ чему оно обязываетъ. Дѣдъ говоритъ правду, что главное въ жизни—честь и благородство. Если они потеряны, то жить не стоитъ. Я удивляюсь отцу, больше того, я его откровенно презираю. Но я обожаю стараго дѣда.

Про отца разсказываютъ ужасныя вещи, будто онъ, съ первыхъ же дней женитьбы, сталъ измѣнять моей матери, каждый разъ бывалъ прощаемъ и все-таки свелъ ее въ могилу. Бѣдная женщина не выдержала постояннаго, мелкаго обмана. Я каждый, каждый день хожу къ ней на кладбище, на берегъ озера. Лѣтомъ ношу цвѣты.

Когда вечерняя прохлада обвѣетъ землю и напоитъ ее, сухую и жаркую, студеной росой, я иду къ озеру за гвоздикой и лиліями. Изъ гвоздики сплету вѣнокъ, а лиліи соберу въ букетъ съ яркими листьями, и пойду на забытую могилу. Деревянный крестъ, уже отцвѣтающая сирень и тихая, плакучая береза. Вокругъ зеленаго холмика желѣзная рѣшетка и внутри скамейка. Здѣсь я сижу часами и думаю о матери и о себѣ.

Мать я помню очень плохо. И все мнѣ кажется, что мы сидимъ до поздней ночи въ большой залѣ и ждемъ изъ города отца. Мать раскладываетъ безконечные пасьянсы на кругломъ столѣ и разсказываетъ, какъ она росла дѣвочкой, и какъ училась, и какъ семнадцати лѣтъ влюбилась въ моего отца. Ея разсказы тревожили мое отроческое сердце. Она сажала меня на колѣни и, заплетая мои черныя косы, мнѣ, какъ другу, повѣряла свои страданія, свои заботы. Я закрывала лицо руками, какъ отъ горькой обиды, и, жалѣючи, долго цѣловала мать и не хотѣла на ночь съ ней разставаться. Вмѣстѣ ложились мы на кровать и обѣ въ слезахъ засыпали. Отецъ являлся по-утру.

Но, говорятъ, онъ и теперь, подъ старость лѣтъ, имѣетъ любовницъ. Онъ даже гордится этимъ!

А хозяйство наше разоряется, доходовъ никакихъ, пенсіи дѣда едва хватаетъ на домашніе расходы, лѣсъ продали весь, закладывать больше нечего, на-дняхъ Павелъ Ивановичъ повелъ на базаръ послѣдняго теленка,—а отецъ ровно ни о чемъ не заботится! У него много друзей, изъ купцовъ, съ которыми онъ имѣетъ возможность жуировать. И ему не стыдно!

Вонъ онъ идетъ, прихрамывая, на террасу въ свѣтломъ модномъ костюмѣ (какъ еще портные вѣрятъ!), въ легкой шляпѣ, изящный, надушенный, высокій, съ подстриженной рыжей бородкой и усами и, показывая бѣлые зубы, громко смѣется дѣду, немного картавя:

— Здравствуй, здравствуй, старичина.

У него тонъ вообще покровительственный, съ кѣмъ бы онъ ни разговаривалъ.

Дѣдъ весь лысый и бритый, но съ длинными сѣдыми усами, въ военномъ сюртукѣ (онъ отставной кавалерійскій генералъ-маіоръ), медленно поднимаетъ къ отцу голову отъ газеты (онъ читаетъ безъ очковъ) и глядитъ, прищурясь.

— Что ты, Василій, такъ рано?

Они пожали другъ другу руки. Василій Дмитріевичъ съ торжественной ироніей отвѣчалъ.

— Нынче у насъ вечеромъ знатные гости. Цѣлая фирма: Андрей Топорковъ и сынъ. Хозяинъ и директоръ. Надо поговорить съ Аней.

И, я вижу, онъ прямо пошелъ ко мнѣ.

Дѣдъ медленно приподнялся, выпрямилъ старческую спину (ему семьдесятъ лѣтъ) и еще бодрыми шагами сталъ сходить по ступенькамъ въ садъ на свою обычную утреннюю прогулку.

До меня уже доходили темные слухи о нѣкоторыхъ отцовскихъ планахъ. За озеромъ, противъ насъ, нѣкіе Топорковы, купцы, кажется, изъ разбогатѣвшихъ трактирщиковъ, построили фабрику. Они, такимъ образомъ, наши сосѣди. Я никого изъ нихъ не знаю и не видала, но дѣдъ говорилъ, что самъ Топорковъ— мужикъ энергичный и умный, что онъ скоро кругомъ не одного, а десятокъ помѣщиковъ «слопаетъ». И вотъ дѣдъ по секрету сообщилъ мнѣ двѣ новости, вполнѣ достойныя моего отца. Первая, что онъ, будто, поступаетъ къ этому самому купцу въ приказчики, какимъ-то чѣмъ-то завѣдующимъ, а вторая, болѣе ужасная, что онъ меня, Анну Рюмину, прочитъ въ жены сынку того же самаго Топоркова. Сынокъ, говорятъ, отличный помощникъ и правая рука своего папеньки, хоть и съ высшимъ образова-

ніемъ,—инженеръ-механикъ. Отецъ сказалъ, что я «засидѣлась въ дѣвкахъ». Какъ все это грубо, и я краснѣю до ушей при одной мысли о такомъ замужествѣ...

Я любви до сихъ поръ не знала. Можетъ быть, потому, что я съ малыхъ лѣтъ живу въ судьбѣ одинокой, почти никуда не выѣзжая и нигдѣ не показываясь. Отцу до меня нѣтъ никакого дѣла,—я для него только лишняя обуза, помѣха,—знакомыхъ у насъ никакихъ... Давно, когда я была четырнадцатилѣтней дѣвочкой (сейчасъ мнѣ двадцать второй годъ), къ отцу пріѣзжалъ морякъ, лейтенантъ, и въ то же время художникъ. Онъ прожилъ у насъ всего одинъ день, но этотъ день я только и помню изъ прошлаго, только его и люблю, только о немъ и думаю. Но вѣдь этому прошло уже семь лѣтъ! И можно ли жить однимъ воспоминаніемъ? Но какъ хорошо все помню.

Я только что искупалась въ озерѣ, утромъ въ іюнѣ, и съ мокрыми волосами, съ полотенцемъ черезъ плечо, въ короткомъ бѣломъ платьицѣ, быстро, какъ всегда, подходила къ террасѣ, гдѣ меня дожидался холодный кофе. Знаю, что кромѣ дѣда никого не должно быть.

И слышу, меня кличетъ отецъ:

— Аничка, Аничка, скорѣе! Сейчасъ тебя будутъ рисовать.

Что такое? Я уже разглядѣла незнакомаго мужчину, въ сюртукѣ никогда невиданной мною формы. Я смутилась, какъ никогда, и, закрывшись полотенцемъ, пробѣжала мимо террасы и черезъ подъѣздъ юркнула въ свою комнату. Какъ билось мое дѣтское сердце! Я боялась взглянуть на себя въ зеркало. Я

непричесана, краснѣю, въ такомъ простомъ платьѣ Что онъ обо мнѣ подумалъ?

Я долго не выходила. Надѣла другое, болѣе темное! платье съ длинной юбкой, перемѣнила чулки, долго расчесывала волосы, положила свои черныя косы тяжелой короной, на шею завязала жемчужное ожерелье—подарокъ матери въ день моего рожденія—и маленькій медальонъ съ ея портретомъ.

Ко мнѣ пришелъ отецъ. Небрежно поцѣловалъ въ щеку.

— Аничка, мы тебя дожидаемся. Къ намъ пріѣхалъ погостить художникъ. Ты его не стѣсняйся. Онъ не кусается.

Я въ тайнѣ обидѣлась на отца и храбро пошла на террасу.

Его зовутъ Кириллъ... Я такъ и знала: Кириллъ или Константинъ...

Я невольно протянула ему руки, смотря въ глаза. Онъ, какъ дѣвочкѣ, поцѣловалъ мнѣ обѣ. Дѣдъ смотрѣлъ на меня ласково. Отецъ засмѣялся. И въ этотъ мигъ я почувствовала себя легко и свободно.

Я сѣла хозяйкой разливать кофе. Агаѳья Петровна, наша старая экономка, мнѣ уступила.

Кириллъ сказалъ (я помню слово въ слово):

— А мнѣ очень хотѣлось зарисовать васъ, какъ вы шли съ купанья, съ распущенными волосами и въ легкомъ платьѣ.

Я ему что-то отвѣчала въ двухъ словахъ, но дѣдъ перебилъ меня:

— Она, Кириллъ Владиміровичъ, если хотите, сама васъ напишетъ и даже красками.

— О! Да мы съ вами оба художники! Это пре-

красно. Василій Дмитріевичъ, мы сегодня же пойдемъ на этюды?

Отецъ поспѣшилъ согласиться.

— Я буду очень доволенъ. Вы посмотрите, она, кажется, на самомъ дѣлѣ недурно рисуетъ.

Кириллъ обратился ко мнѣ.

— А вы, Анна Васильевна, согласны?

— О, да! Я буду у васъ учиться.

Я сказала, должно быть, очень восторженно, потому что всѣ—и Кириллъ—опять засмѣялись.

Къ вечеру мы пошли, конечно, на озеро. Вдвоемъ съ Кирилломъ. Онъ захватилъ съ собой карандаши и бумагу. Я была смѣлой, кокетливой и сама взяла его подъ руку. Богъ знаетъ, о чемъ говорили мы. Я не сознавала вполнѣ своихъ словъ и его слушала невнимательно. Намъ было не до того. Я ощущала въ себѣ непонятное счастье. Онъ весело шутилъ и мы громко смѣялись. Бѣгали, догоняли другъ друга, отдыхали на травѣ и совсѣмъ забыли про карандаши и бумагу. На мнѣ опять было короткое платье и я при бѣгѣ еще чуть-чуть приподнимала юбку. Вертѣлась и развѣвала платье, какъ японскій зонтикъ. Просто мнѣ было легко и вольно. Я самой себѣ казалась воздушной.

А когда зыбкій туманъ поднимался съ озера и плылъ надъ лугами въ прихотливыхъ клочьяхъ, мы сидѣли на перилахъ купальни и молча смотрѣли, какъ отражалось въ темной водѣ «зари догорающей пламя» и золотое качаніе, волнуя наши фигуры, уходило и подходило къ нашимъ ногамъ.

Мнѣ становилось немного свѣжо, а ни платка, ни шарфа я не захватила.

И тутъ случилось, что я почувствовала осторожное, мягкое прикосновеніе чужихъ губъ къ моей шеѣ, къ тому мѣсту, у самыхъ волосъ, гдѣ онѣ вьются въ пушокъ. Я была не въ силахъ пошевельнуться, боялась оглянуться на Кирилла. Холодъ меня пронизывалъ. Я не могла болѣе терпѣть. И, ничего не сказавъ, вдругъ сорвалась съ мѣста и убѣжала. Боже мой, Боже мой!

Отецъ скоро увезъ Кирилла въ городъ, откуда они вернулись очень поздно. Я была уже въ постели.

Дѣвичьи мечты мои! Тревожные мои сны! Жаркая подушка моя и раскрытое настежь окно! Подъ тонкимъ одѣяломъ казалось мнѣ душно и тяжело; я въ туфляхъ и въ одной рубашкѣ садилась въ кресло и, поджавъ ноги, обнявъ холодныя колѣни руками, долго просиживала неподвижно. Засыпала. И опять просыпалась. Бѣлый мѣсяцъ цѣловалъ мои плечи. Мѣсяцъ? А кто же шепталъ мнѣ о моихъ черныхъ косахъ, о черныхъ глазахъ моихъ?

На утро я была поражена. Кириллъ получилъ какую-то телеграмму, очень разволновался и тотчасъ же уѣхалъ.

И потянулись обыкновенные дни. Я плакала, а потомъ перестала и плакать. Иногда приходило такое мученіе,—все одна да одна, и ужъ не ждешь никого, и давно всѣ мечты перегорѣли на сердцѣ,—такое мученіе, что я съ заломленными руками ходила по своей комнатѣ, какъ лунатикъ, всю долгую зимнюю ночь напролетъ. Неужели ничего не будетъ? Такъ-таки ничего? Ни-когда?

Я опускала руки и останавливалась, прислонившись къ горячей лежанкѣ.

И отцвѣтетъ моя молодость? И безплодная пропадетъ любовь? И никого не озаритъ она, никого не порадуетъ? И нѣтъ мнѣ счастья? И жизнь меня позабудетъ? И стану я бѣдная, злая, старая дѣва, которая вяжетъ чулки? Не хочу! не хочу! не хочу!

Я бѣсилась, вылетала изъ комнаты, кричала, будила всѣхъ въ домѣ... Со мной начиналась истерика...

Больше всѣхъ суетился и хлопоталъ около меня дѣдъ. Отца, какъ почти всегда, не бывало дома. Агаѳья Петровна, дородная, заспанная, въ наскоро надѣтой юбкѣ и накинутой на голыя плечи шали, выплывала изъ «закутки», какъ она называла свою комнату у самой печки (она любила жару), и давала мнѣ воды, какихъ-то капель, уговаривала, крестила, охала такъ, словно у насъ ни вѣсть что случилось, сокрушалась, не знала, что дѣлать.

Дѣдъ на нее сердился и отсылалъ спать. Она возмущенно всплескивала руками.

— Что же я, безчувственная какая? Ужъ больно ты, ваше превосходительство, меня обижаешь, старуху!

Дѣдъ въ любовной досадѣ махалъ на нее рукою.

Успокоившись, я чувствовала себя виноватой и, цѣлуя, извинялась передъ Агаѳьей Петровной за то, что разбудила и обезпокоила — сладко спалось старухѣ на высокой, мягкой перинѣ!

— Простите меня несуразную, глупую.

Агаѳья Петровна гладила меня по головѣ, какъ маленькую, неразумную.

— И что съ тобой, дѣвонька? Сонъ-ли привидѣлся тебѣ непутный?

Агаѳья Петровна идетъ ко мнѣ, зажигаетъ лампад-

ку, уберетъ книжку, которая лежитъ раскрытой на столикѣ рядомъ съ кроватью (книгъ она очень не любитъ—«отъ нихъ одно нездоровье»), поправитъ подушки. Сама зѣваетъ и глаза у ней слипаются.

Уложитъ меня и ждетъ. Я закрою глаза. Она подождетъ еще немного и на цыпочкахъ, не скрипя дверью, выйдетъ. Добрая Агаѳья Петровна!

А на утро, за кофе, дѣдъ меня утѣшаетъ по своему.

— Подожди немного, получимъ деньги или займемъ гдѣ-нибудь, въ Крымъ поѣдемъ или, можетъ быть, за-границу. На будущій годъ поѣдемъ,—въ Ниццу я тебя отвезу. Тамъ прекрасная музыка, море, цвѣты.

Но я уже владѣю собой и мнѣ стыдно вчерашняго припадка. Я весело говорю дѣду.

— Славный ты, и хорошія сказки разсказываешь! Что новенькаго въ газетѣ?

Дѣдъ смѣшается и закашляетъ.

— Странная ты, Аня!

И передастъ мнѣ газету...

II.

Или пристанетъ ко мнѣ фантазія: непремѣнно сегодня поѣхать въ городъ, на спектакль, на балъ... Я одѣнусь въ лучшее платье, красиво причешусь и приколю цвѣты, осмотрю себя внимательно въ зеркало. Полныя руки бѣлѣютъ въ полумракѣ, когда я поправляю гребенки. Такъ, хорошо. Глаза блестятъ и щеки горятъ румянцемъ. Развѣ кто-нибудь не можетъ пріѣхать въ нашъ городъ? Оттуда? Изъ столицы? Молодой, интересный, умный? Все бываетъ на свѣтѣ!

У меня появилась энергія, бодрость, рѣшительность. Сердце не даромъ что-то предчувствуетъ.

Надо звать и дѣда. Онъ уже у себя, въ старомъ кабинетѣ, съ ружьями и портретами генераловъ по стѣнамъ, и пишетъ «клочки воспоминаній». Въ дурную погоду, въ долгіе осенніе вечера, онъ всегда садится за свою работу. А сейчасъ на дворѣ очень скверно: косой дождь подъ сильнымъ вѣтромъ. Ничего! Мы одѣнемся потеплѣе!

Я вхожу къ дѣду совсѣмъ одѣтая и готовая сѣсть въ экипажъ. О немъ я тоже успѣла распорядиться. Его, кажется, уже подали.

Дѣдъ задумался, откинувшись на спинку кресла. Посмотрѣлъ на меня удивленно.

— Что съ тобой, Аничка?

Я расхохоталась.

— Ѣдемъ съ тобой въ городъ. Тамъ сегодня спектакль. Знаменитые артисты пріѣхали. Интересная пьеса. Одѣвайся скорѣе. Я жду.

Я говорила торопливымъ тономъ, какъ бы и не ожидая возраженій. Дѣдъ, однако, серьезно поморщился.

— Аничка, пощади! Такая погода и я, видишь, занятъ...

Мнѣ было жаль старика. Такъ хорошо устроился онъ съ трубкой въ зубахъ у своего любимаго письменнаго стола: тихо, тепло, уютно!

Но у меня такъ и горѣло подъ ногами отъ нетерпѣнія. Я встала на колѣни, упрашивая и лаская дѣда. Гладила его морщинистую руку съ худыми пальцами.

— Голубчикъ, дѣдушка, ну, послѣдній разъ, ну, доставь мнѣ это удовольствіе... Я тебѣ вслухъ почитаю за это...

— Да что тебѣ вздумалось? Да какіе тамъ артисты? Какая пьеса?

— Да я хорошо не знаю. Тамъ увидимъ, какая. Только очень интересная. Право! Ну, вставай, поѣдемъ!

Я искательно улыбалась и тормошила его за руки.

Кряхтя, дѣдъ поднимается изъ кресла и идетъ одѣваться въ свой неизмѣнный военный мундиръ. А все же ворчитъ:

— Экая ты, на самомъ дѣлѣ, безтолковая! Все у тебя какъ-то вдругъ, ни съ того, ни съ сего!

Черезъ десять минутъ мы сидѣли въ пролеткѣ подъ спущеннымъ верхомъ, накрывъ ноги плэдомъ и еще

кожанымъ фартукомъ. Отъ деревьевъ и отъ низкихъ тучъ темень черная.

— Трогай!

И копыта дружно и звонко захлюпали по жидкой грязи, которая вылетала изъ-подъ колесъ цѣлыми фонтанами, иногда попадая большими шлепками и къ намъ на фартукъ, и кучеру въ спину. Дождь сѣялъ неслышный и мелкій, какъ изъ сита. По деревнѣ пошли буераки и колеи, такъ что насъ частенько, какъ слѣдуетъ, встряхивало. Кучеръ не гналъ лошадей и ѣхалъ шагомъ: иначе невозможно. Тамъ, за деревней, вдоль озера, дорога пойдетъ ровнѣй и плотнѣе.

Дѣдъ продолжалъ быть недовольнымъ и теперь сталъ покрикивать на кучера, древняго Павла Ивановича, продѣлавшаго съ нимъ, въ качествѣ денщика, всю послѣднюю турецкую кампанію,

— Какъ ты везешь, дуралей? Вывалить хочешь? Что ты, дорогу забылъ? Или выпилъ?

И дѣдъ палкой грозилъ кучеру изъ пролетки.

Павелъ Ивановичъ, сгорбившись, въ худомъ армячишкѣ, причмокивалъ и шамкалъ на лошадей:

— Но, но, вывозите, родные!

И чуть было не вывалилъ на косогорѣ. Хорошо, лошади сильно и сразу взяли! Воображаю, въ какомъ была бы я видѣ!

Я невольно разсмѣялась. И дѣдъ пожалѣлъ, что все обошлось благополучно.

— По крайней мѣрѣ, домой вернулись бы!

Отъ озера конца-краю не видно. Все: и земля, и вода, и небо слилось въ одну сѣрую холодную муть, которая обвила и задавила и безъ того темную осеннюю ночь.

Проѣхали мимо топорковской фабрики, которая въ дождевомъ туманѣ смутно блистала своими огнями, какъ волшебный дворецъ, отражаясь въ озерѣ, и гремѣла и дышала, какъ чудовище.

Быстро пробѣжали еще три версты до города по шоссе. Уже замелькали близко тусклые керосиновые фонари по главной уѣздной улицѣ. Мостовая недовольно загремѣла подъ колесами и со злости толкала насъ очень чувствительно.

— Павелъ Ивановичъ, да вези же скорѣе! Эдакъ живымъ не доѣдешь.

Дѣдушка все еще былъ мраченъ.

Въ клубъ мы явились въ самый разгаръ. Шло уже второе дѣйствіе чьей-то комедіи. Сѣли мы въ одномъ изъ первыхъ рядовъ. Залъ «общественнаго собранія» былъ переполненъ. Наше появленіе вызвало нѣкоторое волненіе. Кругомъ стали замѣтно перешептываться. Многіе кланялись генералу и мнѣ. И не удивительно: генералъ и, въ особенности, я такъ рѣдко гдѣнибудь появляемся. Ужъ я отлично знаю, что именно обо мнѣ говорятъ и шепчутъ. Меня называютъ гордячкой, недотрогой, нищей. Злорадствуютъ очень: что-то, молъ, изъ тебя, голубушка, выйдетъ, куда твоя спѣсь дѣнется, когда умретъ генералъ и продадутъ съ молоточка отцовское имѣнье?

И, дѣйствительно, я не выношу нашей публики и больше всего уѣздныхъ барынь, разныхъ исправничихъ, полковницъ и тому подобныхъ. Я имѣла достаточное удовольствіе узнать ихъ ближе.

На сценѣ любители разыгрываютъ переводную французскую комедію вяло, но старательно. Я нехотя оглядывала зрителей: до омерзенія все знакомыя лица!

Вонъ усы исправника и пухлая физіономія его супруги, вонъ сухая и тощая жена директора гимназіи, которая смотритъ, важно и глупо подобравъ губы (она когда-то жила въ столицѣ и потому считаетъ себя здѣсь особеннымъ существомъ), вонъ прилизанная физіономія молодого чиновника, извѣстнаго своими неприличными скандалами и своей близостью къ женѣ предсѣдателя управы... тѣ же, тѣ же! противные, надоѣвшіе, скучные!

Въ антрактѣ играетъ полковая музыка,—тѣ же самые мазурки и марши, что и въ прошломъ и въ позапрошломъ году.

Я дергаю дѣда за рукавъ.

— Генералъ, сойдемте внизъ, что-нибудь выпьемъ и съѣдимъ.

Когда я не въ духѣ, я дѣда называю генераломъ.

Внизу, въ ресторанѣ, сидятъ купцы посолиднѣе и «высшіе чины» за ужинами. Въ сосѣднихъ комнатахъ, видно и слышно, играютъ въ карты и стучатъ билліардными шарами. Здѣсь веселѣе и оживленнѣе. Отецъ тоже здѣсь. Онъ остритъ и разсказываетъ анекдоты, отъ насъ черезъ два стола. Увидалъ и подошелъ къ намъ. Очень удивился. Присѣлъ. Посовѣтовалъ поскорѣе отправляться домой и... ушелъ къ прежней компаніи.

Оттуда посматривали на насъ бойко и насмѣшливо. Дама, сидѣвшая рядомъ съ отцомъ, — кажется, мужъ ея торгуетъ дровами и лѣсомъ,—нарочно громко спросила:

— Василій Дмитріевичъ, это—ваша дочь съ генераломъ?

Отецъ вскидываетъ на нее хитрые масляные глаза и наскоро отвѣчаетъ:

— Да, мой отецъ и моя дочь. Они сейчасъ уѣзжаютъ.

Кто-то еще прибавилъ:

— Залетныя птицы.

И на ихнемъ столѣ снова послышался хохотъ, звонъ бокаловъ. Мнѣ стало почему-то совсѣмъ противно. Мой генералъ хмурился и скучалъ, постукивая слегка палкой.

Мы поужинали холоднымъ мясомъ, запивая его бѣлымъ виномъ, и уѣхали.

Павелъ Ивановичъ, проспавшій въ пролеткѣ часа три, везъ веселѣе и другой дорогой. Дождь пересталъ, но сѣрая непроглядная мгла стояла, какъ давеча, неподвижно.

— И чортъ насъ понесъ неизвѣстно зачѣмъ въ городъ! Глупая пьеса, глупая поѣздка и глупая Анна Васильевна. И холодина волчій!

— Генералъ, перестаньте, мнѣ тошно и безъ васъ.

Такъ, надутые, мы доѣхали молча до дому. Только Павелъ Ивановичъ безъ умолку всю дорогу причмокивалъ и шамкалъ на лошадей: онъ успѣлъ сбѣгать своевременно въ кабачокъ.

Раздѣваясь дома, у себя въ комнатѣ, я со злости срывала кольца и браслеты, рвала крючки, бросала гребенки, башмаки, чулки. Ничего мнѣ не надо! Пропади все пропадомъ!

Вотъ лягу, закроюсь съ головой одѣяломъ и, можетъ-быть, Богъ дастъ, задохнусь.

III.

Отецъ вошелъ ко мнѣ, противъ обыкновенія, какъ-то нерѣшительно. Долго затворялъ за собою дверь. Мы еще не видались и поздоровались. И поцѣловалъ меня въ щеку Василій Дмитріевичъ нѣсколько нѣжнѣе.

Дѣло неладно! Я приготовилась къ серьезному разговору.

Заложивъ руки въ карманы узкаго пиджака, который по военному облегалъ его талію, и, заходивъ крупными шагами изъ угла въ уголъ, Василій Дмитріевичъ сейчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Ты знаешь, Аничка, что судьба твоя... твоя будущность... всегда составляла предметъ моихъ... заботъ.

Я стояла, въ полуоборотъ къ отцу, у раскрытаго окна, съ новой книжкой и разрѣзнымъ ножомъ въ рукахъ.

При послѣднемъ словѣ Василій Дмитріевичъ поднялъ на меня глаза. Я даже не засмѣялась и слушала, что будетъ дальше.

Отецъ остановился въ затрудненіи.

— Въ чемъ же дѣло?

— Однимъ словомъ, сегодня къ намъ пріѣдутъ Топорковы: отецъ и сынъ. Ты будешь принимать ихъ...

— Но я не понимаю...

— Остальное будетъ зависѣть отъ тебя.

И отецъ хотѣлъ было уйти. Меня взорвало. Я застучала ножомъ по книжкѣ.

— Не извольте и думать, Василій Дмитріевичъ, что изъ вашихъ гнусныхъ плановъ,—я ихъ считаю гнусными,—что-нибудь выйдетъ.

Отецъ живо обернулся и съ холодной насмѣшкой заговорилъ:

— Позвольте, mademoiselle, спросить васъ на чистоту: на кого или на что вы разсчитываете? Разореніе наше не за горами. А дѣдъ дышитъ на ладанъ...

Онъ пріостановился и сказалъ выразительнѣе:

— Еще благодарите судьбу, если Топорковъ возьметъ васъ не въ содержанки, а въ жены.

Я невольно закрыла лицо руками.

— Не смѣйте говорить мнѣ этого! Я лучше пойду въ учительницы, въ гувернантки...

Василій Дмитріевичъ пожалъ плечами и презрительно фыркнулъ. И чуть ли не сказалъ: дура! Ушелъ, круто повернувшись на каблукахъ.

Я была изумлена и раздражена этой сценой. Я не могла предполагать, что отецъ будетъ дѣйствовать такъ открыто, ужъ по истинѣ, безъ всякихъ церемоній. Я криво улыбаюсь: если такъ, то шутки получаются плохія...

Надо взять свои рѣшительныя мѣры. Да, конечно, я сегодня буду принимать Топорковыхъ. Очень любезно и привѣтливо. Но если умны, они должны будутъ понять, что съ меня взятки—гладки, что я сыну его степенства—не пара, что я себя не продаю, нако-

нецъ. Ахъ, нѣтъ, Василій Дмитріевичъ, вы еще не знаете вашей дочери!

Я пошла за помощью къ дѣду. Онъ уже вернулся съ утренней прогулки и теперь посиживалъ въ цвѣтникѣ передъ большой клумбой резеды, левкоевъ и моихъ любимыхъ чайныхъ розъ.

Онъ снялъ фуражку, разстегнулъ сюртукъ, вытянулъ ноги и наслаждался и утромъ, и солнцемъ, и цвѣтами.

Я къ нему подсѣла и разсказала всю исторію.

Дѣдъ прослушалъ, не глядя на меня и щурясь прямо на солнце. И—настолько онъ былъ во мнѣ увѣренъ!—засмѣялся и, подумавъ, отвѣтилъ просто и грубо:

— Ну, теперь держись, Аничка! На тебя начинается охота.

Я посмотрѣла въ улыбающіеся усы дѣда и сама неожиданно захохотала.

— Вотъ именно!

Что такое? Мнѣ стало почти весело.

— Значитъ, борьба, такъ борьба?.. Ай-ай, голубчики, съ какимъ носомъ я васъ оставлю!

Дѣдъ отъ восторга замахалъ по воздуху палкой.

— Такъ, такъ, милая моя внучка. Не сдайся, не осрами меня на старости лѣтъ. А то вѣдь пальцемъ будутъ показывать. Внучка-то генеральская, гордячка-то наша! Небось, передъ милліончикомъ не устояла!

Я опять заволновалась.

— Дѣдъ, этого никогда не будетъ!

Дѣдъ вздохнулъ и погладилъ мою руку. Этотъ вздохъ мгновенно заставилъ меня покраснѣть и я, раздумывая, повторила еще разъ:

— Ни-ко-гда.

И дѣдъ нѣжно, какъ никогда, приласкалъ меня.

— Ну, смотри, дитя мое!

Мнѣ уже не сидѣлось на мѣстѣ. Нужно было ходить, думать, готовиться...

Пошла на озеро.

Вѣтеръ поднялся и накинулся на меня изъ-за поворота аллеи. Солнце закрылось. Зашумѣли березы и липы, затрепетали, какъ будто въ испугѣ, тревожно и торопливо. И вдругъ снова все стихло.

Волны катились и лѣниво разбивались у береговъ съ легкимъ смѣхомъ.

Задумавшись, я очутилась подъ плакучими березами у могилы матери. Но глаза сами стремились туда, на другую сторону озера, откуда, изъ-за березовой рощи, дымила высокая красная труба и черные клубы кружились и извивались по синему небу, какъ дыханіе подземнаго діавола.

Какой можетъ быть изъ себя молодой Топорковъ? Высокъ, строенъ, красивъ? Врядъ ли. Хорошо, если онъ хоть уменъ и не нахаленъ. Этихъ развязныхъ господъ съ языкомъ и манерами слишкомъ свободными, я не переношу совсѣмъ. А теперь всѣ они пошли такіе.

А мнѣ хочется еще подразнить ихъ: сынка съ папашей. Сумѣю ли я понравиться и восхитить ихъ обоихъ? Жаль, что не пою и ни на чемъ не играю. Нужно одѣться какъ можно, какъ можно къ лицу. И потомъ дать понять, что я на нихъ въ другомъ мѣстѣ и вниманія не обратила бы. Пусть они скажутъ тогда другъ другу: по усамъ текло, а въ ротъ

не попало. Ха-ха! По усамъ текло, а въ ротъ... не попало. Вотъ именно, други мои, что не попало!

Я побѣжала домой, забралась къ себѣ, заперлась, сидя передъ небольшимъ туалетнымъ зеркаломъ, и стала себя разсматривать.

Дѣдъ говоритъ, что я этимъ лѣтомъ слишкомъ загорѣла и что румянецъ у меня отъ этого какой-то сизый. Но это ничего! Ко мнѣ идетъ! Губы красны, какъ кровь. На щекахъ мягкій пушокъ. Прищуриваю глаза и тихо улыбаюсь... Какую сдѣлать прическу? Прежнюю ли, изъ косы, короной? Или завить мелкіе локоны, какъ на бабушкиномъ портретѣ, и причесаться гладко съ проборомъ посрединѣ? Нѣтъ, такъ будетъ хуже. Оставлю прежнюю. Я къ ней привыкла.

Платье надѣну черное съ открытой шеей и съ узкой юбкой, ботинки лакированные съ большими черными же бантами.

Вотъ нѣту у меня тѣхъ англійскихъ духовъ, которыхъ мнѣ давно хочется. Я ихъ слышала отъ одной проѣзжей знаменитой актрисы. Но даже названіе позабыла. У нихъ такой тонкій, пряный запахъ.

Я раскрыла шкатулку и разбирала свои кое-какія драгоцѣнности. Возьму только жемчуга и гладкій золотой обручъ на руку. Ни колецъ, ни брошки не надо. Ну, конечно, повѣшу медальонъ съ портретомъ матери.

Да, но нужно сначала пойти выкупаться и перемѣнить dessous. Я отворила дверь и громко позвала:

— Агаѳья Петровна!

Но Агаѳья Петровна, оказалось, уѣхала въ городъ...

Когда я, одѣтая, мнѣ казалось, блестящая,—до того я чувствовала себя свѣжей, гибкой, молодой и задорной!—шла по коридору внизъ, мнѣ попался отецъ, который осмотрѣлъ меня и съ усмѣшкой вымолвилъ:

— Вы, кажется, Анна Васильевна, все-таки себѣ на умѣ? Поздравляю! Видъ у васъ хоть куда! Честное слово! Топорковъ, пожалуй, и не устоитъ.

Я, въ свою очередь, презрительно пожала плечами, и, промолчавъ, стала сходить по лѣстницѣ, шумя шелкомъ и поддерживая длинный трэнъ. Отецъ провожалъ меня взглядомъ, пока я не скрылась. Все какія-то новости!..

Въ шесть часовъ всѣ мы сидѣли на террасѣ, туго разговаривали и, волей-неволей, все поглядывали на дорогу отъ озера. Когда дѣдъ ловилъ мои эти взгляды, я ему лукаво улыбалась.

Скоро тамъ показалась парная коляска, которая быстро приближалась къ нашему дому. Отецъ пошелъ къ воротамъ. Черезъ минуту онъ велъ къ намъ господъ Топорковыхъ.

Оба они имѣли видъ вполнѣ приличный. Отецъ въ длинномъ и широкомъ старомодномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ большой сѣдѣющей бородой. Высокій, полный, въ мягкой бѣлой шляпѣ.

Сынъ даже изященъ, въ безукоризненномъ смокингѣ и цилиндрѣ, съ хризантемой въ петлицѣ, съ тросточкой и пальто на лѣвой рукѣ.

Лицъ я еще не успѣла разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, а, на первый взглядъ, и отецъ и сынъ далеко не безобразны и не противны.

Топорковъ-отецъ, — Андрей Петровичъ,—все улыбается въ бороду и поглаживаетъ ее изъ-подъ низу. У сына нѣтъ никакихъ такихъ особенныхъ манеръ. Онъ держится очень скромно.

Все это я замѣтила въ первыя же минуты, — пока они съ нами здоровались.

Генералу Андрей Петровичъ почтительно, даже съ оттѣнкомъ подобострастія, пожалъ руку.

— Честь имѣю кланяться вашему превосходительству.

Дѣду это было не непріятно, и онъ добродушно его привѣтилъ:

— Здравствуйте, сосѣдъ. Добро пожаловать.

Андрей Петровичъ поспѣшилъ ко мнѣ, неуклюже расшаркиваясь и низко кланяясь.

— Какая вы красавица - барышня! Мнѣ, старику, можно поцѣловать вашу ручку.

И онъ чмокнулъ громко и всласть.

Сынъ съ легкими поклонами и ничего не говоря, только засматривая въ самые глаза (онъ кажется близорукимъ), жалъ всѣмъ руки вслѣдъ за отцомъ. Какъ я думаю, онъ нѣсколько стѣснялся. Можетъ быть, меня. Отъ этой мысли мнѣ стало еще веселѣе и увѣреннѣе. Я взглянула на дѣда и незамѣтно для другихъ все такъ же лукаво ему улыбнулась. Каковы, молъ, а?

Дѣдъ строго кашлянулъ и отвернулся отъ моихъ глазъ.

Не успѣли мы посидѣть и поговорить кое-о-чемъ, какъ на террасу выплыла разодѣтая Агаѳья Петровна, въ кружевной наколкѣ, и пригласила къ столу:

— Пожалуйте, государи мои, откушать.

За обѣдомъ, достаточно скромнымъ, но съ дорогими винами, мы помѣстились такимъ образомъ: по одну сторону сидѣла я между Андреемъ Петровичемъ съ правой стороны и дѣдомъ съ лѣвой, напротивъ—Топорковъ-сынъ и Василій Дмитріевичъ. Вышло для меня очень удобно.

Агаѳья Петровна на хозяйскомъ мѣстѣ.

Андрей Петровичъ усиленно мнѣ услуживалъ, говорилъ комплименты, иногда весьма кстати, но иногда, впрочемъ, и грубовато, вообще съ нимъ я не скучала. Но онъ не забывалъ и дѣда, попрежнему почтительно задавая ему вопросы о войнѣ, объ арміи. Дѣдъ сначала отвѣчалъ кратко, а потомъ разошелся и сталъ говорить много и рѣзко, почему-то сурово поглядывая на Василія Дмитріевича, который весь занялся бесѣдой съ молодымъ Топорковымъ. Андрей Петровичъ дѣду поддакивалъ.

Между отцомъ и... Ильей Андреевичемъ шелъ разговоръ чисто хозяйственный: про фабрику, про машины, про цѣны.

Я слушала и смотрѣла, стараясь, по возможности, ничего не пропустить.

Андрей Петровичъ—хитеръ и льстивъ. Онъ, очевидно, заигрываетъ и со мной и съ дѣдомъ. Я съ нимъ кокетничала напропалую. Пила много вина. Хохотала заманчивымъ смѣхомъ. Когда я стала отнѣкиваться отъ лишняго бокала, Андрей Петровичъ какъ-то укоризненно сказалъ:

— Труса вы, барышня, празднуете.

— Нѣтъ, я—храбрая.

И я задорно вскинула на него глаза.

— Ой-ли?

— Да ужъ правду вамъ говорю. Не хвалюсь. А въ дѣтствѣ была отчаянной. Влюблялась всегда безъ памяти. Двѣнадцати лѣтъ изъ дому убѣжала. Насилу черезъ день нашли.

Слушаетъ ли меня Топорковъ-fils?.. Незамѣтно. Я украдкой, но зорко за нимъ наблюдала.

Онъ все время почти не улыбался и ни разу не пошутилъ. Близорукъ онъ, это ясно. Вынимая записную книжечку, чтобы прочесть нужную цифру, онъ поднесъ ее къ самому носу и прищурился. И скорѣе похожъ онъ на художника, чѣмъ на инженеръ-механика изъ купцовъ. Лицо блѣдное и худое, глаза голубые съ небольшою косью, коротко-подстриженная рыжеватая бородка и темные тонкіе усы. Волосы гладко причесаны. На лѣвомъ мизинцѣ черненое золотое кольцо съ рубиномъ и двумя брилліантами по бокамъ. Отца, типичнаго богатаго мужика,—такими рисуютъ трактирщиковъ и волостныхъ старшинъ,—напоминаетъ очень мало... Есть что-то неуловимое, даже загадочное, затаенное, въ выраженіи этихъ голубыхъ глазъ...

На меня fils ни разу, кажется, не взглянулъ, занятый серьезностью своей темы. Онъ разсказывалъ о постановкѣ новой, дорогой и сложной машины, выписанной изъ Англіи. Она будетъ отличаться тѣмъ, что одинъ ткачъ сможетъ работать сразу на нѣсколькихъ станкахъ, гораздо болѣе, чѣмъ на двухъ,—если я не ослышалась,—на двѣнадцати. Его это восторгало. Fils былъ краснорѣчивъ. Къ тому же онъ не отставалъ отъ Василія Дмитріевича, который ему все подливалъ и подливалъ сухого шампанскаго.

Обѣдъ кончился и мы встали, съ шумомъ и нетвер-

до отодвигая стулья, ибо всѣ выпили порядочно, даже Агаѳья Петровна, которая поставила передъ собой, отдѣльно, бутылочку домашней наливки и, за нашими разговорами, кажется, всю ее повытянула. Полная физіономія ея краснѣла и лоснилась.

Дѣдъ съ излишней тяжестью опирался на свою палку и безцѣльно теребилъ пуговицы сюртука. Его, видимо, клонило ко сну. Черезъ нѣкоторое время онъ и ушелъ, въ дверяхъ даже пошатнувшись.

Андрей Петровичъ казался веселѣе и довольнѣе прежняго. Теперь онъ вертѣлся около отца, слегка похлопывая его по плечу. Они направились въ кабинетъ, вѣроятно, пить кофе съ коньякомъ и курить сигары.

Наконецъ-то, мы остались вдвоемъ съ fils'омъ!!

Я предложила пойти къ озеру.

Онъ произнесъ, какъ-будто ко мнѣ не обращаясь, тихо:

— Мое любимое озеро!

Тонъ и фраза его были такъ неожиданны послѣ столь дѣловыхъ рѣчей, что я невольно подумала: что ты, батюшка, бредишь? Или черезчуръ пьянъ?

Мы сошли въ аллею.

— Вы всегда такой серьезный, Илья Андреевичъ?

Fils прищурился и опять выговорилъ, глядя себѣ подъ ноги (Что онъ? избѣгаетъ смотрѣть на меня? Я заста-авлю!):

— Я немного разочарованъ, Анна Васильевна.

Это было смѣшно, и я спросила съ явной ироніей:

— Въ людяхъ? въ жизни? въ себѣ?

И вотъ тутъ онъ ко мнѣ обернулся. Боже, да его

ли это глаза? сына того самаго Андрея Петровича? Одухотворенные, безпокойные, переливные... И голосъ у него измѣнился, сталъ искреннѣе и мягче.

Я все больше и больше дивовалась.

— Ну, говорите!

— Трудно мнѣ говорить. Но вы къ себѣ располагаете.

Я дурачливо поклонилась.

— Благодарю васъ. Вы мнѣ льстите.

Но онъ оставался серьезнымъ.

— За обѣдомъ вы были нѣсколько взвинченной. Простите, я говорю отровенно...

Я остановилась, какъ вкопанная. Я своимъ ушамъ не вѣрила. Что онъ говоритъ? Какъ онъ смѣетъ? Нахалъ, какъ я и ожидала!

— Позвольте взять вашу руку?

Я машинально дала, вовсе того не желая, и онъ повелъ меня дальше.

— Вамъ было почему-то не по себѣ, т.-е. вы, въ сущности, притворялись...

— Позвольте, Илья Андреевичъ, вы себѣ позволяете...

— Слушайте, слушайте, Анна Васильевна! Подождите сердиться! Тогда ужъ, въ крайнемъ случаѣ, сразу за все!

— Странно! Въ высшей степени странно!.. Продолжайте!

И про себя подумала: нахальство, но какое-то особенное! Чѣмъ онъ хочетъ удивить меня?

— Ну, такъ вотъ.

И прежде, чѣмъ что-то сказать, Топорковъ вдругъ разсмѣялся. Я возмутилась.

— Мсье Топорковъ, вы еще смѣетесь?!.. И наконецъ-то вы смѣетесь?! Чему?

— Я смѣюсь, что все такъ выходитъ по-моему. Я именно предполагалъ васъ такой, какая вы есть. Я за вами наблюдалъ за обѣдомъ...

Я вырвала свою руку.

— Ну, это ужъ слишкомъ! Я не хочу съ вами разговаривать.

Я чувствовала, что сраженіе проигрываю съ самаго начала, что я уступила уже слишкомъ много...

Онъ любовался моей досадой и молчалъ.

— Такъ я договорю о своемъ разочарованіи, Анна Васильевна?

— Пожалуйста. Только вернемтесь на террасу. Кажется, собирается дождь.

— Отлично.

Терраса была пуста... къ моему сожалѣнію! Но, Господи, неужели я теряюсь передъ господиномъ Топорковымъ? Ахъ, Анна, Анна, гдѣ же твое самолюбіе?

Мы сѣли на плетеныхъ стульяхъ довольно далеко другъ отъ друга.

— Вотъ вы здѣсь живете въ глуши, Анна Васильевна, а я побывалъ вездѣ, всякихъ людей повидалъ, много разъ влюблялся, —вы этому вѣрите?

— Отчего же? Все можетъ быть.

— Влюблялся, и всегда какъ-то неудачно, несчастливо. И послѣ надеждъ, страданій, любви разочаровался въ самомъ себѣ. Нѣтъ у меня ни силы, ни умѣнья, ни удачи найти и завоевать свое счастье. А сердце у меня неугомонное... Анна Васильевна, вы не удивляетесь моей странной, для перваго раза, откровенности?

— Признаюсь, она для меня неожиданна.

— Но вы мнѣ не дали объясниться. Я давеча хотѣлъ сказать, почему я на нее съ вами рѣшился.

Онъ всталъ, придвинулъ стулъ и усѣлся рядомъ такимъ образомъ, что мнѣ были видны только его нарядные ботинки. Онъ вытянулъ свои длинныя ноги.

Я все еще злилась...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса отца и Андрея Петровича.

— Такъ на такихъ условіяхъ мы согласимся, Василій Дмитріевичъ? По-пріятельски? По рукамъ что-ли?

Отецъ отвѣчалъ своимъ неизмѣннымъ выхоленнымъ баритономъ:

— О, да, да! Прекрасно! Вашъ слуга. Завтра же буду у васъ въ конторѣ.

И они вошли къ намъ. Андрей Петровичъ обратился къ сыну.

— Мы уѣзжаемъ, Илья.

Тотъ покорно всталъ. Андрей Петровичъ расшаркивался передо мной.

— Будьте здоровы, милая барышня. Къ намъ пожалуйте, на новоселье. Я вамъ фабрику покажу.

Сынъ молча раскланялся. Василій Дмитріевичъ проводилъ ихъ до экипажа. Лошади помчались и скоро коляска скрылась изъ виду. Уѣхали!

Фу, какое у меня было скверное настроеніе! А тутъ еще отецъ! Возвращаясь на террасу, онъ издали мнѣ улыбался.

— Ты, Аня, волшебница. Старикъ отъ тебя въ восторгѣ. Умница, умница!

И онъ хотѣлъ поцѣловать меня въ щеку; въ гла-

захъ у него самое гадкое довольство. Мнѣ стало противно и я быстро отъ него убѣжала. Въ головѣ у меня шумѣло: отъ вина и отъ разгоряченныхъ фантазій.

Заглянула въ полуоткрытую дверь генеральскаго кабинета: дѣдъ, въ сюртукѣ, спалъ сномъ праведника на кушеткѣ. Генералъ тоже! Спитъ, какъ младенецъ! И ручку положилъ подъ голову!

Ахъ, Анна, Анна!.. Но что онъ о себѣ воображаетъ?

Въ десять часовъ я была въ постели. Но заснуть не могла, хоть убей. Въ глазахъ все стоялъ этотъ блѣдный господинъ съ хризантемой въ петлицѣ, смѣялся и глядѣлъ на меня голубыми взорами.

«Ну что въ немъ интереснаго? Не сказалъ путнаго слова, все машины да машины... Въ любви несчастенъ. Скажите! Что жъ ему надо? Жаръ-птицу какую-нибудь? Ухъ, вѣроятно, знакомыя барышни влюблялись. Или дамы. Все-таки въ немъ что-то есть. Надо сознаться».

Я терла себѣ лобъ и морщилась, закрывши глаза.

«Да, надо. А что онъ теперь думаетъ обо мнѣ?»

Я вытянулась, заложивъ руки подъ голову. Одѣяло я сбросила.

«Что онъ, фанфаронъ эдакій, обо мнѣ можетъ думать? Я ему не понравилась? Да? Слишкомъ провинціальна? Можетъ быть, некрасива? Г-мъ! Скажи-ите! То-то тамъ у васъ, въ столицѣ, красавицы! Я видѣла знаменитую актрису: ломака и вся крашеная! Только что духи замѣчательные. Тѣмъ и взяла. Но я, кажется, слишкомъ много думаю о господинѣ То-пор-ко-вѣ...

Въ сущности, мнѣ до него не должно быть никакого дѣла. И женой его я не буду. Это рѣшено заранѣе. Къ тому же я поклялась дѣду. Объ этомъ нечего и говорить, если даже я ему и понравилась... Какая, однако, я... дура!»

И сладко чему-то улыбнулась, засыпая.

IV.

Для меня прошло два непріятныхъ дня.

Дѣду, съ похмѣлья, было нехорошо. Ему нельзя такъ много пить. Онъ все гулялъ и принималъ холодныя ванны,

Отецъ ѣздилъ въ контору Топорковыхъ окончательно устраиваться относительно своей службы. Мнѣ это весьма и весьма не нравилось. Что же я такое? Дочь купеческаго служащаго? И мсье Топорковъ—хозяинъ моего отца?

Генералъ тоже ходилъ не въ себѣ и почти не разговаривалъ съ Василіемъ Дмитріевичемъ. Въ домѣ мелкія непріятности, которыя хуже всего на свѣтѣ, хуже самаго большого горя, посыпались, какъ изъ рога изобилія. Для меня эти стычки съ прислугой изъ-за кушанья, изъ-за лошадей, изъ-за бѣлья—ножъ острый. И ничего нѣтъ, все куда-то теряется, пропадаетъ. Дѣдъ сердится, что ему не подаютъ того, другого, не слушаются, мѣшаютъ заниматься, убираютъ не во-время кабинетъ. Какъ-то онъ сильно распекалъ бѣднаго Павла Ивановича,—не знаю за что.

А, въ общемъ, во всемъ виноватъ Василій Дмитріевичъ. Генералъ того-же Павла Ивановича скоро проститъ и подаритъ ему на водку. А вотъ, что все идетъ кое-какъ, врозь, черезъ пень-колоду, что все

развaливается, — даже крыша начала протекать въ передней,—ему хоть бы что! и горюшка мало!

Агаѳья Петровна—хорошая женщина, но она добра, глупа и нераспорядительна. Я не могу входить во всѣ мелочи, особенно съ мужиками. Здѣсь Богъ знаетъ чего натерпишься и наслушаешься. Съ ними нужно имѣть воловьи нервы.

И, какъ нарочно, размокропогодилось до того, что на дворѣ образовалось цѣлое озеро. Пройти никуда было нельзя.

На третье утро брызнули золотые лучи солнца и къ полудню все просушили. Освѣженные трава и цвѣты заблестѣли ярче, зацвѣли пышнѣе и въ теплый вечеръ напоили ароматами воздухъ. Подъ окномъ щебетали бѣлогрудыя ласточки, любимыя мои птички. Заводили пѣсню, идучи домой, косари.

Я усѣлась было за книжку, но что-то потянуло на озеро. Пошла... И встала передъ вечернимъ свѣтомъ, передъ небесной лазурью, блѣдной, какъ сапфиръ, на западѣ и темноголубой, какъ бирюза, на востокѣ. Тамъ уже сіяютъ алмазныя звѣзды. И небо, и звѣзды, и облака, золото, бирюза и алмазы, и сапфировая даль заката,—все колышется въ прозрачной водѣ, глядится на себя и не наглядится, какъ заколдованное, какъ очарованное. И благодатная тишина объемлетъ, и звуки не льются, не тревожатъ, не пугаютъ подлетающихъ сновидѣній, оттуда, изъ восточныхъ, изъ волшебныхъ странъ.

Ночные привѣтливые духи! пошлите мнѣ мира и благоволенія въ душу, дайте мнѣ вашихъ цѣлительныхъ прикосновеній, да сохраню въ себѣ надежду и

твердость, да минуетъ меня, сиротинку, обида, униженіе и черная людская несправедливость...

Я даже заплакала. Такъ мнѣ стало себя жаль! И одна-то я, и некому меня приголубить, и никто ласковаго слова не скажетъ... не пойметъ никто. Все перегораетъ въ сердцѣ. Но скоро вѣдь силъ не станетъ и сердце устанетъ...

Вернулась домой, какъ будто успокоившись, съ какой-то чистой душой. Легла въ свѣжую холодную простыню. Согрѣлась подъ одѣяломъ. И—Боже мой—какъ хотѣлось мнѣ, чтобы воскресла мама, неслышно подошла ко мнѣ, перекрестила, поцѣловала... Слезы опять покатились и, въ слезахъ, я задремала.

Солнце меня разбудило. Я забыла вчера занавѣсить окно. Проснулась веселой. Лѣниво потягивалась. Но потомъ живо вскочила, наскоро одѣлась и побѣжала купаться. Долго плавала, барахталась, даже ныряла. Потомъ высушилась на солнцѣ, вся до капельки, собрала подъ платокъ мокрыя волосы, иду домой.

На встрѣчу какой-то мужчина. Прямо ко мнѣ. Мсьё Топорковъ!

Онъ уже кричитъ:

— Анна Васильевна! Однако, вы—ранняя птичка.

И какъ одѣтъ! Въ соломенной шляпѣ, длинной русской рубашкѣ и большихъ сапогахъ. Подпоясанъ чернымъ кожанымъ ремнемъ. Въ этомъ костюмѣ онъ очень страненъ и напоминаетъ помѣщика-барышника, торгующаго лошадьми. И въ рукѣ у него хлыстъ.

Я въ замѣшательствѣ остановилась.

— Я былъ у Василія Дмитріевича. Покупалъ лошадей. Хорошій у васъ сѣрый конь.

Онъ подошелъ и приподнялъ шляпу.

— Здравствуйте. Признаться, совсѣмъ не ожидалъ васъ встрѣтить. Но какая счастливая случайность! Вы—хороши, какъ свѣжая утренняя роза, еще росистая.

Я протянула и пожала ему руку.

— Какіе замысловатые вы говорите комплименты! Но позвольте и мнѣ признаться: сейчасъ вы мнѣ не нравитесь, въ этомъ одѣяніи. Къ вамъ оно не подходитъ. Первый разъ вы мнѣ казались интереснѣе.

Онъ искренно смутился.

— Эхъ, какая незадача! Но вѣдь я не думалъ вамъ такимъ показываться! Вѣдь сейчасъ только шесть часовъ. Кто же думалъ, что вы уже не спите и даже гуляете? Но вы на меня не смотрите, а только слушайте. Можно мнѣ съ вами чуть-чуть пройтись?

Я согласилась. Какое-то удивительное состояніе овладѣвало мной въ присутствіи этого человѣка и отъ его словъ! Что онъ мнѣ? Первый встрѣчный! А между тѣмъ, отъ первыхъ же звуковъ его голоса, я какъ-то теряла самообладаніе... и волю... и даже сообразительность. Если бы онъ меня сейчасъ самъ, безъ спросу, взялъ подъ руку, я бы не въ силахъ была отнять ее и ничего бы не сказала, какъ будто такъ все и надо. Удивительно! Куда же я гожусь послѣ этого?

— Анна Васильевна! Мнѣ хотѣлось бы васъ увидать и поговорить съ вами наединѣ. Мое желаніе покажется вамъ необычайнымъ, можетъ быть, невозможнымъ, недопустимымъ, и моя просьба странной... Вы думаете, не сумасшедшій-ли я человѣкъ?

У меня, дѣйствительно, что-то такое мелькнуло и я опасливо на него взглянула. Но лицо его было до-

того блѣднымъ и грустнымъ, сосредоточеннымъ, что у меня отпала всякая охота шутить.

— Не то, все не то, Анна Васильевна! Такъ не легко объясниться на бѣдномъ человѣческомъ языкѣ, въ краткихъ спѣшныхъ словахъ. Но у меня душевная потребность высказаться передъ вами, именно передъ вами, передъ вашими черными глазами...

— Что вамъ отъ меня нужно, Илья Андреевичъ?

Я спросила мирно и тихо, ничуть не сердясь.

— Анна Васильевна, если хотите, я встану на колѣни, чтобы умолить васъ, буду цѣловать слѣды вашихъ шаговъ...

Отъ этихъ неожиданныхъ, неслыханныхъ мною словъ у меня что-то подступило подъ сердце и круги пошли передъ глазами...

— Прикоснусь, какъ рабъ, устами до края вашего платья...

Я овладѣла собой.

— Перестаньте, Илья Андреевичъ!.. Я не могу васъ слушать.

— Но вотъ чего я хочу: придите вечеромъ, сегодня, на озеро, на ту сторону, въ аллею березовой рощи.

Мы остановились. Что онъ со мной дѣлаетъ? И что со мной дѣлается?

— Ждать мнѣ васъ или не ждать?

— Хорошо, я приду.

Ничего не сказавъ, онъ ушелъ, заспѣшилъ, какъ бы боясь, чтобы я не отказалась.

Я стояла на одномъ мѣстѣ растерянной. Что-то случилось недоброе со мной. Зачѣмъ я согласилась? Зачѣмъ я сказала это слово: приду? Но оно вырвалось само собой. Я была почти безъ сознанія. Я и сей-

часъ вся дрожу и не могу успокоиться. Онъ—колдунъ, а не человѣкъ. И слова изъ устъ его слаще меда. Откуда это мнѣ вспомнилось? Ничего подобнаго не читала.

Придя домой, я попробовала опять уснуть, потому что мной овладѣла страшная усталость, какъ будто я прошла пѣшкомъ отъ самаго города или взбиралась на крутую гору. Колѣни сами подгибались, голова клонилась на бокъ. Вѣроятно, я просто перекупалась.

Я, дѣйствительно, продремала часа два. Вспомнила объ утренней встрѣчѣ. Что это: сонъ или навожденіе? Съ какой стати онъ выдумалъ, что я пойду къ нему на свиданіе? За кого же онъ меня принимаетъ? И неужели я согласилась? Какая неосторожная глупость! Нѣтъ, батюшка, ты, кажется, слишкомъ скоръ...

Въ комнату постучала Агаѳья Петровна.

— Чтой-то вы, барышня, сегодня кофей проспали? Заваривать что-ли новый?

— Завари, завари, Агаѳьюшка. Я сейчасъ приду. Дѣдъ что дѣлаетъ?

— Пишетъ.

Я къ нему зашла. Поцѣловала въ небритую щеку и сдѣлала замѣчаніе.

— Дѣдъ!

— Что?

— Борода твоя колется!

— Забылъ побриться. Да и горячей воды мнѣ не давали. Аничка, хоть ты бы сказала тамъ, чтобъ они были аккуратнѣе. Сама видишь!

Тонъ у дѣда былъ совсѣмъ обиженный.

— Скажу, скажу. Ну, что ты сегодня? все писалъ?

— Да, заканчиваю первую часть, до турецкой кам-

наніи. Иди себѣ, тамъ Агаѳья Петровна кофей варитъ, и варенье, пѣнокъ попробуешь.

И дѣдъ легонько меня выпроводилъ. Пѣнки, на самомъ дѣлѣ, оказались очень вкусными: отъ малины и отъ черной смородины.

Вечеръ наступилъ великолѣпный. Бродили тучи. Стояла радуга. А часамъ къ восьми небо совсѣмъ очистилось, просіяло. И лунный серпъ, въ видѣ бѣлаго рыхлаго облачка, ходилъ при солнцѣ, какъ мертвый.

Я даже не думала о томъ, что кто-то ждетъ меня въ березовой рощѣ, смотритъ, скоро-ли закатится солнце, не идетъ ли по аллеѣ женщина въ черномъ. Пусть его! Мнѣ-то какая печаль?

Я взяла недочитанный романъ, съ нимъ прошлась до озера, прочитала тамъ странички двѣ, полюбовалась, какъ золотились заходящимъ солнцемъ верхушки березъ на той сторонѣ озера, и вернулась къ себѣ.

Герой романа интереснѣе мсьё Топоркова. Теперь я съ замираніемъ сердца читаю, какъ онъ упалъ съ лошади на скачкахъ. Что будетъ съ Анной? Какъ она сдержится, чтобы не побѣжать къ нему, не обнять, не поцѣловать? А рядомъ противный, ненавистный мужъ!

Я замечталась. Поѣду же я когда-нибудь за границу, на воды, въ Парижъ, въ Ниццу. Не вѣчно же мы будемъ сидѣть въ этой дырѣ, гдѣ порядочныхъ людей нѣту? Отъ своей судьбы не уйдешь, а, можетъ быть, мнѣ суждено влюбиться именно въ Ниццѣ, въ молодого знаменитаго художника портретиста, который будетъ писать съ меня Веронику? Ахъ, ахъ, ахъ! Если бы всѣмъ нашимъ снамъ да сбываться!

Прошла еще длинная ночь, ибо мнѣ плохо спалось.

Что-то все чудилось страшное, гробы, пропасти, убійства, и я часто въ испугѣ просыпалась. Лежала съ открытыми глазами. Луна на полу рисовала чудесные узоры отъ занавѣски, скользила по моему одѣялу. Голубые обои оживали и маленькія пастушки кланялись и шевелились. Вотъ они отдѣляются отъ стѣны и веселымъ роемъ кружатся въ полосѣ луннаго свѣта, сплетаются и расплетаются въ легкихъ хороводахъ, но такъ молчаливо, таинственно, неслышно... Они думаютъ, что я сплю и ничего не вижу. Играйте, играйте, я вашего веселья не потревожу.

На утро встала опять поздно. Выхожу на террасу и вижу: чей-то велосипедъ прислонился къ перилам. Спрашиваю Агаѳью Петровну:

— Чей?

— Илья Андреевичъ у насъ.

И Агаѳья Петровна расплылась въ глупую улыбку. Я нахмурилась.

— Гдѣ же онъ?

— Вонъ по аллеѣ ходитъ. Васъ дожидается.

— Позови его.

Агаѳья Петровна пошла, крича и махая ему рукой:

— Илья Андреевичъ! пожалуйте! барышня встали! Мсьё Топорковъ быстро приближался,—въ свѣтломъ костюмѣ, съ чайной розой въ петлицѣ.

Я смотрѣла на него не особенно привѣтливо, но когда онъ со мной здоровался и поднялъ на меня глаза,—онъ стоялъ на нижней ступенькѣ лѣстницы,—мнѣ стало вдругъ жаль его. На немъ, какъ говорится, лица не было. Онъ сразу заговорилъ, не обращая вниманія на Агаѳью Петровну.

— Анна Васильевна, нельзя же такъ издѣваться

надъ человѣкомъ. Я прождалъ васъ до темноты. Не могъ заснуть ни одной минуты. И вотъ, видите, утромъ уже у васъ. Но вы строги? Вы на меня сердиты?

Агаѳья Петровна слушала, разиня ротъ. Я поспѣшила прекратить этотъ неумѣстный монологъ.

— Илья Андреевичъ, я покажу вамъ цвѣтникъ. Идемте.

Онъ шелъ, понурившись, и молчалъ. Я начала первая:

— Илья Андреевичъ, я васъ совершенно не понимаю. Вы ведете себя слишкомъ... необыкновенно. Могу подозрѣвать я развѣ только одно, что вы что-то разыгрываете и очень для меня обидное.

Топорковъ вспыхнулъ.

— Простите, Анна Васильевна, но вы говорите неправду. Вы такъ не можете думать. Я почувствовалъ въ васъ женщину прекрасную, тонкую, умную. И меня съ перваго раза потянуло къ вамъ, къ вашему очарованію, къ вашему голосу, къ вашимъ глазамъ. И мнѣ захотѣлось самому освѣтиться въ лучахъ вашихъ. Я уже люблю васъ. Сердце мое вѣщее: оно мнѣ это сказало, какъ только я увидалъ васъ впервые. Да и развѣ можно васъ не полюбить? Вы вѣрите, Анна Васильевна?

Онъ въ увлеченіи взялъ меня за руку и смотрѣлъ съ мольбой, какъ дитя.

Я уже поддавалась ему, уже терялась передъ его какой-то страстью и ничего не находила сказать. Только думалось: ты говори, ты говори еще!

— Какая наша жизнь, Анна Васильевна? Такъ мало красоты и счастья! А по нимъ душа неизбывно

тоскуетъ. Но въ васъ красота и въ васъ... можетъ быть, счастье, мое счастье.

Его дыханіе было близко отъ моего лица. Я инстинктивно отшатнулась.

— Оставьте меня, Илья Андреевичъ. Уходите.

— Но скажите мнѣ...

— Другой разъ. Приходите еще. Сегодня вечеромъ. Или я буду тамъ... въ березовой рощѣ.

Онъ прижалъ мою руку къ своимъ трепещущимъ, къ своимъ огненнымъ устамъ и, попрежнему, молча отошелъ. Скоро его фигура промелькнула на велосипедѣ.

Я дотронулась до ушей. Горятъ. Значитъ, я вся красная, какъ кумачъ. Побѣгу къ зеркалу.

Что онъ наговорилъ? И почему онъ такой? Должно быть, настрадался много... Какъ онъ цѣловалъ мою руку! Бѣдный, бѣдный... Илья!

Какой у меня видъ въ зеркалѣ! Глаза, какъ безумные! Какъ будто меня насильно цѣловали въ губы! А если бы онъ осмѣлился? Я бы упала въ обморокъ.

Ну, надо сдѣлать, какъ слѣдуетъ, прическу. Я сѣла къ окну и, распустивъ волосы, стала ихъ медленно расчесывать частымъ гребнемъ.

Незадолго до обѣда случилось мнѣ пройти черезъ кухню.

На крылечкѣ чернаго хода сидитъ Агаѳья Петровна и чиститъ, обернувъ руку въ шерстяную рукавицу, поплевывая и посыпая кирпичемъ, мѣдный кофейникъ. Павелъ Ивановичъ стоитъ на колѣняхъ и усердно на подносѣ третъ кирпичи. Самъ что-то шамкаетъ, очень

такое интересное, потому что Агаѳья Петровна—вся вниманіе.

Подхожу ближе.

— Слышь, Агаѳья Петровна, даве утромъ несу я воду мимо цвѣтовъ-то. А гляжу, наша-то съ молодымъ съ этимъ таково разговариваетъ. Слышь? А онъ у ней руку ца-лу-я.

Агаѳья Петровна встрепенулась.

— А! Ишь-ты! Ца-лу-я! Востра наша барышня! И-и-и! Женишка завела себѣ, каждый день ѣздитъ, то на лошади, то на однихъ колесахъ.

— Агаѳья Петровна, слышь?

Павелъ Ивановичъ все ее подталкиваетъ, словно она глухая.

— Слышь? Говорятъ, день-жищъ у его, у молодого-то! Поболѣ ста тыщъ... Женихъ, говоришь? Ну, дай Богъ! Барышня наша хорошая. Не изъ простыхъ какихъ. Дворянская кровь-то, поди, ромяная.

— А ужъ какъ страдала она, какъ страдала, что жениховъ у ней нѣту. Бывало, середь ночи вскочитъ и закричитъ...

Это былъ ушатъ холодной воды. Я побѣжала въ свою комнату, бросилась на постель и зарыдала. Вечеромъ никуда не пошла.

V.

Встала я на слѣдующій день злая, равнодушная. Ко мнѣ не подходите. Теперь я, какъ истуканъ. Мнѣ ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла. Василій Дмитріевичъ ко мнѣ? Все равно. Пожалуйста.

— Въ чемъ дѣло?

— Видишь ли, насъ сегодня приглашаютъ къ себѣ Топорковы. И пораньше, чтобъ успѣть осмотрѣть фабрику. Я зашелъ сказать, чтобы къ тремъ часамъ ты была готова. А мнѣ сейчасъ нужно на службу.

— А можетъ быть, я не поѣду?

— Это невозможно. Они очень просятъ. Именно тебя. Старику сильно хочется тебя видѣть. Онъ по тебѣ, говоритъ, соскучился.

— Ну, хорошо, я поѣду.

Отецъ раздраженно взглянулъ на меня и повысилъ голосъ:

— Такъ къ тремъ часамъ будьте готовы. Я самъ съ вами поѣду. Вашего стараго ге-не-ра-ла я не могъ уломать.

— Дѣдъ ѣхать не хочетъ?

— Не хочетъ... Я ухожу.

Съ двухъ часовъ я стала собираться. Чортъ знаетъ, таскай все одно и то же платье! Кромѣ чернаго, у меня больше надѣть нечего. Мнѣ оно уже надоѣло

хуже самое себя! Съ грѣхомъ пополамъ одѣлась и сижу, жду Василія Дмитріевича.

Онъ послалъ Агаѳью Петровну.

— Пожалуйте, барышня. Папенька уже готовы.

Я сошла внизъ. Василій Дмитріевичъ поморщился.

— Что у тебя за кислая физіономія! Точно ты напилась уксусу.

Я смолчала.

Самъ онъ сіялъ, бодрился и пахнулъ духами. Въ зубахъ благовонная сигара. Вѣроятно, получилъ какое-нибудь жалованье или занялъ, или...

Ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ. Какъ-то долго!

«Вы, мсье Топорковъ, воображаете, что я уже влюблена въ васъ? Напрасно. Вы очень самоувѣрены. Но что вы сами начинаете сумасшествовать и дѣлать глупости, это я замѣчаю. Что-жъ! Отъ нечего дѣлать, интересно и это. Займусь пока вами. Но и не думайте, что вы для меня—конецъ и послѣднее прибѣжище. Я еще поѣду за границу. Хоть гувернанткой. У дѣда есть знакомые. Онъ напишетъ».

Отецъ подгонялъ кучера. Павелъ Ивановичъ усиленно шамкалъ на лошадей, часто ихъ подхлестывая возжами и для этого ежеминутно привставая. Плохой онъ кучеръ! Съ нимъ, въ сущности, ѣздить совѣстно!

Мы уже обогнули озеро, истомившееся въ полдневномъ жару, за нимъ прохладную березовую рощу, въѣхали въ фабричныя ворота, съ надписью «Ткацкая фабрика Т-го Дома Андрей Топорковъ и сынъ», мимо кучки сторожей и полицейскихъ, которые скинули передъ нами шапки, миновали трехэтажныя красныя казармы, гдѣ жили рабочіе...

Всюду движеніе, много бабъ, ребятъ, крику, плачу. Одна за другой тянутся подводы съ кипами товара. Громадныя лошади выступаютъ медленно и бьютъ подковами мостовую звонко и тяжко. Пыль стоитъ и летитъ сѣрыми облачками. Тамъ необозримо сложены дрова, доски, бревна, а тамъ чернѣютъ горы каменнаго угля. И вездѣ копошатся люди, стучатъ лопатами, топорами, привозятъ, отвозятъ, бѣгаютъ по рельсамъ телѣжки, дребезжатъ, звенятъ, стучатъ...

Мнѣ стало повеселѣе. Работа и шумъ развлекли меня и я уже съ любопытствомъ подъѣзжала къ самой фабрикѣ.

Но она была небольшая. Низкій четырехугольникъ съ зубчатой крышей, стеклянной съ одной стороны и рядомъ трехэтажный корпусъ, больше ничего. Но грому и стуку хоть отбавляй. У меня заболѣло въ ушахъ.

Павелъ Ивановичъ разогналъ подъ горку и не могъ сразу остановить лошадей. Василій Дмитріевичъ побагровѣлъ и выругался:

— Старый болванъ!

Павелъ Ивановичъ пригнулся, какъ отъ удара, и зашамкалъ что-то обидное. Хорошо, что отецъ не вслушался. Кругомъ смѣялись проходившіе рабочіе.

Насъ встрѣтили «самъ» и Илья Андреевичъ.

Старикъ, по обыкновенію, неуклюже расшаркивался и разводилъ руками.

— Дорогіе гости! Молодая сосѣдка! Пожалуйте, пожалуйте, снизойдите!

Онъ свелъ меня съ экипажа, подалъ руку и повелъ. Илья Андреевичъ поклонился молча, но съ мно-

гозначительнымъ взглядомъ. Онъ казался грустнымъ не на шутку. Василій Дмитріевичъ захромалъ слѣдомъ и скоро отъ насъ гдѣ-то скрылся.

Андрей Петровичъ шелъ съ видомъ владѣтельнаго князя, показывающаго свои владѣнія пріѣзжей принцессѣ. Онъ сіялъ довольствомъ, гордостью и даже счастьемъ. Улыбался, кланялся, торопился. Къ тому же и ему кланялись и уступали дорогу, почти какъ князю. Да, это несомнѣнное его царство: и люди, и стѣны, и машины.

Внутри меня окончательно оглушило и я не слыхала ни одного слова изъ того, что мнѣ объяснялъ Андрей Петровичъ, и только кивала головой въ знакъ того, что все понимаю. На самомъ дѣлѣ у меня все путалось и мѣшалось въ глазахъ отъ этихъ безконечныхъ ремней, которые тянулись и трепетали, какъ расплющенныя змѣи или какъ противные какіе-то черви. Фи!.. Постукивали станки, жужжали и бѣгали челноки, а, можетъ быть, и не они жужжали, назойливо, казалось, дерзко, нарочно, чтобы надоѣсть и вывести изъ терпѣнія, какъ это дѣлаютъ злыя дѣти. И рядами разноцвѣтныя—желтыя, красныя, бѣлыя,—пятна рабочихъ и работницъ.

Мнѣ понравилось въ томъ красивомъ и чистомъ помѣщеніи, гдѣ величаво и плавно двигалось и вертѣлось громадное колесо. Это билось самое сердце всего машиннаго организма фабрики. Такъ выразился Илья Андреевичъ.

Рядомъ попали мы въ котельное отдѣленіе, гдѣ я не могла выстоять отъ жары ни одной минуты. И даже взяла Андрея Петровича за руку, чтобы не упасть вдругъ. Онъ испугался, и какой-то дверью мы

сразу вышли на воздухъ, на другую сторону, къ озеру, близъ трубы, которая отсюда, къ удивленію моему, оказалась далеко не такой тонкой. Подъ ногами хрустѣлъ мелкій уголь... Вдали, за водой, виднѣлась крохотная наша усадьба: купа высокихъ деревьевъ парка и бѣлѣющій домъ съ террасой.

Послѣ жары, шума и тѣсноты я радостно глотнула свѣжаго воздуха.

— Я не понимаю, Андрей Петровичъ, какъ можно въ такомъ аду провести хоть нѣсколько часовъ?

— Человѣкъ-съ привыкаетъ ко всему, милая барышня. Вонъ и ваша усадьба, какъ на ладонкѣ. Что же это генералъ меня обидѣлъ, не пріѣхалъ?.. Ноженьки ваши не устали?

Я вздохнула наивно и кокетливо.

— Уста-ала!

Андрей Петровичъ разахался.

— Это я, старый дуракъ, виноватъ. Повелъ нѣжную барышню по фабрикѣ и безъ отдыха, безъ передышки! Ахъ я, чучело эдакое, фараонъ недогадливый! Ужъ вы меня простите, милая Анна Васильевна!

Меня покоробилъ «стиль» его извиненія, но я успокоила Топоркова, который разволновался, видимо искренно.

— Ходила я, Андрей Петровичъ, съ интересомъ и съ удовольствіемъ, только вотъ ноги, дѣйствительно...

— Ну, какъ-нибудь до дому доберемся. Илья, веди Анну Васильевну. А я за вами слѣдомъ, сію же минуту. Позадержусь маленько.

Я подала руку Ильѣ Андреевичу. Мы пошли въ гору потихоньку.

— Какой вы молчаливый, удивительно! Или это только сегодня?

— Нерадостно на душѣ: не разговоришься!

Такъ мы, не проронивши ни слова, доплелись до ихняго дома. Илья Андреевичъ, такой молчаливый и такой грустный, мнѣ нравился. Я поглядывала на него искоса и думала: Донъ-Кихотъ ты мой печальный, милый мой Донъ-Кихотъ!

Насъ окружили мальчишки, дѣвчонки, замарашки босоногія, вихрастыя, и слѣдовали за нами неотступно, дѣлая разныя замѣчанія касательно моего костюма, шляпы, лица...

— Рюминская барышня.

— Какая?

— Изъ-за озера. Отецъ ейный—хромоногій, рыжій такой.

Было все-таки ужасно неловко. Илья Андреевичъ показалъ имъ трость и они мигомъ разсѣялись.

Андрей Петровичъ поджидалъ насъ уже въ подъѣздѣ и проводилъ въ гостиную. Здѣсь на низкомъ зеленомъ диванѣ сидѣла нѣкая монументальная женщина и кормила изъ рукъ орѣхами попугая-какаду, который неистово кричалъ и раскачивалъ клѣтку. Она тяжело встала при нашемъ появленіи. Андрей Петровичъ какъ-то особенно, мнѣ показалось, сердито, метнулъ на нее глазами.

— Жена моя—Дарья Вавиловна.

Я приблизилась къ ней съ нѣкоторымъ смущеніемъ и постаралась любезнѣе улыбнуться. Дарья Вавиловна протянула говоромъ мелочной торговки,—одну руку положивъ на животъ и другую подавая мнѣ:

— Здравствуйте. Очень пріятно.

И кинула на меня явно неодобрительный взглядъ: какая, молъ, пава заявилась. Все это не предвѣщало ничего любопытнаго.

Я слышала, что у Топорковыхъ есть еще сынъ, старшій, что онъ какой-то несчастный, пьяница или слабоумный, и я хотѣла на него поглядѣть, но онъ ни откуда не показывался. Его, очевидно, прятали.

Илья Андреевичъ смущалъ меня своими взглядами, а занималъ за всѣхъ одинъ Андрей Петровичъ. Разсказывалъ, какъ они съ сыномъ покупали и строили фабрику. Илья Андреевичъ не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ. О динамо-машинѣ онъ заговорилъ, какъ о женщинѣ, и даже всталъ, жестикулируя и наклонясь ко мнѣ. Я ему это замѣтила. Всѣ расхохотались... кромѣ Дарьи Вавиловны.

— Вотъ, вы меня всегда перебьете, Анна Васильевна. Теперь ужъ я не могу.

И, махнувъ безнадежно рукой, онъ сѣлъ на прежнее мѣсто... Донъ-Кихотъ! Но почему именно: Донъ-Кихотъ? Что это ко мнѣ привязалось?

Подъ разговоръ Андрея Петровича, въ присутствіи безмолвной Дарьи Вавиловны и грустнаго Ильи Андреевича мнѣ почему-то вдругъ захотѣлось музыки, пѣнія. Кто-нибудь заигралъ бы или запѣлъ задушевное, мягкое, трогательное... о любви, о неволѣ, о разлукѣ. И диво дивное: какъ будто звуки послышались, мандолины или гитары, заунывные, тихіе, далекіе.

Андрей Петровичъ тоже прислушался и произнесъ:

— Мать!

Дарья Вавиловна вскочила, какъ дѣвочка, и ушла. Звуки скоро прекратились. Я недоумѣвала и ни о чемъ не могла догадаться.

Послышался изъ передней голосъ Василія Дмитріевича, который шутилъ съ прислугой, съ молоденькой горничной, очень симпатичной, которую я мелькомъ увидѣла, и затѣмъ насъ позвали къ столу.

Обѣдъ былъ длинный, тяжелый и скучный, несмотря на сладкія вина, которыхъ я пила много. Лично меня Дарья Вавиловна прямо давила своей безсловесностью. Андрей Петровичъ старался изо всѣхъ силъ, Василій Дмитріевичъ острилъ, Илья Андреевичъ къ концу развязалъ свой языкъ, а я все никакъ не могла разойтись и чувствовала скучной и самое себя и другихъ. Чокались, говорили тосты, комплименты,— ничего не помогало. Андрей Петровичъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ.

— Дорогая гостья наша Анна Васильевна! Заранѣе прошу извинить, если скажу нескладно, но позвольте мнѣ, старику, отъ души привѣтствовать васъ въ своемъ домѣ. Ибо женская молодость и женская красота съ вами здѣсь впервые. Я — старинный человѣкъ, скажу прямо, строгій, а сердце имѣю чувствительное. И радостно ему, моему сердцу, видѣть васъ у себя. Не сочтите, Анна Васильевна, моихъ словъ за пустую лесть, за никчемное краснорѣчіе. Вы меня, старика, просвѣтляете. Я—мужикъ, въ лаптяхъ бѣгалъ мальчишкой, а умъ-разумъ, не скроюсь, кое-какой имѣю. И вижу я, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего не отдалъ бы за молодость, за красоту, за здоровье. Анна Васильевна, расцвѣтайте еще краше и веселите наши чувствительныя сердца. Тѣмъ люди и живы... За ваше здоровье, за вашу молодость, за вашу красоту!

— Браво, отецъ!

Это закричалъ Илья Андреевичъ. Я съ благодарностями встала и со всѣми чокнулась. Василій Дмитріевичъ поцѣловалъ меня въ щеку. Смущеніе наполнило мое сердце. Странная рѣчь, и что-нибудь она да значитъ!

Пили потомъ кофе, ликеры... незамѣтно за окнами потемнѣло. Илья Андреевичъ отозвалъ меня въ садъ. Я пошла нехотя.

Было тихо и темно подъ густыми подстриженными тополями, цвѣточныя клумбы дышали роскошными благовоніями, дорожка бѣлѣла на мѣсяцѣ, какъ скатерть. Идти или не идти? Мѣсяцъ мой, братъ мой!

— Илья Андреевичъ, сядемъ здѣсь, я дальше не пойду.

Онъ послушно остановился и мы сѣли. Илья сталъ тростью чертить на пескѣ мое имя крупными буквами: Анна, Анна, Анна.

— Анна Васильевна, вы должны меня пощадить.

Я вздрогнула отъ его голоса: онъ былъ какимъ-то мертвымъ.

— Вы—жестоки и безжалостны, и вы меня побѣдили. Но я не ропщу, мнѣ сладка и ваша немилость. Коснуться вашей руки...

Онъ коснулся моей руки.

— Есть уже блаженство неизъяснимое. Я не могу выразиться, Анна Васильевна, вы смѣетесь, я вамъ кажусь неловкимъ. Но я уже не владѣю собой, мыслями своими летучими. Одно—любовь къ вамъ... Смѣйтесь, смѣйтесь!

— Илья, но чему же я смѣюсь?

И въ порывѣ обняла его голову.

— Вѣдь я же люблю тебя! Развѣ ты не зналъ? Не догадывался? Тебѣ не снились мои поцѣлуи?

И тягучими поцѣлуями стала цѣловать я онѣмѣвшія, блѣдныя уста его...

Очнулись мы отъ звавшихъ насъ голосовъ.

Когда мы вошли въ свѣтъ, на чужіе глаза, невольно рѣсницы наши опустились и пылали щеки. Но, кажется, никто ничего не замѣтилъ. Насъ съ Василіемъ Дмитріевичемъ уже дожидался экипажъ.

Мнѣ все казалось смѣшнымъ: и разрумянившійся отъ коньяку Андрей Петровичъ, нетвердо державшійся на ногахъ и долго цѣловавшій мою руку, такъ что я принуждена была ее потихоньку выдернуть изъ его мягкихъ пальцевъ, и Василій Дмитріевичъ, умильно косившійся на горничную, которая принесла ему шляпу и пальто.

На Илью я не смотрѣла. Онъ безпричинно суетился и тоже безпричинно смѣялся. Мы съ нимъ расхохотались, когда стали прощаться другъ съ другомъ. Такъ весело, такъ беззаботно!.. О, Господи! До чего полно радостью мое сердце!

— Ну, скорѣе, скорѣе, отецъ, поѣдемъ!

Андрей Петровичъ громко ступалъ по лѣстницѣ, держась за перила. Ноги его скользили.

Павелъ Ивановичъ на козлахъ клевалъ носомъ и плавно раскачивался. Я боялась всю дорогу, что онъ упадетъ къ намъ въ пролетку.

Отецъ, задремывая, пробормоталъ:

— Я сегодня тобою доволенъ.

Ахъ, какъ непріятно! Зачѣмъ онъ это сказалъ? Холодная змѣйка шевельнулась у моего сердца. Не надо, не надо!.. Люди—глупы и жалки.

VI.

Мнѣ не хотѣлось просыпаться рано, въ обычное время, ибо не покидали меня какіе-то дѣтскіе, счастливые сны.

Видѣлась мнѣ мама, но тоже маленькая, какъ и я, и со мной играла въ куклы, нарядныя, въ красныхъ платьицахъ, которыя привезъ намъ дѣдъ.

— Играйте, дѣти мои. А я уже сѣдой...

А потомъ я клала голову на материнскія колѣни и во снѣ еще засыпала, и еще видѣла сны...

Но въ чемъ же главное?.. Ахъ! Илья!.. Ты, все ты, мой блѣдный, мой... Я люблю тебя.

Встала, одѣлась, вышла. Кипитъ запоздалый самоваръ,—Агаѳья Петровна предпочитаетъ чай, я тоже иногда выпиваю вмѣсто кофе чашечки двѣ душистаго и крѣпкаго чаю,—дѣдъ возвращается съ утренняго путешествія на озеро.

Онъ встрѣчаетъ меня съ веселымъ видомъ и размахиваетъ палкой.

— Поднялось мое ненаглядное солнышко!

Самъ и щурится, и смѣется.

— Что? Можетъ быть уже и просватана вчерась на пиру?

Цѣлуетъ мой лобъ.

— Уже предложеніе получила генеральская внучка?

Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!.. Хорошимъ виномъ угощали? А Дарья Вавиловна-то—какова?

У меня опустились руки. И кусокъ хлѣба застрялъ въ горлѣ. Я откашлялась. Неужели сейчасъ заплачу?

— Милый мой дѣдъ, никогда не говори объ этомъ! Я уже разъ сказала тебѣ, что этого совсѣмъ не будетъ. А повторять... мнѣ непріятно. Понимаешь, это меня слишкомъ больно касается.

Я говорила тихо, просительно, умоляла. Дѣдъ меня не понялъ.

— Ахъ, ты, милая моя дурочка! Да ужъ очень всякіе разговоры пошли. И Василій Дмитріевичъ всюду разблаговѣстилъ. Я ужъ на него прикрикнулъ... Говорятъ, поймали тебя на золотой крючокъ. Тебя! Ха-ха-ха! Мою внучку! Рюмину!

И въ смѣхѣ дѣда было теперь недоброе. Я готова была выйти изъ себя отъ гнѣва.

— Василій Дмитріевичъ слишкомъ много себѣ позволяетъ!.. Агаѳья Петровна, слышите? Это—вздоръ, ни за какого Топоркова я не выхожу и ничьей невѣстой не могу называться. Это—бабьи сплетни, сказки, вздоръ! Я сама знаю, и чтобы я не слыхала объ этомъ ни одного слова.

Я хотѣла садиться и, держась за спинку стула, сильно имъ застучала.

— Прошу даже не шутить со мною по этому поводу... Гдѣ Василій Дмитріевичъ?

— На фабрикѣ.

— На фабрикѣ!.. Дайте мнѣ чаю.

Агаѳья Петровна испугалась,—я никогда не гово-

рила съ нея такимъ тономъ,—и чашка запрыгала у нея въ рукахъ.

Дѣдъ былъ ошеломленъ и доволенъ.

— Ты, Аничка,—молодчина, моя кровь!

Я насупилась и молча глотала сладкій напитокъ. Но выдержать молчаніе я не могла. Отодвинула недопитое блюдце.

— Д-да, да! Смѣютъ говорить!.. Можетъ быть, и самъ господинъ Топорковъ такъ думаетъ? Андрей Петровичъ? А ужъ его супруга—навѣрное! Она такъ на меня посмотрѣла, какъ-будто я собираюсь ее обокрасть! Милый дѣдъ, какая она... грубая! невѣжливая! непривѣтливая! И неужели всѣ они думаютъ, что я мечтаю сдѣлаться фабрикантшей, что я кружу голову ихнему сыну? Я умру отъ стыда, если еще появлюсь у нихъ, если опять увижу этого... попугая! Ха-ха! Вѣдь у Дарьи Ваваловны есть попугай, котораго она кормитъ орѣхами!

И я закатилась отъ душившаго меня смѣха...

У калитки остановилась наша пролетка. Съ нея соскочилъ отецъ и, на ходу снимая пальто и шляпу, закричалъ Агаѳьѣ Петровнѣ:

— Поскорѣе завтракъ! Аппетитъ у меня... волчій! И вина хочу!

Я ушла. Я не могла его видѣть.

Солнце медленно проходило по лазурному іюльскому небу свой ослѣпительный путь. Но уже пламенѣли на западѣ привѣтственные огни облачныхъ башенъ, освѣщались заревые чертоги для встрѣчи царственнаго гостя! Торопись, путешествующій принцъ въ золотомъ шлемѣ! Видишь, въ твою честь по всему горизонту развѣялись пурпурные флаги. Тамъ истоми-

лась по тебѣ молодая жена, заря-заряница. Тамъ взбили для тебя пуховую постель ея бѣлыя руки. Иди! Огненными устами утоли ея ненаглядныя очи!

И у меня день-деньской пылаетъ сердце любовью и ожиданіемъ, и ко мнѣ тянутся нетерпѣливыя руки, жаркія уста сохнутъ по моимъ поцѣлуямъ.

Прощай, небесный принцъ! Я спѣшу къ своему возлюбленному.

Между нами ничего не было условлено, но я ни на мигъ не сомнѣвалась, что найду Илью вечеромъ въ березовой рощѣ.

Однако, я чего-то трушу. Ильи? О, нѣтъ! Самое себя? Да, нѣтъ! Самой себѣ я вѣрю. А трушу, да и все тутъ.

Илья, онъ слишкомъ несмѣлъ и деликатенъ. Хотя онъ—сильный. Я передъ нимъ пушинка.

Думаетъ онъ обо мнѣ, какъ я о немъ думаю? Но ему говорить не стоитъ. Еще загордится! Милый, бѣдный!.. А моею любовью развѣ не стоитъ гордиться? Скажу!

Однако, я устала: очень спѣшу. Надо идти потише. Вонъ неподвижная его фигура. Увидалъ. Пошелъ навстрѣчу. Какая у него нерѣшительная походка! Если бы онъ зналъ, что я готова бѣжать къ нему, броситься на шею и зацѣловать на смерть! Чудакъ! Такой чудакъ!

Церемонно кланяется.

— Здравствуйте, Анна Васильевна.

Дѣлаетъ видъ, что мы увидались нечаянно. И скрываетъ свою радость.

Я подхожу, кладу ему руку на плечо. Хохочу въ глаза.

— Давно ты меня дожидаешься?

Кругомъ никого не было, кромѣ частыхъ зеленыхъ елочекъ среди старыхъ березъ, да просвѣта на озеро, да молчаливаго старика—сосноваго пня. Хорошее мѣсто онъ выбралъ!

Илья смѣшался, какъ пойманный школьникъ, и смогъ только выговорить:

— Анна!

— Что, мой любимый, мой Донъ-Кихотъ?.. Ты знаешь, я тебя называю иногда: Донъ-Кихотъ... Садись.

— Почему?

— А такъ!.. Ты не обижайся.

Я облокотилась объ его колѣни такъ, чтобы чувствовать его теплоту и дыханіе. Тонкіе усы и глаза его близко.

— Донъ-Кихотъ, это — красиво... Впрочемъ, это все мои глупости. А, главное, я разскажу тебѣ... Я все хочу спросить тебя: вотъ вѣдь мы любимъ другъ друга? И ты и я—одинаково?.. Скажи: одинаково?

Онъ улыбнулся.

— Ну?

— Нѣтъ, не ну, а ты мнѣ скажи: одинаково?

— Я — сильнѣе.

— Это, положимъ, вопро-осъ!.. Но я спорить не буду. И никто намъ запретить... любить... другъ друга... не можетъ?.. Отчего же у тебя сегодня печальное лицо? Скажи-ка!

Онъ взялъ обѣ мои руки выше локтей, и притянулъ меня всю къ себѣ.

— Есть такая причина. Есть, есть, есть!.. Да вотъ: когда-то мы еще увидимся?

— Что ты сказалъ? Что это значитъ?

— Ты не пугайся и не смотри на меня... такъ! По настоянію отца и по дѣламъ, ненадолго, я уѣзжаю... И развѣ не печально? Мнѣ бы смотрѣть не насмотрѣться на тебя...

— Илья! для чего? такъ рано! такъ неожиданно!

Я обняла и спрятала лицо свое на его груди. Какъ мнѣ стало грустно! Будто я теряла и радость, и любовь, и самую жизнь....

— Да, Анна! Но я тебя не забуду ни на одинъ мигъ. Все буду къ тебѣ стремиться.

Онъ ласкалъ мои волосы. Цѣловалъ спокойно. И тихо. И въ забытьи мы прижимались тѣснѣе. Тѣни вокругъ насъ толпились и густѣли. Далекое небо синѣло.

— Проводи меня, Илья. Пора.

Я куталась въ шаль и висла на его рукѣ.

— Постой! Я возьму тебя на руки.

Онъ поднялъ меня, какъ ребенка. Я голову положила къ нему на плечо, прижалась, накрылась плотнѣе шалью. И даже закрыла глаза.

Такъ онъ пронесъ меня до озера. Неужели намъ надо разставаться?.. Отсюда я пошла одна, прямо по росѣ, прыгая и подбирая юбку, все оглядывалась, пока Илья не скрылся. Ноги въ тонкихъ ботинкахъ промочила быстро.

Изъ сарая, гдѣ у насъ спали на свѣжемъ сѣнѣ работницы, женскій голосъ говоритъ, задыхаясь:

— Баринъ... оставьте... не надо.

Фу! Я зажала уши и пробѣжала. Не думать! Не думать! Въ окнѣ у дѣда свѣтъ. Богъ съ нимъ! Пройду мимо. И ужинать не хочется. Развѣ молока выпью съ чернымъ хлѣбомъ. Поскорѣй въ постель, и пусть снится мнѣ одинъ Илья!

VII.

Никогда не приходили ко мнѣ такіе безотрадные дни, какъ эти—за отъѣздомъ Ильи. Какъ бы проспать что-ли все время! Или чѣмъ-нибудь забыться? Нѣтъ-ли такой интересной-интересной книжки? Да ужъ, кажется, всѣ прочла. И читать лѣнь. Въ городъ ѣхать? Стоитъ-ли! Что тамъ теперь? Еще знакомыхъ встрѣтишь, разговаривать надо... Самое лучшее сѣсть за какую-нибудь работу. Вышить сложный рисунокъ на фартукъ Агаѳьи Петровны. Шелкъ у меня долженъ быть. Я давно хотѣла ей сдѣлать подарокъ. Отлично: она любитъ ходить въ сарафанѣ... Когда можетъ придти отъ него письмо? Послѣ-завтра? Долго!

Замужъ за Илью я не пойду. Это рѣшено безповоротно. Во всякомъ случаѣ, пока онъ—сынъ своего отца и директоръ фабрики. Подвыпившій Андрей Петровичъ съ его пьяными комплиментами и поцѣлуями руки,—это еще на лучшій конецъ,—грубая свекровь, которая все можетъ себѣ позволить, а потомъ косые взгляды и двусмысленные намеки постороннихъ или какихъ-нибудь ихъ родственниковъ, которымъ я, во всякомъ случаѣ, стану поперекъ горла и которые начнутъ попрекать меня дворянствомъ и нищенствомъ, службой отца. Я скорѣй умру отъ стыда, чѣмъ позволю себѣ слушать подобныя вещи. Чтобъ даже думать они такъ не смѣли! Но вѣдь кто повѣритъ? Развѣ они могутъ думать иначе? А генералъ будетъ передавать мнѣ всѣ пересуды. Или нѣтъ, онъ меня

знать не захочетъ, онъ будетъ меня стыдиться, онъ отъ меня отречется. Это, скажетъ, не моя кровь.

И потомъ мысль, что я орудіе чужихъ плановъ, что отецъ втихомолку продаетъ меня, красоту мою продаетъ купцу Топоркову, что онъ разсказываетъ и хвалится этимъ въ своихъ клубскихъ компаніяхъ, и тѣ ехидно посмѣиваются... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Илья, не могу! Какъ хочешь, это выше моихъ силъ Я лучше умру... Поцѣлую тебя послѣдній разъ, опять тамъ, среди зеленыхъ елочекъ, ты возьмешь меня на руки и... бросишь... въ озеро. На, никому не доставайся.

А порвать съ фабрикой, съ отцомъ, если бы Илья бы и сумѣлъ,—какой въ этомъ толкъ? Что онъ,—и я,—будемъ дѣлать? Да я сама не допущу до этого. Да и въ Ильѣ, въ сущности, я сомнѣваюсь. Онъ этого не выдержитъ. Онъ слишкомъ хозяинъ и вся жизнь его въ фабрикѣ. Кромѣ того, онъ отца любитъ. Онъ будетъ меня уговаривать, умолять, что все—пустяки, пустые страхи, что мнѣ бояться нечего, что онъ сумѣетъ защитить меня. И еще ему нужно спокойствіе, благополучіе. Да и сама-то я куда гожусь?

Такъ, что же будетъ? Свиданія на озерѣ, мимолетныя, тайныя? Не знаю. И знать не хочу. Пусть будетъ, что будетъ. Безъ конца не обойдется... Только дождусь ли я отъ него письма?

За раннимъ завтракомъ расхворавшійся дѣдъ,—у него въ непогоду ноютъ старыя раны въ ногѣ, онъ даже прекратилъ свои утреннія прогулки и сидитъ все время дома,—теперь за столомъ онъ предается военнымъ воспоминаніямъ, которыя я знаю всѣ наизусть.

Онъ служилъ подъ командой Гурко, котораго называетъ «желѣзнымъ генераломъ», и предпочитаетъ

его «бѣлому генералу» Скобелеву, «моднику» и «бреттеру»... «Про Скобелева только одна слава, а вся сила была въ Гуркѣ».

— Гордый Дубнякъ мы уже заняли и перерѣзали подвозъ провіанта къ Плевнѣ...

Его больше слушаетъ Агаѳья Петровна. Удивляется и всей душой ненавидитъ «турку».

— Сколько она, окаянная, взбудоражила христіанскаго народу. Младенцевъ рѣзала... Терпѣлъ же ее Господь!

Дѣдъ вдругъ останавливается.

— Я забылъ, Аничка. Василій Дмитріевичъ уѣхалъ и тебѣ записку оставилъ. Вонъ она, на столикѣ...

Я дотянулась и взяла незаклеенный конвертъ. Что еще за сюрпризъ? Оказывается, вотъ что: „Аня! Сегодня у Топорковыхъ освященіе новаго зданія. Старикъ просилъ тебя пожаловать. Конечно, ты поѣдешь. Опять къ тремъ часамъ приготовься. Отправимся вмѣстѣ. Я буду съ фабрики около трехъ. Пожалуй, не говори ничего дѣду. В. Р.»

Въ три часа въ мою комнату безъ предупрежденія входитъ отецъ и видитъ меня въ обычномъ домашнемъ платьѣ.

— Что это значитъ, Аня? Ты не читала моей записки?

— Я... не поѣду къ Топорковымъ.

Отецъ взбѣсился.

— Какъ не поѣдешь? Что это еще за комедія? И ты опять принимаешься за старое?

У него вздулись на лбу жилы и покраснѣла шея.

— Я съ вами не стану разговаривать, Василій Дмитріевичъ, если вы кричите.

— Но объясни!

— Я рѣшила, что мнѣ бывать у Топорковыхъ незачѣмъ, что это порождаетъ разные кривые толки...

— Ахъ, ты...

Но отецъ удержался.

— Какая ты сумасшедшая, Аня! Такъ прекрасно пошло все дѣло, и вдругъ ты... Вѣдь старикъ огорчится, разсердится...

— Василій Дмитріевичъ, я не хочу, я не могу съ вами препираться. Вамъ душевнаго ничего не растолкуешь. Думайте и дѣлайте, что хотите, только, умоляю, оставьте меня въ покоѣ. Совершенно... Уходите!

Отецъ посмотрѣлъ на меня, понялъ, что ничего не выйдетъ съ «упрямой дубиной», ушелъ и хлопнулъ дверью.

Два дня его дома не было.

Илья прислалъ коротенькое письмо: «Нѣту времени писать тебѣ больше. Я вѣдь поѣхалъ за новымъ директоромъ. Нашего англичанина очень не любятъ рабочіе. За послѣднее время между ними было много столкновеній. Директоръ получилъ даже нѣсколько писемъ съ угрозами убить его. Отецъ боится серьезныхъ безпорядковъ, и мы хотимъ предупредить требованіе рабочихъ объ его удаленіи. Такъ будетъ лучше. Мы съ отцомъ давно намѣтили управляющаго одной большой мануфактуры, строгаго и дѣльнаго человѣка, опытнаго и не стараго. Нужно его сманить оттуда, прибавить тысячъ пять или десять. Я вызвалъ его письмомъ для переговоровъ. Всѣ утра я провожу въ техническомъ обществѣ: отыскиваю ткацкаго мастера. Все бесѣды да бесѣды, кормежка въ ресторанахъ поѣздки, вычисленія, расчеты,—анъ, время-то и бѣжитъ.

Сегодня вечеромъ выберу свободный часокъ, чтобы написать, какъ слѣдуетъ, отъ души, подлиннѣе. Вотъ онѣ, Анна, мужскія обязанности! Варишься, какъ въ котлѣ, и ни минуты не вспомнишь о самомъ себѣ, не размечтаешься о томъ, о семъ: рвутъ на части, спрашиваютъ, приглашаютъ въ одно мѣсто, въ другое. Тамъ обѣщано, тамъ давно дожидаются,—и все люди серьезные, нужные, дѣловые. Каждый часъ—новая забота!.. Но будетъ! Мнѣ самому надоѣли эти «дѣла»...

Вижу я тебя, какъ живую: ясное озеро, высокія, кудрявыя березы,—не колышатся, не дрогнутъ листочкомъ,—и ты подходишь. Солнечные лучи падаютъ на твое лицо: оно сіяетъ, улыбается... Зови меня, скажи мое имя, думай,—я приду къ тебѣ, въ комнату твою дѣвичью, гдѣ я никогда еще не былъ. А когда же?.. У тебя много цъѣтовъ? И окна твои, кажется, выходятъ въ садъ?

Прощай, скоро увидимся. Илья Топорковъ.

Если хочешь меня порадовать, напиши мнѣ по адресу нашего правленія».

Но мнѣ было не до переписки. Дѣдъ слегъ въ постель. У него сильно поднялась температура, ослабли ноги и началось головокруженіе. Онъ ничего не ѣстъ. Его осматривалъ врачъ, успокоилъ, прописалъ лѣкарствъ, до которыхъ дѣдъ не дотрагивался. За нимъ ухаживаетъ Павелъ Ивановичъ денно и нощно. Спитъ у него же въ кабинетѣ, просыпаясь при малѣйшемъ вздохѣ больного. Съ ловкостью переворачиваетъ его съ боку на бокъ или на спину.

— Ты бы лѣкарству выпилъ, превосходительство. Умрешь вѣдь.

Дѣдъ качаетъ головой, не открывая глазъ. Павелъ Ивановичъ бормочетъ:

— Мнѣ что, помирай. Самъ не радъ будешь. Думаешь, и на томъ свѣтѣ попадешь въ генералы?

Павелъ Ивановичъ поддерживаетъ себя водочкой, которую даетъ ему вдосталь Агаѳья Петровна. Оттого онъ и говоритъ такъ много.

— На томъ свѣтѣ, батюшка, различію нѣту. Что ты—генералъ, что я—солдатъ...

Дѣдъ сердится и велитъ замолчать.

— А что съ тобой и разговаривать? Упрямый ты старикъ. Лѣкарствія не даромъ дадена. Выпей. А я прикурну возлѣ тебя.

И оба они мирно отходятъ ко сну.

Мнѣ тяжело. Я часто сажусь въ любимое дѣдовское кресло, за его бумаги, исписанныя старинным витіеватымъ почеркомъ, — ручки, карандаши, перья, все аккуратно разложено и нигдѣ ни пятнышка чернилъ. Старые календари, журналы, книги... И рядомъ, на низкомъ диванѣ лежалъ дѣдъ, сухой, похудавшій, нахмуренный. Вытянулся, вытянулъ руки, спитъ... или думаетъ думу?

— Аня, ты тутъ за моимъ столомъ?

— Я. Что тебѣ, дѣдъ?

— Сиди. Мнѣ хорошо. Только молчи.

Но случилось еще то, чего я никакъ не ожидала, можетъ быть, смутно предчувствовала. Вечеромъ къ намъ пріѣхалъ Андрей Петровичъ. Я была дома одна. Т.-е. дѣдъ лежалъ у себя въ кабинетѣ.

Увидавъ его входящаго на террасу,—я сидѣла за вышивкой и подняла голову отъ его шаговъ,—я не могла встать и вымолвить слова. Такъ онъ напугалъ меня своимъ появленіемъ!

— Добрый вечеръ, милая барышня. Работаете? И папаши, видимо, нѣтъ?

Я опомнилась.

— Никого нѣтъ. Здравствуйте.

Онъ пожалъ мою руку и чуть поцѣловалъ пальцы.

— Я отдохну. Посижу съ вами. Прямо съ работы.

— Я сейчасъ позову Агаѳью Петровну. Она дастъ вамъ чаю.

— Не надо, не безпокойтесь, Анна Васильевна. Мнѣ пріятнѣе побыть съ вами вдвоемъ...

Онъ остановилъ меня.

— Сидите... Генералъ хвораетъ, я слышалъ?

— Да, онъ заболѣлъ. Уже съ недѣлю.

— Что съ нимъ? серьезное?

Онъ спрашивалъ очень внимательно, съ участіемъ. Повидимому, былъ трезвъ. И видъ вообще имѣлъ какой-то сдержанный. Сюртукъ на-глухо застегнутъ.

— Докторъ не нашелъ ничего опаснаго. Старческое переутомленіе. Онъ усиленно писалъ. Потомъ слѣды старыхъ ранъ. Онъ вѣдь въ молодости былъ на войнѣ...

— Знаю-съ.

Наступило молчаніе, въ которомъ мнѣ сдѣлалось почему-то неловко и не по себѣ. Что онъ сейчасъ скажетъ?

Я разсматривала свою работу,—я ее уже кончила,— и теперь выщипывала ножницами канву. Встала, чтобы зажечь лампу.

— Сидите, Анна Васильевна.

Я покорно опустилась на прежнее мѣсто.

— Милая барышня, я старъ годами, — мнѣ стукнуло безъ малаго шестьдесятъ,—а кровь у меня еще молодецкая... Уважьте, не гоните меня, послушайте!

Я открыла широкіе недоумѣвающіе глаза. Андрей Петровичъ подошелъ ко мнѣ, приглядѣлся, ухмыльнулся въ бороду и усѣлся рядомъ.

— Странное я скажу вамъ. И не соберусь съ мыслями. Хоть и долго къ тому готовился... Вотъ что, Анна Васильевна! Смотрю я на васъ: нѣтъ вамъ ни свободы, ни счастья,—такъ ли вамъ, по красотѣ вашей, по уму вашему, жить надо?

— Помилуйте, Андрей Петровичъ, что вы изволите говорить? къ чему?

— А все къ тому, любезная Анна Васильевна... Дайте мнѣ вашу маленькую ручку. Ишь вѣдь, какая ладонка! Пальчики какіе тоненькіе!

Онъ нагнулся,къ моимъ колѣнямъ,опустился наполъ...

— Отъ любви къ тебѣ, дѣвица, страдаю... Бери, что хочешь. Казни или милуй... Приласкай меня своими ручками.

Я молчала и не двигалась, пораженная, уничтоженная. Наконецъ, оттолкнула его и вскочила.

— Вы Андрей, Петровичъ, дѣйствительно, рехнулись на старости лѣтъ!

Но я посмотрѣла, какъ онъ тяжело, съ трудомъ, поднялся съ пола и расхохоталась.

— Ну, Андрей Петровичъ, ну, право же, это смѣшно! Вамъ-ли объясняться въ любовной страсти?

Онъ всталъ, какъ-то встряхнулся и произнесъ съ достоинствомъ:

— Извините... Забудьте.

Но въ глазахъ его все еще бѣгали огоньки.

— Я къ вамъ пріѣхалъ, многоуважаемая Анна Васильевна, просить за своего сына. Онъ имѣетъ честь предложить вамъ руку и сердце.

Я въ изумленіи глядѣла на старика. Какъ онъ держитъ себя въ рукахъ! Сейчасъ совсѣмъ другой, почтенный, представительный, строгій!

Я поклонилась.

— Очень польщена вашимъ вниманіемъ къ моей скромной особѣ и предложеніемъ вашего сына, но принуждена и отъ него отказаться.

Старикъ, очевидно, надѣялся на благопріятный отвѣтъ и чуть смутился.

— И ваше рѣшеніе безповоротно? Для моего сына нѣтъ никакой надежды?

— Да ужъ что сказала, то сказала навѣрное.

Андрей Петровичъ вдругъ бросилъ свой торжественный тонъ.

— Очень жаль-съ. Простите за безпокойство. Нечего сказать, разыграли мы дурака. Эхъ, Илья, Илья! Въ калашный рядъ сунулись мы съ тобой съ мужицкимъ суконнымъ рыломъ... А вы еще, барышня, раскаетесь. Горды больно. Не по состоянію... Еще послушаемъ, что запоете, еще посмотримъ, какъ заживете!.. Прощевайте-съ. Всего хорошаго.

И, надвинувъ шляпу, онъ пошелъ черезъ цвѣтникъ къ своимъ дрожкамъ...

Ну, и слава Богу! Теперь все обошлось, все выяснилось...

Дѣдъ черезъ день значительно поправился. Скушалъ бульону. Разговаривалъ. Слушалъ мое чтеніе. Но многое сталъ забывать, терялъ память. Спроситъ:

— Что, Аня, гдѣ у насъ Жучка? Принеси ее.

Жучка была дѣдушкина собачка, лохматая, маленькая, ласковая. Въ позапрошломъ году она заразилась бѣшенствомъ и ее убили.

— Да вѣдь она давно околѣла.

Онъ не повѣритъ и начнетъ сердиться.

— Никогда ничего по-моему не сдѣлаютъ! Лѣнь, что-ли, я не понимаю... Позови Павла Ивановича.

Павелъ Ивановичъ входитъ.

— Что тебѣ, батюшка?

— Давай-ка съ тобой трубку закуримъ. По военному. Крѣпкимъ табачкомъ... Ты, Аня, уйди. Ты не выдержишь.

Павелъ Ивановичъ вынимаетъ изъ глубины кармана и разматываетъ красный кисетъ,—не торопясь, предвкушая удовольствіе,—беретъ изъ него перстами добрую щепотку табаку, самаго дешеваго, который называется «махоркой», туго набиваетъ имъ свою замусленную трубочку, и потомъ насыпаетъ его же въ дѣдовскій чубукъ, обдѣланный серебромъ и бисеромъ, купленный когда-то въ Константинополѣ... И, дѣйствительно, при первомъ дымѣ у меня выступаютъ слезы, поднимается кашель. Я вылетаю изъ комнаты. Генералъ и Павелъ Ивановичъ хохочутъ...

Второе письмо отъ Ильи получила. Оно привело меня въ сильное смятеніе своей рѣшительностью.

«Проживъ безъ тебя нѣсколько дней, вдали, въ иной обстановкѣ, мнѣ стало яснѣе и проще на сердцѣ. Я знаю, что люблю тебя всѣми силами, всею страстью, всѣми надеждами моей души. И смыслъ и цѣль моей жизни, ихъ нѣтъ безъ твоей отвѣтной любви. И я въ нее вѣрю. Какъ мальчикомъ вѣрилъ въ Бога. И вотъ говорю тебѣ: мнѣ нужна твоя постоянная близость, раздѣленная между нами. Я понимаю блаженство отъ свиданій украдкой, изрѣдка, я благодарю тебя за него. Но я хочу не воровского, потаеннаго счастья, я хочу назвать тебя своею женою,—спокойно, открыто. Иначе,—я чувствую, — не могу больше, Анна! Ты—моя радость, моя чистота, мое желаніе. Неужели счастливая доля обойдетъ насъ? И только урывками удастся намъ взять ее отъ жиз-

ни, а потомъ она сгинетъ на вѣки? Почему? Развѣ будущее не отъ насъ зависитъ? Что можетъ быть противъ? Неужели неудачи могутъ преслѣдовать безъ конца, безъ отдыха? Поборемся, Анна, противостанемъ! И пусть наша любовь, свѣтлая, легкая, соединитъ наши жизни, наши мечты...

Когда я пріѣду, давай, Анна, рѣшимъ, какъ быть, какъ все это устроить. Я въ разныхъ мелочахъ—сущій младенецъ. Признаюсь, отецъ сочувствуетъ, даже самъ желаетъ видѣть тебя своей невѣсткой. Не знаю, какъ твой. Генералъ особенно. Я ему, кажется, несимпатиченъ... Ну, да, впрочемъ, увидимся, сговоримся».

Охъ-хо-хо! Что-то будетъ? что-то будетъ?

VIII.

Илья пріѣхалъ. Но у насъ въ домѣ стряслось несчастье. Дѣдъ скончался. Вдругъ. Вечеромъ приходитъ ко мнѣ Павелъ Ивановичъ.

— Барышня... дѣдушка вашъ...

Я поглядѣла на сморщенное лицо Павла Ивановича и поняла все. Тихо ахнула и побѣжала къ дѣду. Тамъ Агаѳья Петровна уже надрывалась и стонала. Послали за отцомъ въ городъ. Онъ прискакалъ блѣдный и разстроенный.

У меня что-то оборвалось въ сердцѣ.

Дѣда омыли, одѣли въ чистое бѣлье, въ мундиръ, положили на столъ подъ образа, въ залѣ, скрестили руки, закрыли вѣки...

Я за всѣмъ слѣдила, ничего не пропускала, все ви дѣла, слышала разговоры, — шепотомъ, серьезные, краткіе. Но все это—мимо ушей, мимо глазъ.

Только мертвое лицо дѣда, пожелтѣвшее, опавшее, съ выдавшимся носомъ, съ насупленными бровями и какъ-будто приклеенными сѣдыми усами,—я не могла на него наглядѣться, наклонялась близко, цѣловала изрѣзанный морщинами лобъ.

Почившій, успокоившійся... навсегда! Скоро ляжешь ты въ вѣчную постель, въ темную могилу, въ сырую землю,—рядомъ съ мамой! Прости меня ты и ей по-

клонись отъ меня! Скажи, что дочери ея также трудно, что она выросла, красавицей стала, полюбила... да не на радость! Объ отцѣ утѣшь ее, обмани... Ахъ, дѣдъ, дѣдъ, сердитый и добрый генералъ!

Отецъ дѣлалъ распоряженія, и на утро принесли бѣлый гробъ. Крышку поставили у крыльца. Пріѣхали священники, монахиня. Привезли три серебряныхъ подсвѣчника, обвитыхъ трауромъ.

Дѣда бережно и легко переложили въ гробъ. Накрыли золотымъ покровомъ. Священники облачились въ ризы. Зажгли свѣчи. Заклубился кадильный дымъ...

Собрались мы всѣ: отецъ, я, прислуга, крестьяне... Крестились и становились на колѣни съ суровыми лицами. Агаѳья Петровна и другія женщины часто всхлипывали. Я стояла, какъ окаменѣлая.

Кончилась первая панихида. Съ покойникомъ прощались. Отецъ долго глядѣлъ въ лицо ему и отдалъ долгій земной поклонъ. Увидавъ это, я нечаянно разрыдалась. Всѣхъ напугала. Меня увели въ сосѣднюю комнату и усадили въ кресло...

Къ вечеру было много народу. Пріѣхали изъ города: полковой командиръ, офицеры, кое-кто еще. Былъ и Андрей Петровичъ, былъ и Илья. Но мы съ нимъ почти не сказали другъ другу ни слова. Онъ мнѣ казался чужимъ.

Еще служили панихиду. Потомъ сдѣлалось шумно, вспоминали, разспрашивали, въ саду курили. Даже иногда смѣялись, но какъ-то скромно и тихо.

Потомъ стало опять безлюдно, совсѣмъ безлюдно...

Только въ пустынной залѣ, полутемной, возвышался бѣлый гробъ въ золотой парчѣ, да стояла черная

женская фигура, монотоннымъ и громкимъ голосомъ читая молитвы.

Подъ этотъ немолчный женскій голосъ я всю ночь, не раздѣваясь, продремала въ креслѣ въ сосѣдней комнатѣ...

Отпѣвали дѣда въ сельской церкви, въ нашей рюминской. Провожала его порядочная толпа. Шли музыканты, солдаты.

Я едва выстояла долгую, унылую службу. Зачѣмъ они такъ растравляютъ сердце? И безъ того тоскливо и нудно, безъ этихъ мрачныхъ ризъ, безъ этихъ дрожащихъ напѣвовъ! Когда раздалось «со святыми упокой», я опять разрыдалась. Меня поддерживала Агаѳья Петровна.

До могилы было недалеко. Въ ушахъ настойчиво рыдалъ похоронный маршъ. Заколотили крышку гроба. Замолкли послѣднія слова. Посыпались и застучали комья земли...

Я сидѣла у материнскихъ сиреней. Мама, ты слышишь? ты видишь? ты плачешь?.. Или ты рада родному гостю?

Пропѣли краткую литію и надъ е зеленымъ холмикомъ.

Надъ дѣдомъ уже водрузили березовый крестъ съ дощечкой:

Отставной генералъ-майоръ
Дмитрій Ивановичъ
РЮМИНЪ.
скончался на 71 году своей жизни
такого-то года, дня и числа.

Прошелъ девятый день. Ѣздили въ церковь, на кладбище... Уже одни, и вокругъ могилы, кромѣ насъ

четверыхъ,—отца, Агаѳьи Петровны, Павла Ивановича и меня,—никого...

Вотъ такъ его скоро и позабудутъ! Отецъ уже спѣшитъ, онъ занятъ чѣмъ-то другимъ. Только Павелъ Ивановичъ усердно падаетъ на колѣни и шепчетъ и молится... Нужно ему подарить дѣдовскій чубукъ!.. А какая слезливая Агаѳья Петровна!

Къ концу обступили нищіе. Одѣляла ихъ Агаѳья Петровна. «На поминъ души»! Да, пойдутъ, выпьютъ, можетъ быть, и помянутъ...

Отецъ разбиралъ оставшіяся послѣ дѣда записки и письма, собиралъ, приводилъ въ порядокъ. У него очевидное намѣреніе всѣ эти рукописи продать.

Въ кабинетѣ пока все осталось по старому. Но отецъ рѣшилъ кое-какія ненужныя ему вещи вынести на чердакъ, переставить письменный столъ, обить диванъ новой матеріей, убрать со стѣнъ генераловъ и самому здѣсь поселиться... на-время. Но вообще онъ замышляетъ какую-то большую перемѣну. Мнѣ же ничего сообщить не благоволитъ.

Что-жъ! Разпоряжайтесь, какъ вамъ угодно, вы здѣсь хозяинъ. Мнѣ только немного обидно. И за себя, и за дѣда.

Въ концѣ концовъ, отецъ объявилъ мнѣ новость. Онъ продаетъ усадьбу Топорковымъ, и мы черезъ мѣсяцъ переѣзжаемъ на квартиру въ городъ.

— Единственное, что я могу сказать: очень жаль. Но, въ сущности, мнѣ все равно: въ городъ или къ чорту на кулички.

Отецъ отвѣчалъ грубо:

— А мнѣ и подавно до твоихъ сожалѣній нѣтъ никакого дѣла. Но вотъ что, кромѣ того: я хлопочу

устроить тебя учительницей въ какой-нибудь городской школѣ. Надо же тебѣ зарабатывать. Кормилецъ твой умеръ.

— Да, благодарю васъ. Похлопочите.

У насъ отношенія съ отцомъ натянулись до послѣдней степени. Того и гляди, что произойдетъ крупная ссора.

Ну, тогда, по крайней мѣрѣ, одинъ конецъ!

IX.

Индъ, Гангъ и Брамапутра... Поютъ послѣдніе пѣтухи моей жизни... Индъ, Гангъ и Брамапутра... Что это? рѣки, города, горы?.. Кажется, рѣки... И откуда онѣ у меня въ головѣ? Отчего такъ вспомнились?.. Когда-нибудь зубрила по географіи.

Меня эти похороны, панихиды, отцовскія выходки очень разстроили. Я стала нервничать, кричать,— Агаѳья Петровна со мной измучилась.

Когда мы вчера видѣлись съ Ильей,—все тамъ же, на озерѣ, у елочекъ!—онъ встрѣтилъ меня холодно, почти враждебно.

— Мнѣ передавалъ отецъ, Анна Васильевна...

Отъ этихъ словъ и отъ его притворно-равнодушнаго взора мнѣ стало и досадно, и больно, и страшно.

— Что говорилъ тебѣ отецъ? Что онъ могъ сказать?.. Отчего ты ко мчѣ непривѣтливъ? Жестокій! У меня умъ мѣшается. И отъ любви къ тебѣ, и отъ всего... Я не могу справиться съ собой... мнѣ стыдно, но у меня... сейчасъ... а ты...

Я упала къ нему на плечо, чтобы не разревѣться, какъ... Агаѳья Петровна.

Илья измѣнился въ лицѣ, обнялъ меня, посадилъ на колѣни. Хотѣлъ что-то сказать ласковое, но голосъ у него сорвался.

Онъ сдерживаетъ рыданія. На глазахъ у него дрожатъ и блестятъ слезинки.

— Милый, я, глупая, тебя заставила плакать? Илья, голубчикъ, понимаешь, всѣ эти исторіи... смерть.

Прядью волосъ я вытерла его глаза и поцѣловала осторожно, какъ мать.

— Что такое любовь, Илья?

Онъ улыбнулся: добрая, нѣжная у него улыбка!

— Не знаю. Ты что же? хочешь со мною философствовать?

Я провела рукой по лбу.

— Я не къ тому... Андрей Петровичъ сказалъ, что я тебѣ отказала? Да? Это?

Илья снова нахмурился.

— Что же ты скажешь мнѣ, Анна? Ты знаешь, для меня это будетъ послѣднее... окончательное рѣшеніе. Иного я не признаю.

Я смотрѣла на его лицо,—такое мнѣ близкое, такое мучительно желанное,—и не хотѣла отвѣчать.

Глаза его темнѣли... темнѣли... губы кривились.

— Я понимаю... Ты боишься огорчить меня.

Илья сталъ подниматься, снимая меня съ колѣнъ.

— Ты считаешь меня... недостойнымъ.

Я вспыхнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, Илья! Замолчи! Я скажу тебѣ: это совсѣмъ другое! Я тебѣ объясню послѣ... Но люблю тебя! Не уходи! Возьми!

Илья, въ порывѣ, съ какой-то мелькнувшей злобой запрокинулъ мою голову. Я боролась, отстраняла его руки...

— Зачѣмъ, зачѣмъ, Илья! Любимый, дорогой, оставь меня!

Но Илья не уступалъ... Я протянула, бросила свои руки, какъ неживыя, опустила рѣсницы, томительно ожидала ,что со мной будетъ... Сердце остановилось... Я умру...

— Илья... больно... я не могу.

И я съ силой прижала его къ себѣ. Ближе... ближе... Войди въ меня!.. Мучай!.. Я чувствовала, какъ билось его сердце, его дыханіе жгло мои щеки...

Потомъ я открыла удивленные глаза, посмотрѣла на безпорядокъ своего костюма, едва взглянула на Илью...

Какой ужасъ! Что теперь дѣлать? Какъ я позволила? Какой у него животный взглядъ!

Я живо встала, оправилась и пошла, какъ бы не замѣчая Ильи, домой, черезъ два шага побѣжала, стремительно, почти неслась...

Очутилась у себя въ комнатѣ. Дрожащими руками зажгла свѣчу, подошла съ ней къ зеркалу, освѣтила свое лицо. Измѣнилось? нѣтъ? Подъ глазами, вѣроятно, синее?

Слава Богу! Кажется, ничего не замѣтно... Взоры странные, но это пройдетъ, когда успокоюсь. Растрепалась прическа... Лучше лягу, засну. Что скажетъ завтра?

Ну, а Ильѣ я этого не прощу! Каковъ, скажите!.. Съ нимъ бѣды наживешь!

Спалось мнѣ какъ-то легко. Всю ночь я видѣла одинъ волшебный сонъ, очень путанный. Но все цвѣты, музыка, танцы... Какой-то садъ, весь въ огняхъ и звѣздахъ. Били фонтаны, и мы гуляли съ Ильей, подъ руку, одни одинешеньки. Потомъ мы потеряли другъ друга. У меня ныло сердце. Я искала его и

кликала по всѣмъ аллеямъ. Перебѣжала мостикъ. Илья стоитъ и ждетъ меня на курганѣ возлѣ бесѣдки. Я кинулась къ нему на грудь. Онъ поцѣловалъ меня сладко, сладко!..

Утро было румяное. Я встала и одѣлась съ веселой душой. Все вспомнила и простила... и все простила. Сумасшедшій, влюбленный Илья! Вотъ ужъ сегодня ты со мной не справишься! Не дамся, не дамся, не дамся! Ты сильный? Ну, вотъ и попробуй!..

Но все-таки на террасу я вышла не безъ смущенія, и зорко встрѣтилась глазами съ Агаѳьей Петровной.

Она упивалась чаемъ и одобрительно мнѣ кивнула.

— Раненько вы поднялись, барышня! И купаться уже ходили?

Я обрадовалась: какъ-будто ничего особеннаго!

— Нѣтъ, сегодня что-то не хочется. Свѣжо!.. Заварите-ка мнѣ кофею.

Агаѳья Петровна сконфузилась и покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— Барышня, извините! Сливокъ нѣту! Всѣ на масло пошли! Скушайте чаю съ вареньемъ, съ абрикосовымъ!

Я не разсердилась.

— Чаю, такъ чаю! Только скорѣе!

Я съ удовольствіемъ поеживалась отъ утренняго холодка.

— О, какіе вкусные абрикосы!

Мнѣ больше нравится чай тепловатый, полуостывшій. Я выпила его три чашки. И ѣсть захотѣлось: хлѣба, сыру...

— Агаѳья Петровна, а не кажется ли вамъ, что я сегодня другая?.. Какъ вы находите?

Агаѳья Петровна медленно обернулась ко мнѣ, оглядѣла...

— Не пойму, что вы спрашиваете барышня... Я думала, платье новое надѣли.

— Ну, вы, Агаѳья Петровна, стары стали! Съ вами что и говорить!

Я не знаю, на что обидѣлась.

— Вамъ бы только чулки вязать, да варенье варить...

Я встала изъ-за стола. Агаѳья Петровна растерялась.

— Всегда вы, барышня, не изъ-за чего гнѣваетесь... А что сливокъ нѣтъ, такъ это Василій Дмитріевичъ приказали, чтобъ больше масла сбивать. Продавать будутъ.

Я звонко разсмѣялась, подбѣжала къ Агаѳьѣ Петровнѣ и потрепала ее по мягкому подбородку.

— Милая моя, хорошая моя Агаѳья Петровна! Сама знаю, что по-пустому, что взбалмошная такая... Только нѣтъ мнѣ сегодня покою. Вечеръ бы наступалъ поскорѣе!.. А и правда, пойти искупаться.

Но когда я раздѣлась въ купальнѣ и попробовала воду,—у, холодно! Спустилась по лѣстницѣ до колѣнъ, дальше никакъ не могу—хоть убей! Такая пробираетъ дрожь, такъ страшно, а вдругъ еще схватятъ судороги,—вылѣзу. Потомъ опять окунусь до колѣнъ. Побарахтаю то одной, то другой ногою... Нѣтъ, должно быть не рѣшусь ни за что! Такъ и стала одѣваться, не искупавшись. А раньше ничего не боялась и прыгала въ воду сразу...

По цвѣтнику, согнувшись, Павелъ Ивановичъ несетъ два полныхъ ведра воды. Босикомъ. Часто отдыхаетъ и ставитъ ведра. Старикъ,—а какъ онъ трудится!

Ахъ, я и забыла! Насчетъ дѣдушкина чубука-то. Какая, однако, я... свинья!

— Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ!

Онъ уже плохо видитъ и слышитъ. Приложилъ руку къ глазамъ противъ солнца.

— А-я?.. Никакъ, барышня?

— Я, я, Павелъ Ивановичъ! Какъ поживаешь?

Старикъ заохалъ.

— Плохо, матушка барышня, плохо. Сама знаешь, какое наше житье. Въ могилу смотримъ. Ноги плохи стали, глаза плохи... Ужъ я и не разгляжу тебя: красива ай нѣтъ? Водицы качаю, дровецъ ношу, лошадокъ кормлю. Все работаю!

Онъ вынулъ газетную бумагу, оборвалъ треугольникомъ и сталъ свертывать папиросу, подлизывая по краямъ языкомъ.

— А гдѣ же трубка, Павелъ Ивановичъ?

— Утерялъ. Даве на сѣнѣ спалъ, она должно и выпала. И кисетъ пропалъ.

— Я тебѣ подарю. Съ чубукомъ. Дѣдушка курилъ.

Я ему кричала надъ самымъ ухомъ.

— Подаришь? Ну, спасибо тебѣ. Подари. Утѣшь старика.

Я пошла въ домъ, отыскала заброшенный отцомъ чубукъ и отослала его Павлу Ивановичу. Скоро онъ изъ него уже попыхивалъ.

Жаль, что я не Богъ или, по крайней мѣрѣ, не богиня! Я бы солнцу приказала скатиться къ своей «розоперстой супругѣ» въ одну минуту! Нечего за-

держиваться да заглядываться на луга и рѣчки, да на нашихъ деревенскихъ красавицъ, которыя разгулялись теперь по лугамъ и разыгрались по рѣчкамъ. Ужъ больно завистливое око!

Но прекрасный вечеръ все-таки наступилъ и былъ прекрасенъ. Здравствуй, здравствуй, синій, багряный, прохладный! Трещатъ кузнечики, кричатъ коростели. Лягушки выходятъ на дорогу. Темнѣетъ рано.

Мѣсяца совсѣмъ не будетъ. И не надо. Не такая ночь!

Я иду по берегу на поляну. Ну, конечно, стоитъ мое привидѣніе! Неужели есть такія слова? И какъ возможны такія смертельныя чувства? Но все мое существо измѣнилось, когда я увидала его, затрепетало, натянулось, какъ струны на высокихъ нотахъ,—пронзительно крикнуть или зарыдать... А онъ—трусъ!—онъ подходитъ своей нерѣшительной походкой.

— Какъ я боялся, какъ я мучился, что ты не придешь!.. Жизнь моя, буря моя!

Онъ приникъ къ моей ладони и не могъ оторваться.

— Всю ночь я не заснулъ ни одной минуты. Только подъ утро пришелъ тяжелый сонъ. Всю ночь ужасно ломило голову. Отъ одной единственной думы: я даже полагалъ, что ты можешь умереть. Хотѣлъ прибѣжать къ вамъ. Ты такъ ушла,—скоро и странно!

Слова у него вырывались съ трудомъ, сквозь зубы. Но пока мы смотрѣли другъ на друга, лицо его становилось все веселѣе, свѣтлѣе, мужественнѣе. Предательскіе мои глаза! Вотъ ужъ не могу хитрить!

Откуда у него эта нетерпѣливость и грубость? И я отъ нихъ совсѣмъ потерялась, была передъ нимъ беззащитной, усталой...

Ахъ, ну, дѣлай что хочешь! Въ этомъ радость неиспытанная и мучительная,—быть рабыней своего господина...

О, господинъ мой! Ты хочешь, чтобы я распустила свои черныя косы? ты хочешь видѣть мои розовыя груди? прикоснуться ланитами и устами къ алымъ сосцамъ моимъ?..

Я молчу, покоряюсь, отдаюсь ему... И только удержать не могу ни вздоховъ, ни стоновъ...

На ранней зарѣ, проводивъ меня почти до дому, прощаясь, Илья все еще ненасытно, требовательно цѣлуетъ меня въ утомленныя, слабыя губы...

— Пора!.. Пусти меня!.. Ну, послѣдній разъ!.. Ну, будетъ!.. Прощай до завтра... Сжалься, Илья!

Тогда онъ опускаетъ руки.

— Анна, я хочу придти къ тебѣ... въ твою комнату...

— Хорошо. Потомъ. Скоро.

Я возвращалась домой въ полусознаніи, машинально раздѣвалась, ложилась въ постель,—и не помню, какіе бывали сны, о чемъ, но просыпалась я поздно, и нехотя, лѣниво поднималась. Откроешь утромъ глаза и не хочется ни на что смотрѣть: такъ надоѣли эти обои, этотъ видъ на конюшенный сарай въ окно! Даже частенько Агаѳья Петровна меня будила! И стыдила!

— Какая вы стали, барышня, соня! Ужъ скоро полдень, коровъ подоили, а вы на перинкѣ валяетесь!

— Избаловалась я, Агаѳья Петровна! Ничего не дѣлаю! Ужъ принесите мнѣ разокъ чаю сюда! Не качайте головой! Разнѣжилась я, разнѣжилась...

Такъ пропадали пустые дни и проходили почти без-

молвные, но сладостные, но полные утомленій, любви, желаній, роскошные вечера и ночи. Я только и помню, что незакатныя зори, да первыя звѣзды, да мѣсяцъ, плывущій надъ озеромъ!

Въ одно утро я встала безпокойной. Какая-то горечь подошла къ сердцу. И не знаю, отчего. Но самой себѣ я казалась постылой.

У насъ окончательно перевозились на городскую квартиру. Не трогали только моей комнаты, а все остальное было сдвинуто, завязано, запаковано.

Въ домѣ ходьба, стукъ, перебранка. На дворѣ чужіе люди ходятъ, осматриваютъ, выносятъ вещи.

Въ городѣ отецъ снялъ мѣщанскій домикъ на окраинной улицѣ, подъ старой церковью, на горкѣ, въ пять или шесть оконъ на улицу, обсаженную лозами,—домикъ съ глухими ставнями, съ низкими потолками, но уютный, теплый, прочный, съ большимъ фруктовымъ садомъ и заросшимъ зеленымъ дворикомъ, на которомъ тоже росли сливы и груши. Его подновили, подкрасили, выбѣлили потолки, оклеили стѣны хорошенькими обоями, придѣлали парадное крыльцо,—раньше было одно, черезъ кухню...

Я два раза ѣздила въ городъ смотрѣть и распоряжаться, но для себя комнаты еще не выбрала. Все не то, не то!

Василій Дмитріевичъ распродалъ экипажи и лошадей, корову оставилъ только одну. Павла Ивановича пристраиваетъ въ богадѣльню, предполагаетъ разстаться и съ Агаѳьей Петровной, которая для него не достаточно молода и расторопна. Мнѣ всѣ эти перемѣны очень не по душѣ. Я ко всему такъ привыкла, даже полюбила: и отъ материнской могилы дале-

ко, и отъ озера... Теперь все это—прощай, прощай!

Что-то заныло въ душѣ, дѣдушка вспомнился...

Какъ онъ мнѣ говорилъ? Про Топорковыхъ? «На меня начинается охота?» Кажется, такъ.

Дѣдушка, правда твоя! Красную дичь поймалъ молодой, ловкій охотникъ. Напрасно билась въ тенетахъ. Теперь погибла.

Что отъ меня осталось? Красота вянетъ, или скоро завянетъ, молодость прошла,—или конецъ ея близокъ, не за горами,—отъ дѣвичества, отъ ясности, отъ гордости,—отъ нихъ и слѣда нѣтъ!

Что это, на самомъ дѣлѣ, мнѣ такъ скверно, стало, и сама и бѣлый свѣтъ опостылѣлъ?

Такъ я пошла къ вечеру на озеро.

Послѣ промчавшагося сильнаго ливня съ градомъ озеро пѣнилось и шумѣло, трава поникла и смялась, деревья сыпали холодными каплями.

Облака еще неслись, дождевыя, свинцовыя, поспѣшали, цѣпляясь другъ за дружкой, какъ отставшія дѣти, догоняя мать.

На мнѣ было драповое пальто, теплый платокъ. А холодъ пронималъ до костей.

Правда, холодъ? Или это — страхъ, предчувствіе какой-то бѣды неминучей?

Развѣ еще такъ рано? Нѣтъ, Илья идетъ. Тоже одѣлся потеплѣе. И куритъ.

— Здравствуй, Илья.

Мой тонъ, грустный и тихій, его озадачилъ.

— Тебѣ нездоровится? ты дрожишь?

Онъ взялъ мои руки.

— Пальцы твои, какъ ледъ. И ты мнѣ не улыба-

ешься. Не смотришь прямо... Что съ тобой, Анна, случилось?

Мы пошли подъ руку, по направленію къ березовой рощѣ, по аллеѣ. Густыя деревья хорошо заслоняли насъ отъ вѣтра.

Я скоро согрѣлась и перестала вздрагивать... Что ему сказать? Вѣдь нѣтъ ничего! А онъ допрашивалъ,—настойчиво и тревожно:

— Ну, что, что?.. Говори! Несчастіе? Съ кѣмъ?

— Нехорошо я себя чувствую. Съ утра. Все мнѣ гадко. И почему, сама не знаю. И—вотъ увидала тебя—а ничего не проходитъ.

— Но что именно случилось?

— Говорю, не знаю сама, отчего. Точитъ вотъ душу...

Я вдругъ остановилась, обернулась лицомъ къ Ильѣ и заговорила,—что и не думала, что у меня за минуту и въ мысляхъ не было:

— Я больше съ тобой, Илья, не хочу встрѣчаться.

И впилась въ него глазами.

— Это я сегодня рѣшила. Твердо... Слышишь?

Онъ, казалось, не понималъ. Но покраснѣлъ. И зрачки забѣгали.

— Нѣтъ, Илья, ты слышишь?

Я стала дергать его за рукавъ.

— Послушай, Илья, голубчикъ, ты онѣмѣлъ?.. Да брось же свою папиросу!

— Такъ, Анна, нельзя шутить. Со мной.

— Ахъ, ты воображаешь, я—нарочно! Ты мнѣ не вѣришь? Я тебѣ докажу! И я вообще не понимаю, я давно собиралась спросить: какъ ты можешь такъ вести себя по отношенію ко мнѣ? Что ты меня счи-

таешь своей любовницей, или—кѣмъ? Объяснись! На что я тебѣ далась? Мнѣ обидно!

Слова у меня летѣли сами собой, ненужныя, неожиданныя, но я не могла остановить ихъ.

— Анна, ты говоришь нелѣпости, глупости. Ты чѣмъ-то раздражена, ты бредишь, ты—больна.

Илья почти кричалъ на меня, почти гнѣвался.

— Ты знаешь, какъ я люблю тебя, ты знаешь, какъ я мечталъ, какъ я умолялъ тебя: будь моей женой, открыто, передъ людьми...

Но я уже ничего не слушала.

— Ахъ, вотъ какъ! Вы хотѣли бы на мнѣ жениться! Какая милость! Но я за васъ не пойду никогда въ жизни! За тебя, понимаешь, за тебя не пойду! Нечего, нечего! Меня не переубѣдишь. Я упряма. И мнѣ все уже ясно. Намъ надо кончить...

— Но что же... но какъ же...

— Да такъ, мой милый, мой возлюбленный... Я махнула рукой на все: на себя, на жизнь, на любовь. Конецъ, конецъ и конецъ! Вотъ сейчасъ мы съ тобой и разстанемся.

— Анна, да выслушай, да подожди...

— Сейчасъ... и разстанемся... Илья? ты... что такъ смотришь?.. Уходи! Что же ты стоишь?.. Ну, хорошо, я на прощаніе тебя поцѣлую...

И прошли наши послѣдніе часы прощальные, и шла я, путаясь въ ней, высокой росистой травѣ, и низко полыхали зарницы...

За мной кто-то всю дорогу рыдалъ и плакалъ. Илья провожалъ меня? Или сама я плакала и рыдала?

Ничего, ничего хорошо не помню. Только было

мнѣ мучительно и больно на сердцѣ и страшно жаль Илью.

Было трудно идти въ высокой травѣ,—и какъ могла я потерять дорогу?.. Кажется, у меня въ шкафу, въ углу на верхней полочкѣ, были какія-то капли успокоительныя. Не взяла ли ихъ Агаѳья Петровна? Вѣчно лазаетъ, гдѣ ее не спрашиваютъ! Теперь всю ночь не сомкнешь глазъ! Очень пріятно! А завтра надо и мнѣ укладываться. Когда-нибудь да надо!

На утро получилась записка отъ Ильи.

«Анна! Намъ нужно еще увидаться и поговорить. Я не могу такъ оставить, такъ разстаться, — по непонятной причинѣ, отъ твоихъ фантазій. Я не могу жить, я не буду жить безъ тебя, безъ твоей любви... Я мучаюсь невыносимо, я не вынесу такихъ страданій. Приди! Пожалѣй меня! Вѣдь и ты меня любишь, я знаю, что любишь... Такъ что же? Анна, не дѣлай непоправимаго, послушайся меня. Напиши».

Я долго вертѣла въ рукахъ это письмо, раздумывая. Но отвѣта измѣнить не могла.

«Нѣтъ, Илья! Конецъ пришелъ, и ничего повернуть нельзя. Я чувствую, что, продолжай мы наши свиданія, нашу несчастную любовь, насъ ожидало бы всякаго горя еще больше, чѣмъ мы испытываемъ теперь. Къ тому же я больна, дѣйствительно. Душой. Неизлѣчимо. Оставь меня. И ни на что не надѣйся. Мое слово—крѣпко. Я буду о тебѣ думать, пока—жива. Живи и ты безъ меня! Прощай!»

Вечеромъ пришла еще записка, но у меня не хватило духу прочесть ее, и я отослала обратно.

X.

Всегда вотъ такъ! Когда что-нибудь нужно, ни за что не найдешь! Все куда-то исчезаетъ, теряется!

— Агаѳья Петровна!

Она помогала мнѣ укладывать вещи.

— Что, барышня?

— Барышня, барышня! Надоѣла ты мнѣ съ своей барышней! Я тебѣ Анна Васильевна, а не барышня! Была, да будетъ!.. Гдѣ вотъ моя корзиночка для работы, такая плетеная, съ замочкомъ?

Агаѳья Петровна въ испугѣ разводила руками.

— И не знаю, и не знаю, и не видала...

— Небось, затащили куда-нибудь съ вашими уборками! Сколько разъ я просила, не трогать безъ меня ни одной вещи!

Я снимала со стѣны кое-какія гравюры, давнишнія, которыя всегда у меня висѣли: Офелію, у рѣки, съ цвѣтами, безумную, портретъ Madame de Staël, который я вырѣзала изъ книжки про нее, царевну Софью въ монастырѣ и портретъ Поля Бурже, романомъ котораго Le Disciple я ранѣе зачитывалась.

День стоялъ пасмурный, непогодный, когда выѣхала отъ насъ послѣдняя подвода съ моими вещами.

Мы съ Агаѳьей Петровной усѣлись въ пролетку, присланную отцу Топорковыми, какъ своему служащему,—

и подводы были ихнія же,—и быстро помчались, навсегда покидая старое родимое мѣсто.

И Богъ съ нимъ совсѣмъ! Что жалѣть? И здѣсь я не была счастливой, и тамъ не буду. Одни мечтанія, ребяческія, глупыя, но теперь врядъ ли возможны для меня и они.

Чѣмъ я буду? Учительницей? Прекрасно. Буду учительницей. Можетъ быть, дѣйствительно накоплю денегъ. Тогда уѣду.

Нѣтъ, стара становлюсь. Энергія пропала душевная. Даже для самообмана.

— Агаѳья Петровна, нельзя ли не ѣхать мимо Топорковской фабрики?

Кучеръ отозвался.

— Здѣсь, барышня, ближе. А если кругомъ, по низу, версты полторы крюку будетъ! Да и по шассе грязь не такая!

— Но я не хочу! Вези низомъ! Поворачивай.

Кучеръ безпрекословно свернулъ направо, на луговую дорогу, припустилъ лошадей, и скоро мы подъѣзжали на горку къ своему домику...

Два дня уже, какъ я въ немъ поселилась, устроившись въ комнатѣ съ окномъ въ садъ.

Солнце вернулось, и въ началѣ августа парило цѣлыми днями. Яблоки наливались, груши давно созрѣли,—какой чудный, здоровый запахъ.

Хорошо, мирно, просто... Никуда бы не выходить, никого бы не видѣть.

Хозяева домика оставили намъ большую бѣлую съ дымчатыми пятнами кошку. Ей понравились мои мягкія креслица.

Сяду я у открытаго окошка, самоваръ на круг-

ломъ столикѣ, рядомъ, гудитъ, гудитъ и перестанетъ, чай стынетъ, кошка умывается съ серьезнымъ видомъ, какъ-будто, на самомъ дѣлѣ, ждетъ гостей... Остается только взять карты и погадать о женихѣ!

Входитъ Агаѳья Петровна.

— Васъ, барышня, какой-то господинъ спрашиваютъ...

— Что еще тамъ такое?

— Говоритъ, нужно васъ видѣть.

— Ахъ, Господи, Боже мой! Какъ это некстати! Мнѣ теперь никого не нужно. Да кто онъ такой?

— Не сказываются.

— Позови, пожалуй.

Вошелъ высокій и полный мужчина, лѣтъ тридцати, съ какимъ-то помятымъ лицомъ, плохо одѣтый, небритый, неуклюжій.

— Что вамъ отъ меня угодно?

— Я къ вамъ, сударыня, отъ брата—Ильи Андреевича Топоркова. Вотъ онъ просилъ передать вамъ пакетъ.

И онъ подалъ мнѣ большой конвертъ.

Я вскочила.

— Но что ему отъ меня еще нужно? Я не возьму... Отнесите его назадъ. Скажите вашему брату...

Но Топорковъ продолжалъ протягивать мнѣ конвертъ и, наконецъ, положилъ его на чайный столъ.

— Илья просилъ обязательно передать вамъ. Здѣсь—другое, необыкновенное, послѣднее... Я ухожу. Прощайте.

Онъ надѣлъ фуражку и быстро вышелъ. Я не успѣла опомниться.

Опять! Я взяла конвертъ, посмотрѣла на свѣтъ,

надорвала, вынула нѣсколько листиковъ почтовой бумаги, мелко исписанныхъ.

Да, это что-то особенное! Какая-нибудь исповѣдь! Ладно! Почитаемъ! Какъ-нибудь вечеромъ. Не сейчасъ.

Я сунула рукопись опять въ конвертъ и бросила его на кресло возлѣ кровати, чтобъ не забыть... Анна все еще притворяется? Передъ кѣмъ? И зачѣмъ?

Рука сама потянулась за письмомъ, пальцы лихорадочно развернули и расправили листики. Что онъ можетъ писать такъ много?

«Сознаніе ко мнѣ вернулось, и я повелительно хочу писать къ вамъ, къ тебѣ, Анна.

Эти два дня, которые такъ неожиданно, такъ внезапно пали на мою голову всей тяжестью отчаянія и мрака, они все же минули. Душа моя выдержала, и силы мои уцѣлѣли. Во всякомъ случаѣ, ихъ осталось достаточно, чтобы въ здравомъ умѣ и твердой памяти принять послѣднее рѣшеніе,—уйти...

Я мысленно уже простился съ тобой, — т. е. съ жизнью, съ прошлымъ, со всѣми призрачными надеждами, со всѣми слишкомъ дѣйствительными мученіями,—ты была для меня всѣмъ.

Любовь жестока, или ты, или жизнь, или Богъ?

Счастье казалось мнѣ такимъ доступнымъ, любовь твоя—такой вѣрной и близкой, въ сердцѣ моемъ звучали такіе сладкіе звуки и расцвѣтали такіе пышные цвѣты,—и вотъ пришла невѣдомая буря и все разсѣяла, разметала. Цвѣты свернулись, поникли и завяли, музыка сердца замолкла и струны надорвались отъ боли, счастье развѣялось, какъ туманъ,—а любовь

твоя? Что съ ней?.. Какой злой демонъ дунулъ на нее и спалилъ ядовитымъ дыханіемъ!

Нѣтъ, Анна, такъ все непонятно, такъ безжалостна судьба, такая неприкрашенная злоба въ ея гадкой, двусмысленной улыбкѣ, что я отказываюсь не только бороться съ ней, мнѣ просто противно смотрѣть въ ея поганое лицо, чувствовать на себѣ ея неотвязный взглядъ, ощущать ея тяжелое присутствіе.

Бездушная! Мнѣ хочется ударить ее по оскаленной щекѣ желѣзной перчаткой, чтобы смыть за-одно весь позоръ человѣческой жизни. Но рука опускается безсильно. Что такое судьба? Плодъ разгоряченнаго воображенія.

И тогда я начинаю ненавидѣть тебя. Да, любовь моя, тебя. Въ сущности, ты—капризная, нервная, непостоянная, сумбурная женщина. Развѣ тебя можно было любить? Ты, разумѣется не виновата. Впрочемъ,—кто скажетъ?—можетъ быть, и ты виновата. Ты—кокетка, ты черезчуръ очаровательна. Ты влюбила меня и потомъ сама влюбилась, — Богъ тебя знаетъ, зачѣмъ. Безразсудная, безпокойная женщина!

Нѣтъ, Анна, я все говорю не отъ души, я жалуюсь на тебя кому-то.

Каждый разъ я ошибался въ женщинахъ, меня преслѣдовали неудачи, меня постоянно оскорбляли въ любви или заставляли непрестанно мучиться.

Мнѣ всегда было стыдно моихъ увлеченій! Они приходили невольно и уходили, оставляя грязные слѣды.

Я объ нѣкоторыхъ вспоминаю съ содроганіемъ, съ

отвращеніемъ. Были женщины грубыя, чувственныя, ревнивыя...

А сердце все очищалось, все требовало иного, красиваго, свѣтлаго, преображеннаго...

Только ты, только твоя красота, только чистота и прелесть твоей души, только ласки и слова твои...

Ахъ, Анна! Если бы я былъ достоинъ твоей любви! Я бы не далъ ей упасть, замереть, исказиться! Я бы поборолъ, учуялъ и разогналъ этихъ коварныхъ духовъ, которые втихомолку строили козни, смутили твою душу, исковеркали твою жизнь. И какъ я не уберегъ тебя? Что я не предусмотрѣлъ?

Но твои поцѣлуи мѣшали мнѣ думать и предусматривать, я слишкомъ поддался имъ, опьянился, ослабъ...

Коварные духи подстерегли и одолѣли меня. Я не оказался мужчиной!..

Сознаніе вернулось ко мнѣ, а страданія не уменьшились ни на йоту. Скорѣе безуміе я бы перенесъ, а теперь—нѣтъ! Прощайте, унылые дни моей жизни! Богъ съ вами, и не возвращайтесь!

Прощай и ты, Анна, далекая, прекрасная, ослѣпительная...

Впрочемъ, это очень торжественно. Я готовъ проститься мирно, безъ гнѣва. На проклятія я не способенъ. Если есть что-нибудь тебя утѣшающее, пусть оно придетъ и утѣшитъ. А я хочу успокоиться сномъ безмятежнымъ и непробуднымъ».

Въ раскрытое окно уже глядится мѣсяцъ, Агаѳья Петровна безшумно убрала самоваръ и чай, кошка свернулась въ креслѣ и мурлычитъ во снѣ. Миръ, тишина и покой...

Да, Илья, тебѣ позавидуешь. Ты избралъ благую часть. Но отчего ты не зовешь меня за собой? Ты думаешь, я струшу? Или я мало люблю тебя? Ахъ, Илья, Илья!

Холодно и страшно моему одинокому сердцу. Я хочу за тобой и къ тебѣ, мой гордый, мой единственный, мой любимый! О, улыбнись мнѣ! Здравствуй!.. Но отчего твои ланиты такъ блѣдны и сладкія уста твои безмолвны?

Я не могу. Умъ начинаетъ мѣшаться. Бѣдная Анна! Несчастная Анна! И плакать не хочется, и говорить не хочется, только сердце неугомонное бьется и, кажется, грудь пылаетъ... Илья, войди и возьми меня подъ руку! Я такая слабая, бѣдная, одинокая!.. Молчишь? не слышишь?

XI.

На утро Агаѳья Петровна подаетъ мнѣ чай, вся красная и чѣмъ-то взволнованная.

— Барышня, что я вамъ скажу!

— Ну?

— Ай-ай-ай!

Агаѳья Петровна ставитъ подносъ и утираетъ слезы.

— Ай-ай-ай-аааай!

Меня это раздражило.

— Да что такое?

— Баринъ-то молодой... Илья Андре-ичъ... утонулъ въ озерѣ.

— Какъ? Когда?

Слезы Агаѳьи Петровны текли ручьями.

— Вчерась вечеромъ... купаться вздумалъ... эдакую-то пору... только сегодня нашли... рюминскіе шли на фабрику... видятъ, барина-то къ берегу прибило... синій весь и распухшій...

Я ожидала, я знала, что Илья уже умеръ, но когда мнѣ представилось, какъ его, бездыханнаго, вытаскивали изъ воды и понесли домой,—у него мотались руки и голова,—меня охватилъ такой ужасъ, что у меня помутилось въ глазахъ, и я упала на подушки сама, какъ мертвая...

Очнулась съ головной болью, съ какой-то разбитостью во всѣхъ членахъ...

Надо одѣваться идти. Куда? Да къ Ильѣ! Взглянуть на него... Только издали! чуть-чуть! А то очень страшно...

Пріѣхалъ испуганный и взбудораженный отецъ, влетѣлъ ко мнѣ.

— Слышала?.. Знаешь?

Я замахала на него руками.

— Знаю, знаю, не говори ничего! Пощади!

Но онъ со злостью погрозилъ мнѣ.

— Изъ-за тебя вѣдь, голубушка!.. Всѣ кричатъ объ этомъ!.. Достукалась!.. Притча во языцѣхъ, теперь— по всему городу!

Я заткнула уши, сморщилась и согнулась, какъ побитая.

— Оставь! Не надо! Отецъ, замолчи!

Одна я стала спѣшно одѣваться, торопиться, какъ-будто могу опоздать и не увидѣть Ильи.

Я отправилась пѣшкомъ на главную площадь города, довольно далеко, чтобы нанять извозчика до фабрики Топорковыхъ.

Начиналась осень съ ея мелкими, тихими, безпрерывными дождями. Лужи на мостовыхъ, тротуарахъ и площадяхъ не высыхали. Шумѣли ручьи вдоль тротуаровъ, сбѣгая мутными потоками по скатамъ крутыхъ улицъ въ грязную рѣченку, протекавшую посрединѣ города.

Подъ зонтикомъ и въ калошахъ я спѣшила на площадь, скользя и попадая въ грязь.

Я вообще терпѣть не могу осенней слякоти и сы-

рости, всегда прихожу въ унылость и раздражаюсь, какъ только съ утра увижу въ окно сѣрое небо.

А теперь, думая объ Ильѣ, торопясь къ озеру, я только досадовала, что идти трудно, что дождь не перестаетъ, что вся измокнешь по дорогѣ, пока найдешь—да и найдешь-ли?—извозчика. А сама осень была мнѣ пріятна. Такъ! Зачѣмъ эти жаркіе дни, прохладные вечера и темныя, безлунныя ночи! На свѣтѣ должно быть сиротливо и мрачно. Лейте, унылые дожди, не уходите, лохматыя тучи... пусть умираетъ и любовь, и лѣто, и все, все...

За воротами и заборами стоятъ каменные купеческіе дома, прочные, молчаливые, какъ гробы, съ холодными слезящимися окнами, за которыми, кажется, такъ неуютно, сурово, непривѣтливо. Брр! По двору бѣгаютъ и лаютъ, шумятъ проволокой сердитые псы.

Что это я все разсматриваю? Не могу сосредоточиться? Какое мнѣ дѣло до собакъ, до купеческихъ домовъ? Мнѣ только увидать озеро, постоять у того мѣста и... назадъ. А тамъ я знаю, что нужно дѣлать... Ну, скоро-ли, наконецъ?

Вотъ они, два-три жалкихъ экипажа съ оборванными возницами, посреди громадной площади.

Сѣла въ первую подъѣхавшую пролетку.

— Вези, ради Бога, поскорѣе!

Извозчикъ нехотя дернулъ вожжами, взмахнулъ кнутомъ...

— Ничего, барыня! Доѣдемъ!

Но у меня лопнуло терпѣніе. Скоро-ли? Скоро-ли? Неужели только застава? А потомъ еще огороды, длинное поле! Ахъ, Господи! Хоть самой побѣжать бы!

— Извозчикъ! ты спишь, что-ли? Ну, я тебѣ еще прибавлю: подгони-же!

Извозчикъ равнодушно понукалъ лошадь.

— Но, касатка! бѣги, касатка!

Но лошадь бѣжала все прежней легкой рысцой, шлепая по грязи, спотыкаясь и позванивая по камнямъ отставшей подковой...

Это какое-то выматываніе нервовъ! Это онъ нарочно!

— Извозчикъ, остановись, я пойду пѣшкомъ. На тебѣ деньги.

— Барыня! да куда вы! эдакая грязь! сейчасъ доѣдемъ! Но, касатка! бѣги, касатка!

Добрались до топорковскихъ воротъ, возлѣ которыхъ шумѣло непривычно много народа. Фабрика, по случаю смерти директора, стояла второй день.

Я прошла мимо, не оглянувшись. Мнѣ представлялось, что загляни я во внутрь, во дворъ, я увижу похоронныя дроги,—повисшая, мертвая голова Ильи съ открытыми стеклянными глазами стукается о края гроба...

Я тогда закричу, упаду. Нѣтъ, мимо, мимо, туда, прямо къ озеру!

Раскрывъ опять зонтикъ и свободной рукой подбирая юбку, не глядя подъ ноги и попадая, какъ на смѣхъ, въ самую густую грязь, черезъ нѣсколько шаговъ потерявъ калоши, дрожа отъ холода, я пошла проселкомъ къ Рюмину, огибая фабричный заборъ.

Какая печаль въ березовой рощѣ! Какія рыданія таятъ въ себѣ задумавшіяся деревья, покорно роняя багряныя листья на пожелтѣвшую траву!

Я остановилась,—невольно, вдругъ,—когда увидала все такія же зеленыя елочки.

Здѣсь выплылъ трупъ. И здѣсь мы съ нимъ простились. Какъ это странно! Или душа еще не покинула тогда его тѣла и все стремила его къ одному мѣсту, туда, гдѣ мы съ нимъ видались,—все въ той же запоздалой надеждѣ: а не придетъ ли высокая женщина въ черномъ, не вернутся ли съ нею и жизнь, и страсть, и радость? Еще не поздно! еще волны несутъ меня къ берегу!.. Ахъ, вы, невѣрныя, перемѣнныя волны! Что же вы его обманули?

Я раздумывала, а дальше двинуться не могла. Дѣтскій страхъ проникалъ въ меня. Что если, вонъ за тѣмъ кустомъ, если я сдѣлаю еще два шага, со стараго пня встанетъ передо мной Илья и посмотритъ стеклянными глазами и скажетъ замогильнымъ голосомъ:

— Здравствуй, Анна!

Если шевельнется кустъ? Если кто-нибудь пройдетъ? Окликнетъ?

Я замерла на мѣстѣ, сдерживая дыханіе. Тихонько, безшумно повернулась назадъ и потомъ, внезапно рѣшившись, со всѣхъ ногъ, въ ужасѣ, побѣжала назадъ, черезъ березовую рощу, къ фабричнымъ воротамъ, къ людямъ, къ человѣческому голосу...

Хоть бы извозчикъ не уѣхалъ, дождался!..

XII.

Въ городѣ ходили самые невѣроятные слухи, которые передавала мнѣ Агаѳья Петровна.

Что здѣсь замѣшанъ «романъ», и при томъ неудачный, «несчастная отвергнутая любовь», никто не сомнѣвался. Толковали на тысячу ладовъ. Жестокой героиней, «неприступной и зазнавшейся», считали меня и, конечно, меня же въ одинъ голосъ обвиняли. «Его» жалѣли, но прибавляли, что послѣ его смерти я сама пробовала отравиться, но выздоровѣла, что онъ мнѣ угрожалъ убійствомъ, что я надъ Ильей издѣвалась, что я нарочно сводила съ ума старика, Андрея Петровича, что сынъ ревновалъ къ отцу и т. д., и т. д.

Самъ Топорковъ, говорятъ, убивался по сынѣ, какъ ребенокъ. Агаѳья Петровна была на похоронахъ.

— Ужъ такъ-то ли, барышня моя, объ гробъ лбомъ стучался, такъ прощался,—насилу его оторвали. Отойти не хочетъ. Ревмя-ревѣлъ, волосья рвалъ на себѣ. Ужъ увели его, на лошадь безъ чувствія посадили и увезли... А Дарья Вавиловна всѣ глаза проплакала.

— А братъ?

— Петръ Андреевичъ въ молчаніи былъ, какъ тронутый. Только стоялъ себѣ, и ни слезинки, ни словечка не проронилъ тебѣ. Пьяненькій былъ должно...

Я ко всѣмъ этимъ разсказамъ относилась хладнокровно. Они не затрогивали моей души, нисколько ее не волновали.

Ну, Илья умеръ, на меня наговариваютъ разныя небылицы. Мнѣ-то что? Пусть ихъ! И развѣ меня что-нибудь прельщаетъ въ жизни? Рѣшительно, рѣшительно ничего!

Я путешествую... Ночью, сидя у окна, наблюдаю за небомъ, за круговращеніемъ звѣздъ.

Подъ утро ложусь, въ полдень встаю, кое-какъ одѣваюсь, черезъ силу избѣгаю отца. Онъ злится и не знаетъ къ чему бы придраться, чтобы сорвать на мнѣ злобу. Обѣдаю послѣ него, одна или съ Агаѳьей Петровной,—чаще одна. Ѣмъ очень мало.

Поброжу по садику, вечеромъ посижу за воротами на скамейкѣ, небо меркнетъ,—вотъ и день прошелъ...

Что же это я не съѣзжу къ мамѣ и къ дѣду? Совсѣмъ забыла! Ну, простите меня, дорогіе!

Агаѳья Петровна готовитъ для отца холодный ужинъ и потомъ отправляется къ себѣ—спать. Павелъ Ивановичъ, который частенько навѣщаетъ насъ изъ богадѣльни, попыхиваетъ трубкой, сидя на крылечкѣ. Что-то шамкаетъ самъ съ собою. Онъ въ валенкахъ и въ овчинномъ полушубкѣ, но съ открытой головой.

Изъ дѣдушкина чубука онъ куритъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, больше на людяхъ, а такъ, для собственнаго удовольствія, купилъ себѣ такую же, какъ раньше, коротенькую изогнутую трубку.

Я его не тревожу, прохожу мимо..

Да, хорошо бы улетѣть на луну! Какъ у Жюля Верна! Надо бы его перечитать!

Отчего у меня нѣтъ портрета Ильи? Вдругъ его лицо исчезнетъ изъ моей памяти? Ахъ, какъ это глупо, какъ глупо! И какъ это я раньше не позаботилась? Надо черезъ кого-нибудь раздобыть. Обязательно. Пошлю къ этому его брату. Онъ, я думаю, не откажетъ.

Какъ много осенью звѣздъ! Нужно прищурить глаза, и тогда онѣ запрыгаютъ и затанцуютъ. Веселыя! любо имъ всю ночь водить молчаливые хороводы! Гдѣ мнѣ, бѣдной, послѣдовать за ними,—даже въ мысляхъ, въ воображеніи,—за ихнимъ весельемъ, за ихними хороводами?

Усядусь поудобнѣе въ кресло и закрою глаза. Усну... Бѣгу на свиданіе какъ шальная, по длиннымъ аллеямъ. Вотъ и берегъ. Боже, онъ уже давно ждетъ! Когда кончится это проклятое озеро? Но оно какъ будто уходитъ за мною. Я бѣгу, а оно разливается раньше меня, впереди меня, и я никакъ не могу обогнуть его къ тому мѣсту, гдѣ елочки и старый пень. Онъ можетъ уйти! не дождаться! онъ меня проклинаетъ! Крикнуть? И я стараюсь перекричать шумъ волнъ и надрываюсь отъ крика. Никто не отвѣчаетъ. Чувствую, что начинаю стонать, и не могу проснуться, не могу пошевелиться...

Меня будитъ Агаѳья Петровна.

— Что вы, барышня? Что съ вами? Можно ли сидя спать? Въ постельку ложитесь-ка!

Агаѳья Петровна разстегиваетъ и снимаетъ мнѣ башмаки, стаскиваетъ чулки, юбки и укладываетъ подъ теплое одѣяло. Я безропотно подчиняюсь.

Она, по обыкновенію, сокрушенно вздыхаетъ, охаетъ, постоитъ, перекрститъ...

— Спите покойно, а завтра пораньше встаньте, кофеемъ напою. Ванну вамъ приготовлю.

— Агаѳья Петровна, а что, отецъ еще не пріѣхалъ?

— Нѣтути, милая, нѣтути. Знать въ клубъ направился... Охъ, грѣхи наши!

И Агаѳья Петровна уплываетъ изъ комнаты.

Я, дѣйствительно, на этотъ разъ выспалась благодатно, легко. Агаѳья Петровна только что поднялась и скрипѣла дверьми, звенѣла ключами, тяжело ступая мягкими туфлями. Отецъ, видимо, не пріѣзжалъ совсѣмъ. Павелъ Ивановичъ, слышно, щепалъ лучину, наливалъ воду и раздувалъ уголь въ самоварѣ.

За окномъ прояснялся тихій солнечный осенній день. Молодая рябина, свѣшивая кисти сочныхъ и красныхъ ягодъ, бодро дожидалась первыхъ морозовъ. Паутина сверкала и развѣвалась на облетѣлыхъ кустахъ крыжовника и смородины. Трещали полногрудыя синицы, воробьи стаями садились на гряды, на деревья и такъ же стаями шумно вспархивали, когда ихъ распугивала долго таившаяся кошка.

Какъ-нибудь проживу! Что же? Садикъ хорошій, Илью буду помнить, буду видѣть сны...

Я позвала Агаѳью Петровну.

— Проснулись, барышня? Ишь, какъ прекрасно! Кофей сейчасъ готовъ.

Она говорила черезъ стѣну.

— Приготовьте мнѣ воду похолоднѣе.

— Хорошо. Павелъ Ивановичъ принесетъ изъ колодца.

Снявъ рубашку, я большой кружкой выливаю на себя полведра воды, до суха вытираюсь мохнатой

простыней. Облачаюсь въ широкое, свободное платье

— Теперь выпить бы горячаго кофе.

Агаѳья Петровна заводитъ разговоры.

— А про покойнаго Илью-то Андреевича что придумываютъ!.. Павелъ Ивановичъ вчерась въ богадѣльнѣ слышалъ... Быдто бы дѣвка фабричная есть, Марѳушка Игнатьева, что быдто бы жилъ съ ней упокойникъ... дѣтей имѣлъ... померли.

— Что вы говорите, Агаѳья Петровна?!

У меня захолонуло сердце.

— Да какъ же! Двое дѣтей! Цѣльныхъ два года жили! Я видѣла ее: дородная такая дѣвка. Только гуляла больно. По трактирамъ таскалась...

Я какъ-будто выпила вмѣсто кофе что-то противное съ непріятнымъ запахомъ, какъ-будто услыхала страшное ругательство, какъ-будто меня грубо ударили по лицу... Я сидѣла приниженная, убитая, кислая, не трогаясь, не въ силахъ тронуться съ мѣста.

И повторяла про себя упорно, безсмысленно:

— Вотъ тебѣ и разъ! вотъ тебѣ и разъ!

Что же теперь? Колотиться головой объ стѣну? Вырвать свои волосы, тянуть ихъ до слезъ?

— Агаѳья Петровна! Мнѣ стало дурно... Помогите мнѣ встать.

Перетревоженная, она довела меня до моей комнаты, и я упала въ кресло...

Два дня я пролежала въ бреду и въ безпамятствѣ. Помню, у меня въ глазахъ все колебалось: и кровать, и стѣны, и мебель, а потолокъ падалъ на меня, опускаясь ниже и ниже.

Агаѳья Петровна и Павелъ Ивановичъ перепугались на смерть, они подумали, что я сошла съ ума или

что въ меня вселился бѣсъ, потому что я, оказывается, иногда сильно металась, кричала, стучала кулаками въ стѣну... Они заказывали за меня молебны и вынимали просфоры. Тайно кропили святой водой и теплили лампадки. Отецъ приглашалъ врача.

Дѣло обошлось, на третій день я успокоилась и пришла въ себя. Но мозгъ мой усиленно работалъ...

А-а-а! Такъ, вотъ оно, въ чемъ дѣло! У него, голубчика, была страстишка на сторонѣ! Несчастный!.. Но теперь я все понимаю! Оттого онъ и грустный такой былъ! И уѣхалъ тогда неожиданно, и не писалъ долго! А какую разыгрывалъ казанскую сироту! Тода се! А у самого любовница, дѣти, да еще изъ фабричныхъ дѣвокъ,—вѣрно, пьяная, грязная, развратная какая-нибудь женщина! А развѣ самъ онъ — не развратный, развѣ меня любилъ онъ настоящей любовью, развѣ ему что-нибудь было нужно, кромѣ моихъ поцѣлуевъ?

Я ходила изъ комнаты въ комнату, ни съ кѣмъ не говорила, не пила не ѣла. Опять ослабла и опять слегла. Агаѳья Петровна ничего не понимала, боялась чего-то и смотрѣла на меня подозрительно.

А я все думаю: еще неизвѣстно, отчего онъ кончилъ самоубійствомъ! можетъ быть, та... ему измѣнила, или бросила?

Я вспоминаю все до мельчайшихъ подробностей: какъ мы познакомились, что онъ говорилъ, какъ себя держалъ...

Я вынимаю далеко спрятанный конвертъ, въ которомъ собраны его письма, и въ сотый разъ перечитываю страницу за страницей, вникая въ каждое слово, въ каждый знакъ.

Какъ все лживо, неискренно, натянуто!

Или онъ страдалъ взаправду? И самъ не находилъ выхода, не могъ развязать запутаннаго узла? А я ничего не подозрѣвала, не помогла ему, капризничила и потомъ отстранила? Что же ему, бѣдному, оставалось?

Илья, ты на меня обидѣлся? Мой единственный, мой любимый! Господинъ мой!

А я хочу посмотрѣть твою... эту... мать дѣтей твоихъ.

И мной овладѣло неотступное желаніе какъ-нибудь поскорѣе это устроить. Но какъ? Надо сдѣлать секретно. Главное, чтобы та ничего не подозрѣвала. Только взглянуть, услыхать голосъ... Какіе у ней могутъ быть глаза?

Я проводила лихорадочныя, безсонныя ночи... Дремала или не дремала, не знаю... И время летѣло или тянулось, не помню...

Какъ капля, долбящая камень, мое воображеніе преслѣдовалъ и терзалъ образъ невѣдомой, страшной для меня женщины. Непонятный, неуловимый, онъ стоялъ передъ моими глазами,—какая-то дѣвица въ красномъ, полная, съ длинной русой косой. Нагло ухмыляется и подмигиваетъ, подперевъ бокъ рукою.

Я, наконецъ, взмолилась. Уйди ты, дьявольское наваждѣніе!..

— Агаѳья Петровна!

Она, засучивъ рукава, катала и взбивала руками желтое промасленное сдобное тѣсто.

— Асеньки, милая?

— Вотъ я хочу спросить: вы что-то говорили про-

дѣвушку и... про Илью Андреевича... будто у нея дѣти отъ него растутъ?

— Мелютъ разное, пустое!.. Дѣвка она шляющая... Кто знатъ, отъ кого у ней дѣти... Илья Андреевичъ ходили къ ней, часто... и ребятишекъ дарили. Да она, чай, и его обманывала.

Я стиснула зубы, чтобы не выдать себя нечаяннымъ рыданіемъ, и нѣкоторое время промолчала. Голова у меня кружилась.

Нѣтъ, разспрошу въ другой разъ.. Не могу!..

Агаѳья же Петровна продолжала:

— Кажинный день теперь въ бескодаровскомъ трактирѣ сидитъ... съ парнями... пѣсни оретъ.

Ага, въ бескодаровскомъ! Это, кажется, подъ ихней фабрикой,—такое низкое кирпичное зданіе, изъ котораго вѣчно несутся крики, гвалтъ, ругательства!

Ничего не подѣлаешь, придется идти туда, въ этотъ трактиръ! Съ кѣмъ? Съ Павломъ Ивановичемъ? Да, хоть съ нимъ!

— Агаѳья Петровна, вы сегодня въ городъ пойдете?

— Ко всеночной пойду. У Миколи завтра праздникъ.

— Небось, тамъ и Павла Ивановича увидите? Зовите его, онъ что-то не былъ давно.

— Какъ давно, барышня? Позавчера только ушелъ.

— Ну, что-жъ изъ этого? Мнѣ безъ него скучно. Такъ и скажите. Я ему хорошаго табаку приготовлю.

Павлу Ивановичу съ трудомъ растолковала, что мнѣ отъ него нужно.

— Посижу, посижу, выпить я всегда не прочь.

Только ты-то къ чему?.. въ трактирѣ-то?.. Да тебѣ тамъ поѣдомъ съѣдятъ... того ли наслушаешься. Да и зачѣмъ же?

— Да ужъ не спрашивай, Павелъ Ивановичъ. Пойдемъ, да пойдемъ. Полдороги проѣдемъ.

— Охъ-ти-ти!

Павелъ Ивановичъ вынулъ изо рта трубку.

— Чудно что-то! Невдомекъ мнѣ.

Я одѣлась попроще, на голову накинула черный платокъ, шаль — на плечи, и сама на себя въ зеркало удивилась. Походила на скромную мѣщанскую вдову.

Вечеромъ отправились.

Павелъ Ивановичъ, запахиваясь въ старую солдатскую шинель, притулился въ углу извозчичьей пролетки и, казалось, спокойно дремалъ съ потухшей трубкой въ зубахъ.

Мнѣ было не по себѣ, и все хотѣлось его растолкать, чтобы было хоть немного веселѣе, чтобы его трубочка жила и попыхивала.

Когда мы слѣзли съ извозчика недалеко отъ фабрики, мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно и дико. Куда я? А не вернуться ли? Что за сумасшествіе, — идти въ трактиръ, да еще ночью, почти одной?

— Барышня, Анна Васильевна, да куда тебѣ Богъ несетъ?

Павелъ Ивановичъ нерѣшительно слѣдовалъ за мной.

— Идемте, Павелъ Ивановичъ! Не отставайте!

Кругомъ быстро темнѣло, и фабричные огни разгорались все ярче и ярче. Электрическіе шары сіяли спокойно и увѣренно, распространяя лиловые лучи.

Вблизи мигали свѣтлыя окна и открытыя двери лавочекъ, трактировъ, пивныхъ. Толкался народъ, двигались телѣги...

Меня опять остановилъ страхъ. На насъ же, повидимому, никто не обращалъ вниманія, и не находили ничего страннаго въ томъ, что старый солдатъ и молодая баба стоятъ на крыльцѣ бескодаровскаго трактира.

Я пріотворила туда дверь и окинула однимъ взглядомъ большую комнату. Народу было немного, все мужики, и среди нихъ ни одной женщины.

И только я успѣла откинуться назадъ, какъ ватага парней и дѣвицъ, смѣясь, гикая и напѣвая, взбѣжала на крыльцо, и одинъ хлопнулъ меня по плечу.

— Посторонись, молодуха, дай пройти.

Они шумно, съ визгомъ, протискались въ дверь.

И женскій голосъ залился уже извнутри:

Надѣну черно платье,
Въ монашки я пойду,
И дамъ я Богу клятву,
Что замужъ не пойду.

Сердце подсказало, что это и есть нужная мнѣ компанія, что среди трехъ дѣвицъ находится и Марѳа Игнатьева. Не она ли запѣла?

— Павелъ Ивановичъ, я не хочу въ трактиръ. Вотъ вамъ: посидите, выпейте. А я побѣгу домой. Смѣна идетъ: мнѣ и не страшно. До городу доберусь, а тамъ совсѣмъ безопасно. Ничего! Ничего! Выпейте, а потомъ къ намъ ночевать. Время еще не позднее. Часовъ восемь.

Павелъ Ивановичъ согласился.

— Ну, хорошо. Я тогда подожду.

Павелъ Ивановичъ скрылся за дверью. Я юркнула въ темный переулокъ и придожила лицо къ оконному стеклу.

Было плохо видно и слышно, окно запотѣло. Я протирала его и всматривалась: ни парней, ни дѣвицъ. Очевидно, расположились въ какомъ-нибудь укромномъ углу...

Я прикурнула къ стѣнѣ и, уткнувщись въ рукавъ, заплакала...

Вытерла слезы, пошла. Павелъ Ивановичъ уже стоялъ на крыльцѣ, вытирая усы.

Попался обратный извозчикъ, и мы съ нимъ уѣхали.

Я, на самомъ дѣлѣ, поступила въ учительницы, хожу на уроки, спрашиваю стихи, провѣряю тетрадки... Старѣю, сижу дома, много сплю... Жду чего-нибудь? Нѣтъ, кажется, ничего не жду...

Конецъ второй и послѣдней части.

Май-Октябрь, 1911 г.

Книгоиздательство „ЗВѢЗДА“ Н. Орфеновъ.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

ЦѢНА КАЖДАГО НОМЕРА 10 КОП.

Выписывающіе изъ главной конторы не менѣе, чѣмъ на одинъ рубль, за пересылку не платятъ. Заказы, менѣе чѣмъ на одинъ рубль, наложеннымъ платежемъ не исполняются.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ:

№ 1. **Г. Зудерманъ.** Индійская лилія. Новелла. Пер. съ нѣмецкаго *Л. Ядринцевой.* Стр. 104.

Въ „Индійской лиліи“ въ немногосложной, выточенной формѣ при нѣсколько шутливомъ тонѣ передъ нами развертывается одна изъ страницъ человѣческой жизни, имѣющая для послѣдней глубокій смыслъ.

№ 2. **М. Прево.** Исторія пышечки. Разсказъ. Пер. съ французскаго *В. Крив—ской.* Стр. 72.

М. Прево—тонкій психологъ и знатокъ „женской психологіи“ въ особенности. „Исторія пышечки“ представляетъ прекрасный образецъ мастерства и наблюдательности, свойственныхъ вообще М. Прево.

№ 3. **А. Килландъ.** Битва при Ватерлоо. Старый воронъ. Увядшіе листья. Бальное настроеніе. Новеллы. Пер. съ норв. *М. Линдстремъ.* Стр. 88.

А. Килландъ принадлежитъ къ скандинавскимъ писателямъ-реалистамъ. Онъ нѣсколько пессимистъ, и юморъ, которымъ проникнуты многіе его разсказы, — юморъ, тонкаго, глубокаго наблюдателя. Такія коротенькія новеллы, какъ „Старый воронъ“ или „Бальное настроеніе“ о многомъ заставляютъ подумать читателя.

№ 4. **К. Мейеръ.** Пажъ Густава Адольфа. Новелла. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Ядринцевой.* Стр. 83.

Историческая новелла, обрисовывающая характеръ историческихъ личностей, какъ напримѣръ, Густава Адольфа, короля шведскаго, Валленштейна, и рисующая нравы эпохи.

№ 5. **К. Микшатъ.** Таинственная исторія. Угощені Павла Шперлинга. Дочери обергишпана. Изъ временъ париковъ. Дворянское гнѣздо. Перев. съ венг. *В. Даніеля.* Стр. 79.

Коломанъ Микшатъ считается лучшимъ венгерскимъ разсказчикомъ-юмористомъ. Къ серіи юмористическихъ относятся и вышеупомянутые разсказы.

№ 6. **Андрэ Додрэ. Ардженьонская Мадонна.** Разсказъ. Перев. съ французскаго *В. Крив—ской.* Стр. 64.

Разсказъ, взятый изъ жизни контрабандистовъ итальянскихъ провинцій, пограничныхъ съ Швейцаріей, очень ярко обрисовываетъ мѣстные нравы, понятія жителей этой мѣстности—почти еще дѣтей природы, съ ихъ примитивной вѣрой и простотой жизненныхъ отношеній.

(Изъ отзывовъ „Mercure de France").

№ 7. **А. Геденстернъ. Новая лошадь. Зеркало тети Лизы. Порокъ священника. Домъ № 34, второй этажъ. 5 талеровъ за обѣдъ и 3½ за ужинъ.** Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ *В. Готвальтъ.* Стр. 64.

„Смѣяться сквозь слезы" умѣли многіе писатели, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ вообще нѣтъ бодраго смѣха, потому что онъ тонетъ въ слезахъ...

У насъ этимъ талантомъ былъ одаренъ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Среди западныхъ европейскихъ писателей такихъ счастливцевъ мало: Альтенбергъ... Бурже... покойный Розеггеръ... и—Геденстернъ.

Имя Геденстерна, къ сожалѣнію, совсѣмъ незнакомо русскому читателю. А, между тѣмъ, у этого писателя есть много произведеній, не уступающихъ, пожалуй, твореніямъ лучшихъ художниковъ слова...

Тонкій юморъ въ Зеркалѣ тети Лизы... мягкая, чисто-чеховская, грусть въ 5 талерахъ за обѣдъ и 3½ за ужинъ и искрящійся смѣхъ въ наброскѣ Новая лошадь... это такое богатство красокъ, которое не часто находится у одного писателя...

(Изъ предисловія).

№ 8. **„Параллели"** Сборникъ разсказовъ: *Ж. Ришпэнъ.* „Параллели". „Констанъ Гиньяръ". *А. Лихтанберже.* „Пріятельницы maman" *А. Ришаръ.* „Пуло и Азоръ" *Ж. Жакэнъ.* „Цезаракъ противъ Кагулака." Перев. съ французскаго *В. Крив—ской.* Стр. 64.

Съ сборникѣ „Параллели" помѣщены нѣсколько разсказовъ, объединенныхъ одной мыслью: все случайныя встрѣчи и контрасты. Разсказы принадлежатъ авторамъ, ополчившимся противъ лжи, условной морали, всякаго лицемѣрія. Во главѣ ихъ стоитъ Жанъ Ришпэнъ—революціонеръ въ литературѣ, преслѣдующій фальшь и безстрашно вскрывающій язвы современнаго общественнаго строя. Это особенно ярко выявляется въ его разсказахъ изъ жизни бѣдноты и бродячаго люда. Жанъ Ришпэнъ—французскій Горькій—любитъ своихъ „голяковъ" потому, что жилъ съ ними, но сентиментальности въ немъ нѣтъ, даже есть отчасти грубость, которой нельзя избѣжать, рисуя данную среду, и эта грубость не оскорбляетъ—это сама жизнь.

(Изъ отзывовъ Леметра и др.).

№ 9. **Ф. Ленцъ.** Смѣшная публика. Юмористическіе разсказы изъ военнаго быта: Собака поручика. Батальонное знамя. Перев. съ нѣмецкаго *В. Готвальтъ*. Стр. 64.

№ 10. **У. Джекобсъ.** Сбѣжавшій женихъ. Глава семьи. Отмѣненный приговоръ. Разсказы. Пер. съ англ. *А. Травиной*.

У. Джекобсъ одинъ изъ современныхъ англійскихъ юмористовъ школы Джеромъ К. Джерома. Джекобсъ не озлобленный, ѣдкій сатирикъ, но именно *юмористъ*, и юморъ его неистощимъ. Нѣтъ такого положенія въ жизни, гдѣ Джекобсъ не нашелъ бы комизма и всѣ приключенія его героевъ такъ естественны, что читатель не можетъ не согласиться съ ихъ возможностью: все это бываетъ, онъ самъ видалъ и, можетъ быть, переживалъ такія положенія.

№ 101. **Л. Н. Толстой.** Живой трупъ. Драма въ 6-ти дѣйствіяхъ и 12-ти картинахъ. Съ добавленіемъ цыганскихъ пѣсенъ, исполняемыхъ во 2-ой картинѣ 1-го дѣйствія. *Изданіе второе*. Стр. 112.

«Отмѣчая „положительные результаты художественнаго познанія", достигнутые въ Аннѣ Карениной, Д. Н. Овсянико-Куликовскій говоритъ: „Эти результаты въ существенномъ сводятся къ изображенію и истолкованію процессовъ разложенія классовой аристократической психологіи, наступившихъ вслѣдъ за великими реформами 60-хъ гг. послѣ величайшаго въ нашей исторіи перелома"... Толстой „далъ исчерпывающее психологическое и бытовое художественное изслѣдованіе, наглядно показывающее, что время Болконскихъ и Безуховыхъ прошло и не вернется и настало время Вронскихъ и Облонскихъ, которые всѣми мелочами своего внутренняго міра словно чувствительнымъ, психическимъ аппаратомъ отмѣчаютъ пройденный Россіей историческій путь и то направленіе, въ которомъ она движется дальше".

„Живой трупъ"—новая ступень въ этомъ направленіи».

И. Игнатовъ.

(„Русскія Вѣдомости" № 219. 24. IX. 1911).

№ 102. **В. А. Михайловъ.** Отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ. Историко-литературный очеркъ. Стр. 84.

„А. В. Михайловъ разбираетъ отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ и указываетъ, какъ французскіе писатели вдохновились благородствомъ и красотой русскихъ женщинъ, ушедшихъ въ ссылку за своими мужьями-декабристами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, какъ, не зная русской души и самой сущности русской жизни, французскіе писатели исказили русскихъ героевъ и героинь до неузнаваемости, до шаблонныхъ подвиговъ какихъ-то драматическихъ героинь.

Несомнѣнно, книжки цѣнны, такъ какъ по своей дешевизнѣ доступны широкой читающей публикѣ, а по содержанію интересны".

Г. Петровичъ.

(„Рязанскій Вѣстникъ" № 296. 28. XI. 1911 г.).

„Хорошо, что издательство не ограничивается беллетристикой: намѣченъ рядъ книжекъ по исторіи и исторіи литературы.

Въ дешевыхъ изданіяхъ историко-литературнаго характера мы нуждаемся давно.

И издательство восполняетъ замѣтный пробѣлъ".

М. Кадишъ.

(„Вечерняя Газета" № 75. 7. XI. 1911 г.).

№ 103. **С. М. Кавелина.** Новыя данныя къ характеристикѣ И. С. Никитина по неизданнымъ матеріаламъ. Стихотворенія И. С. Никитина. Стр. 84.

„Почти всѣ статьи и воспоминанія о Никитинѣ не даютъ ничего новаго, въ большинствѣ случаевъ это лишь пережевываніе стараго, давно извѣстнаго матеріала. Выдѣлить надо лишь статью Кавелиной. Статья эта даетъ новый, довольно богатый, по своему содержанію, матеріалъ, который послужитъ для освѣщенія взглядовъ и внутренней жизни поэта... Матеріалъ, опубликованный г-жей Кавелиной,—это неизвѣстная еще доселѣ страничка поэмы жизни Никитина, нѣсколько бликовъ свѣта, упавшихъ на ея героя".

(Бюллетени литературы и жизни" № 4. 1. XI. 1911 г.).

№ 104. **В. Готвальтъ.** Отечественная война. Историческій очеркъ событій войны 1812 года. Стр. 96.

„...Томики книгоиздательства — изящны по внѣшности, нацечатаны хорошимъ четкимъ шрифтомъ; переводные изъ нихъ—вполнѣ литературны.

Имена избранныхъ авторовъ едва ли нуждаются въ особой рекомендаціи.

Какъ пріятное нововведеніе, слѣдуетъ отмѣтить, что новая фирма не ограничиваетъ свою дѣятельность исключительно беллетристикой и драмой. Но, какъ мы видѣли выше, даетъ и рядъ монографій историко-библіографическаго характера".

(„Голосъ Москвы" № 272. 26. XI. 1911 г.).

„...Основное требованіе, вытекающее изъ самой задачи популяризаціи художественной литературы: произведенія послѣдней должны быть по возможности изданы и внѣшне художественно.

Подобный пробѣлъ, какъ намъ кажется, и восполняетъ к.-изд. „Звѣзда", приступившее къ выпуску своей „Популярной Библіотеки".

Эти выпуски производятъ самое пріятное впечатлѣніе: изящная внѣшность, четкій шрифтъ, хорошая бумага, вполнѣ литературные переводы, дешевизна (каждый номеръ 10 коп.) ставятъ ихъ, можно сказать, внѣ конкуренціи.

Все это заставляетъ пожелать „Популярной Библіотекѣ" широкаго распространенія въ массѣ читателей: въ лицѣ ея мы видимъ вполнѣ удавшуюся попытку дать, наконецъ, общедоступную книгу, художественную не по одному только названію".

С. В.

(„Уральская жизнь" № 283. 31. XII. 1911 г.).

Печатаются:

М. Ленерю. Живая. Легенда.

„«Живая»—поэма въ прозѣ, въ которой стилемъ трепетно-чуткимъ, какъ сейсмографомъ души, записаны тончайшія вибраціи живой матеріи"

Фернандъ Грэгъ.

(...„на конкурсѣ журналовъ „La Vie Heureuse и „Journal" новелла г-жи Ленерю „La Vivante" удостоена высшей преміи".

„*Les Annales politiques ex littèraires*" 22 янв. 1911 г.)

Освобожденные. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

„Сжатый, компактный стиль, граціозные переходы, сверкающія мыслью и глубиной переживанія, все это заставитъ читать пьесу и отмѣтить серьезное творчество, зажигающее мысль своими смѣлыми чарующе-простыми выводами".

Фернандъ Грэгъ.

(...„Благородно-трагическая по своему содержанію, исполненная настроенія, достигающаго размѣровъ сильнаго волненія въ драматическихъ мѣстахъ, психологическая драма г-жи Ленерю сродни драматическому, могучему и проницательному искусству г. де-Кюреля...

Остается только добавить, что драма г-жи Ленерю написана прекрасно, сильнымъ и выразительнымъ языкомъ".

„Въ Россіи и за границей", Рене Гиль.

(„Русская Мысль" іюнь 1911 г.)

„Послѣ довольно продолжительнаго литературнаго и театральнаго затишья—сколько сразу знаменитыхъ и выдающихся событій въ этой области человѣческаго творчества!

Вчера еще никому неизвѣстные, ничѣмъ себя не предвозвѣстившіе, заблестѣли они вдругъ яркими звѣздами на литературномъ горизонтѣ. Кто они? Сегодня—они знаменитости. Ихъ читаютъ нарасхватъ, вокругъ ихъ именъ ведется ожесточенная полемика, ихъ восхваляютъ, превозносятъ.

Одна изъ нихъ Марія Ленерю—авторъ новой пьесы—„Les affranchis", поставленной недавно Антуаномъ въ театрѣ „Одеонъ" и вызвавшей настоящую бурю энтузіазма и восторговъ.

Давно уже драматическое произведеніе не вызывало во Франціи такого глубокаго и къ тому же идейнаго интереса, не производило такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ эта пьеса „Les affranchis", которую поставилъ Антуанъ, попрежнему и несмотря на свое офиціальное положеніе директора правительственнаго театра продолжающій отыскивать и находить новые и свѣжіе таланты, среди которыхъ Марія Ленерю первымъ же своимъ произведеніемъ заняла выдающееся и завидное мѣсто.

(«Утро Россіи»).

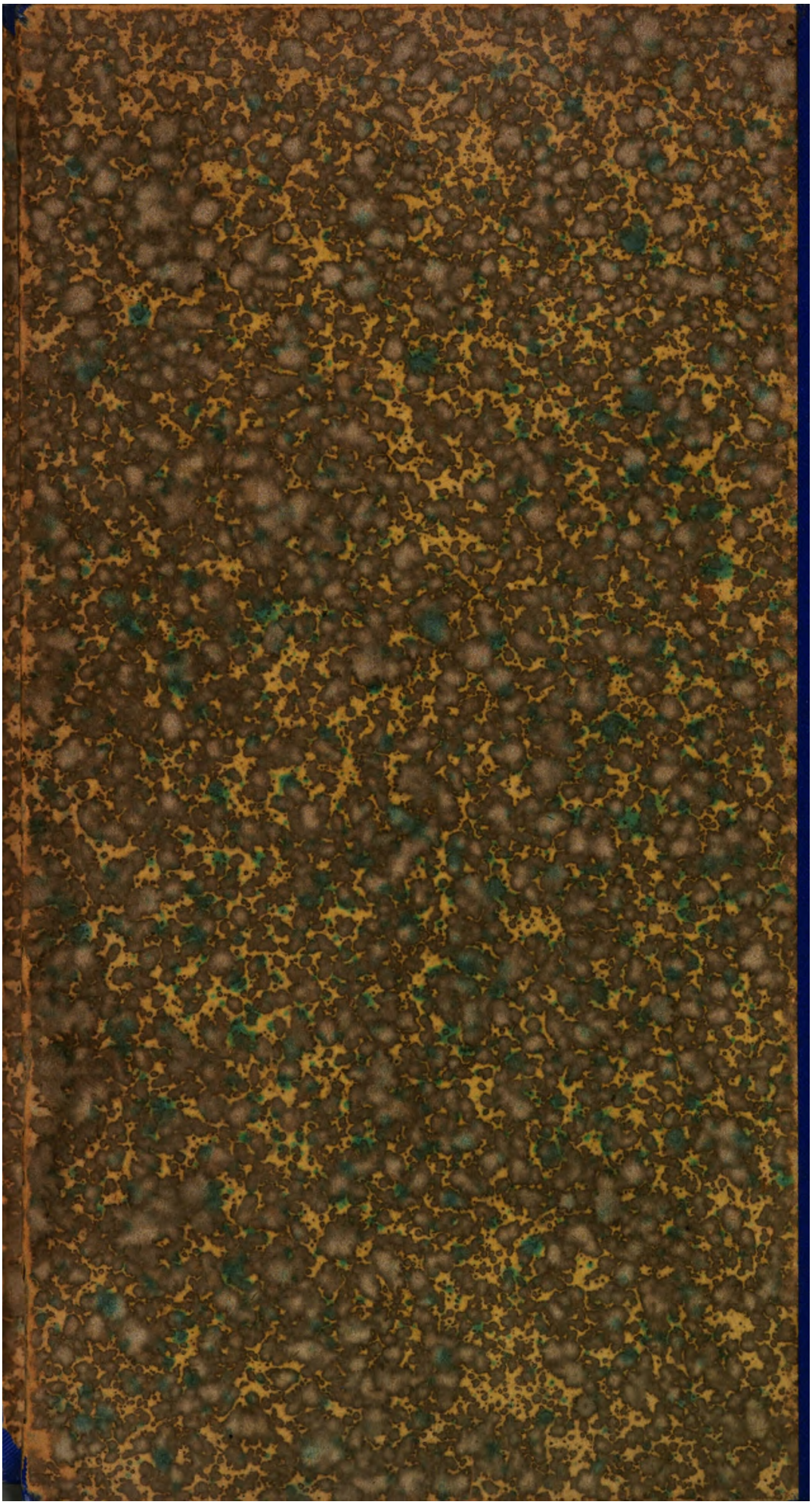
А. Килландъ. Ядъ. Романъ. (Т. II. Собр. сочиненій).

П. Лоти. Собраніе сочиненій. Т. I.

NEH

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
0055643809

891.7R898
U1

PRESERVATION MICROFILMED

JUN 2 0 1955